

Международная научная конференция РОССИЯ В КООРДИНАТАХ УДАРНЫХ ПЕРЕМЕН: социум, экономика, техносфера

Под редакцией
Ю. М. Осипова,
Т. С. Сухиной

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова

Экономический факультет

Научный совет

«Центр общественных наук МГУ»

Академия философии хозяйства

Международная научная конференция

**РОССИЯ В КООРДИНАТАХ
УДАРНЫХ ПЕРЕМЕН:**

социум, экономика, техносфера

Сборник тезисов выступлений

Москва
4—6 декабря 2019

УДК 330.3
ББК 65.9(2Рос)
М43

М43 Международная научная конференция «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера»: Сборник тезисов выступлений / Под ред. Ю. М. Осипова, Т. С. Сухиной. — М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019. — 192 с.

ISBN 978-5-906932-35-8

В сборнике приводятся тезисы выступлений участников Международной научной конференции «Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера», состоявшейся 4—6 декабря 2019 г. на экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова по инициативе лаборатории философии хозяйства и Научного совета «Центр общественных наук МГУ».

Тезисы сгруппированы в разделы в соответствии с программой конференции.

Материалы сборника публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-906932-35-8

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ю. М. Осипов</i>	
Россия в координатах ударных перемен.....	8
РАЗДЕЛ I. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РОССИЯ	
В КООРДИНАТАХ МИРОВЫХ ПЕРЕМЕН.....	11
<i>А. Ю. Архипов</i>	
Меняющийся мир и Россия	11
<i>И. А. Андреев</i>	
Мягкая сила России в количественных сопоставлениях	13
<i>О. В. Брижак</i>	
Условия встраивания корпоративного капитала в национальную экономику в координатах мировых перемен	15
<i>Д. В. Гарбузов</i>	
Современная Россия: концепт и реальность.....	18
<i>И. А. Горюнов</i>	
Россия: новые вызовы, новый мир	21
<i>А. А. Гришко</i>	
Трансформация государственной долговой политики в проекции мировых и внутрихозяйственных перемен	24
<i>М. М. Гузев</i>	
Ударные перемены или перемена направленности удара?.....	26
<i>О. И. Гуленок</i>	
Роль России в многополярной трансформации.....	28
<i>А. Н. Елецкий</i>	
Эволюция роли России в меняющейся структуре мирохозяйственного лидерства	31
<i>Е. В. Зайцева, П. С. Толкачев</i>	
Россия в условиях обострения цивилизационного противостояния: ценностный аспект.....	33
<i>В. Я. Иохин</i>	
Россия: внешние, внутренние вызовы и выход.....	36
<i>В. В. Кашицын</i>	
Современные российские перемены и их природа.....	39

<i>А. Н. Клепач, О. В. Доброчеев</i> Экономика космического человека.....	42
<i>Т. И. Коптелова</i> Органическая парадигма хозяйства как основа устойчивого экономического развития России	44
<i>А. В. Кузнецов</i> Россия в координатах англосаксонского глобализма	47
<i>М. В. Кулаков</i> Россия в надвигающемся мировом тектоническом разломе	50
<i>В. М. Кульков</i> Поводы и пути перемен.....	53
<i>В. Ю. Маслихина, О. С. Белокур, Г. С. Цветкова</i> Подходы к идентификации и позиционированию провинциального региона на основе компаративного анализа	56
<i>Е. А. Починкова</i> Перемены или развитие: сложный ответ на простой вопрос	59
<i>С. П. Рамазанов</i> Перемены на пути к крепости России — обретение подлинного суверенитета и целостности	62
<i>И. И. Рудяк</i> Массовый человек станет ненужным: концепция лишнего человека в рамках русской литературы XIX в. и в рамках мировой экономики XXI в.	64
<i>Смагина В. В.</i> Тенденции изменяющейся экономической политики России в координатах мировых перемен	67
<i>Г. В. Фадейчева</i> Общемировые траектории перемен и формирование общественной потребности развития России.....	69
<i>Л. Г. Чередниченко</i> Региональная дифференциация в контексте национальной безопасности.....	71
<i>Н. А. Шапиро, М. Ю. Курганская</i> Концепции изучения гендерных неравенств на рынке труда	73
<i>Е. В. Шелкопляс</i> Софиасофия, философско-культурологический холизм, теория оптимума развития. преодолевая разрыв познания: мировые перемены — от вечного до повседневного.....	76
<i>Т. Н. Юдина</i> Концептуальная, изменяющаяся Россия в контексте внутренних и внешних перемен (ключ к ее познанию).....	80

РАЗДЕЛ II. ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ РОССИЯ: СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, ТЕХНОС	82
<i>С. В. Бирюков</i> Раскол, индивидуализм и общие ценности: есть ли разгадка у российского ребуса?	82
<i>Е. Н. Братищева</i> Об одной неоднозначной функции золотовалютных резервов.....	85
<i>О. В. Евграфова</i> Философия хозяйства для экономики России: общее и особенное в парадигме перемен	87
<i>П. П. Жуликов, О. В. Жуликова</i> Изменяющаяся экономика современной России.....	89
<i>С. В. Кайманаков</i> Социальная направленность экономики России	91
<i>В. К. Королев</i> Экономическая культура как презентация человеческого «капитала» в проблематике модернизации экономики России.....	94
<i>М. В. Лабузов</i> СРавнительный анализ моделей прогнозирования высокочастотных финансовых временных рядов	96
<i>М. И. Лугачев</i> Блеск и нищета от цифровых технологий	99
<i>С. С. Мерзляков</i> Возможности для модернизации: институты, ценности и опережающее разрешение.....	102
<i>Г. В. Михайлова</i> Исторические особенности регионального экономического образования	104
<i>Н. П. Недзвецкая</i> Особенности построения диджитального российского социума.....	107
<i>С. С. Носова</i> Рост российской цифровой экономики в режиме технологической безопасности страны	109
<i>А. А. Олейников</i> Евразийский выбор России: некапиталистическая модель многоукладного хозяйства	112
<i>А. В. Пиковер</i> Информатизация, цифровая экономика и социальное отчуждение.....	116

<i>А. А. Прудникова</i> Особенности и приоритеты экологического развития экономики России.....	120
<i>Л. И. Ростовцева</i> Ценностный разворот России.....	123
<i>С. С. Слепаков</i> Кризис экономических коммуникаций в социально-хозяйственной системе современной России.....	126
<i>Н. Э. Соколинская</i> Цифровая трансформация банковского сектора	129
<i>Р. Е. Соколов</i> Миграция в католическом социальном учении и евангелической этике	132
<i>И. В. Трегуб, И. А. Новоселов</i> Экономика изменяющейся россии. Рынок ипотечных облигаций ..	134
<i>Е. Х. Хабибуллина</i> экономическое будущее России в исследованиях русского евразийства. Учение о континентальном державном хозяйстве России-Евразии (по работам П. Н. Савицкого)	137
<i>К. А. Хубиев</i> Противоречия экономической политики лебеда, рака и шуки.....	140
<i>Г. С. Широкалова</i> Семейная память как фактор формирования отношения к современной России.....	142
РАЗДЕЛ III. РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕМЕН: НАМЕРЕНИЯ, ПРАКТИКА, КОНЦЕПТЫ.....	145
<i>М. И. Бубнова</i> Факторы геостратегических приоритетов России в условиях нового мироустройства	145
<i>А. А. Гулиева</i> Инновационная модернизация, социальные факторы роста и совершенствование социального инвестирования	148
<i>В. Г. Доброхлеб, Т. Ю. Яковец</i> О социальной доктрине 2025	151
<i>О. В. Доброчеев</i> Вторая волна российского социального государства.....	153
<i>Н. Д. Елецкий</i> Управление формами неоглобализации: концептуальные подходы и потенциал российского влияния	155

<i>Д. С. Клементьев</i> Управление техногенезом при активном воздействии на природную среду.....	158
<i>Н. П. Козиенко</i> Какие же перемены нам необходимы: в России или самой России?	161
<i>Е. В. Косов</i> Зачем нужны разные деньги	164
<i>К. В. Молчанов</i> Проект «Капитал—2» как основание диалектической программы создания и роста экономики России из сырьевой экономики	167
<i>М. Г. Покидченко</i> Экономическая политика современной России — исторический анализ.....	170
<i>А. К. Рассадина</i> Транснациональные корпорации и роль прямых иностранных инвестиций в российской экономике	172
<i>И. Д. Спаский</i> Рефлексия экономического мышления в практиках управления переменами: экономико-онтологические и антропологические аспекты	175
<i>Т. С. Сухина</i> Экологические проблемы и пути решения	177
<i>С. Н. Турищев</i> Ориентиры биопргноза.....	180
<i>Н. Б. Шулевский</i> Школа и образование — софийные творцы русского мира	182
<i>Я. С. Ядгаров</i> Векторы прорыва и причины поражения косыгинской реформы управления переменами в «советской экономике»: концепт академика Л. И. Абалкина	185
<i>А. Г. Войтов</i> Диалектика продаж	188
<i>А. П. Бабаев</i> Общие черты и различия политической экономии и экономикс	190

*Ю. М. ОСИПОВ
д.э.н., профессор,
заведующий лабораторией философии хозяйства,
экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

РОССИЯ В КООРДИНАТАХ УДАРНЫХ ПЕРЕМЕН

Мир XXI в. — мир крутых перемен, как подготовленных предшествующим бытием-историей и реально вспыхнувших в текущий его момент, так и активно и весьма бесцеремонно внедряемых в мир правящим в нем верхом (центром, структурой, кластером).

Среди этих перемен обращают на себя внимание, во-первых, наше-ствие на человеческий мир античеловеческого антимира, или иначе — трансгрессия мира человеческого в иной — уже постчеловеческий — мир с постчеловеком в сетевой, массовидной, атомарной среде, а также, во-вторых, приход и активное внедрение в человека и в социум обеспечивающих вышеуказанную трансгрессию новейших (нейро-кибер-генно-нано-цифро-психо-) технологий, способных прервать земно-естественное бытие человека, устранив его космо-земное существо и заменив то и другое на их искусственные (технотронные) не то подобия, не то аналоги, не то что-то вообще уже запредельное.

Нравится это кому-то или нет, но речь идёт о вполне ударных перемен-нах — как по их радикальности и способу реализации, так и по возможным, вполне себе при всем их кажущемся невероятии вероятным, последствиям.

Отрыв бытия, мира и человека от самих себя, пусть и весьма уже техни-зированных и в небольшой доле уже обыскуственных, набирает обороты, ведя дело к какой-то явно конечной, но не станции вовсе, вроде железно-дорожной, а к некой полной эсхатологической завершенности.

На фоне указанных грандиозных перемен разворачиваются не сильно уступающие им по размаху и силе грандиозности общепланетарные гео-политические перемены, обозначенные хоть и растянутым по времени, но уже, как видится, непременным крушением однополярного, при этом сплошь прозападного (проевроамериканского), мира и становлением мира многополярного, в связи с чем на планете разверзлась, пусть в основном пока и не сильно милитарная, борьба всех против всех с участием госу-дарств, межгосударственных группировок и миромасштабных финансо-

вых, производственных, идеологических и политических топ-субъектов негосударственного типа — тоже вполне себе и ударная борьба, весьма для мира человеческого судьбоносная, как и немало для человечества опасная и эсхатологически крайне рискованная.

Россия как великая держава и один из уникальных и значимых центров зёмного мироздания, в самой гуще идущих в мире перемен — и как их активный субъект, и как их же вольно-невольный объект.

Открывшись в 1990-е гг. глобозападнизму, Россия стала объектом глобозападнических перемен, включая и антимировские, и античеловеческие, а выдвинув свои геополитические претензии Западу и вновь став на позиции суверенного великодержавия, Россия, с одной стороны, включилась в борьбу с глобозападным имперского пошиба моноцентризмом ради построения полицентричного и партикуляризованного, хотя уже и глобализованного, мира, а с другой — получила ударную «ответку» от Запада во главе с США в виде обложной гибридной (гуманитарной) войны, в которой Россия занимает подчеркнуто оборонительную позицию, не мешающую ей при этом делать в сторону Запада и чувствительные наступательные выпады.

Россия, — в лице прежде всего проглобозападно настроенной части своего правления — не только признала идущий по миру с Запада новый научно-технологический переворот с его трансгрессивной относительно человека и земного мира потенцией, но и в меру своих возможностей (в основном по оборонно-милитарному вектору) включилась в его реализацию, вполне и ударную, привнося в российскую экзистенцию весьма ощутимые технотронные перемены, опять же вполне себе ударного свойства.

Россия ныне достаточно сильно уже интегрирована в планетарный мир и уйти от судьбоносных перемен, происходящих на планете непосредственно в общечеловеческом статусе, никуда и никак не может, да и не собирается этого делать, — она, повторяем, посильная участница указанных общепланетных перемен, либо как их добропорядочный субъект, либо как их вполне себе пламенная жертва.

Нынешняя Россия вовсю полнится и собственной ударно-переменной былью, связанной, безусловно, с внешней мировой, но имеющей и эндогенное происхождение. Дело в том, что Россия не только вольно или невольно воспринимает не слишком органичные ей и прогрессивные-де себя переделывания, но и оказывается способной не просто этому переделыванию противиться, желая получить что-нибудь более для себя приемлемое, но и объективно — как самим ходом реальных вещей, так и самими «проделками» ирреальной неизвестности, отринуть пореформенное устройство страны и предложить ей что-то заметно иное, уже и постреформенное. Правящий пореформенный верх вынужден из-за этого немало заигрывать с глубинной Россией, опасаясь ее полномерного выхода на бытийно-исто-

рическую арену, причем опасаться куда как более, чем опасался в 1990-е гг. реванша разгромленного им совето-социализма.

Совето-социализм бытовал в России как нечто все-таки пришлое и ей не слишком органичное — потому он и исчез без особого шума с тела России, а вот глубинная Россия бытует на своем родовом месте, она — феномен корневой и с многовековой традицией, а потому нынешние реформные удары по России, хоть и бьют по ней нещадно, но вот низвергнуть в полное небытие все-таки никак не могут. Россия — как концепт, выработанный и весьма уже подтвержденный многовековым бытием-историей — сакральная для самой себя свеча, а не тупорылый для чего-то извнешний подсвечник, в положение и образ которого пытаются вогнать Россию очередные ее чужезнатные преобразователи. Бывало ведь уже такое, не раз бывало: переделывали с энтузиазмом Россию в неРоссию, а Россия, хоть и менялась, но как была в веках, так и остается в основе своей ... Россией, пусть и в новых для себя состояниях, форматах и образах.

Есть оно, есть — противоречие, причем противоречие неуклонно обостряющееся между коренной Россией и правящим реформным верхом, а победно благоденствующий верх никак не решается сменить свой, уже и достаточно в реалиях скомпрометированный пореформенный курс на иной курс — постреформенный, на трассе которого возможно построение уже адекватной самой себе новой России. Такого рода смена курса и последующее по новому курсу движение требуют немедленных и вполне себе ударных перемен, но не потому, что это кому-то очень хочется, а потому что в стране не что иное, как не просто уже заметный, а по сути своей вполне уже и тупиковый (безысходный, цуг-цванговский) кризис пореформенного строя со всеми его чужеродными намерениями и деяниями, как и со всей его системой полуадекватного строя управления, а выход из такого кризиса возможен только на пути разворотного, вполне и ударного, обращения власти, элиты и всего российского народа к собственно России!

РАЗДЕЛ I

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РОССИЯ В КООРДИНАТАХ МИРОВЫХ ПЕРЕМЕН

*А. Ю. АРХИПОВ,
Россия, Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет,
профессор экономического факультета
д.э.н., профессор,
arkhipov@sfedu.ru*

МЕНЯЮЩИЙСЯ МИР И РОССИЯ

Современный мир изменился и продолжает меняться: еще в середине 90-х, G-7 — Большая семерка развитых стран сосредотачивала 70% мирового ВВП по паритету покупательной способности (ППС), сейчас — только 40%, а 7 крупнейших стран с развивающимися рынками уже в 2014 г. обогнали семерку наиболее развитых стран. Лидерство по основным макроэкономическим показателям по ППС уже перешло от США к КНР, но когда постепенно и технологическое лидерство стало уходить, как например, телекоммуникационное оборудование 5 поколения у Huawei, для сдерживания глобального конкурента в ход пошли старые методы протекционизма — таможенные пошлины, торговые войны, санкции, а также аресты, департации. У предшествующего лидера мировой экономики пока еще есть преимущества в вооружениях, финансовой мощи, но продолжает сохраняться угроза глобального кризиса, связанная с все увеличивающимся разрывом финансового и реального секторов мировой экономики, долларovým долговым пузырем в США, выход из которого может быть в усиливающемся государственном регулировании.

Все это может стать началом очередного разворота от свободы торговли, «открытой экономики», которая была выгодна развитым странам, пока давала им преимущества, но впоследствии стала работать на конкурентов, — к протекционизму. В истории были такие повороты. В XX в. «Великая депрессия» заставила отказаться от методов свободного рынка

в пользу государственного регулирования, появилась теория Кейнса, состоялась кейнсианская революция. Тогда изменился “mainstream”, которым стали как раз теория Кейнса, теории экономического роста, неокейнсианство, господствовавшие в западном, капиталистическом мире до середины 70-х гг. И только когда ситуация в мировой экономике изменилась, кризисы и войны сменились практически бескризисным развитием, стала меняться и экономическая политика: от значительной роли государства, социальных гарантий, особенно в Европе, — к тэтчеризму, рейганомике, сокращению роли государства, а соответственно и mainstream`ом опять стала неolibеральная теория. Сейчас, возможно, наблюдаем начало очередного разворота на 180 градусов.

Надо делать выводы, прежде всего, отечественным политикам. У нас до сих пор сильна позиция сторонников неolibеральной теории и политики. Много в литературе говорилось о пагубности этого курса для нашей страны в связи с хозяйственными, природными, ментальными особенностями. Результат — реформы 90-х, в ходе которых получили разрушение промышленности, олигархические группировки. Правительству страны, Центральному банку, продолжающим исключительно либеральную политику, очень важно вовремя сориентироваться в этой новой ситуации и принять соответствующие меры по совершенствованию экономической политики. Тем более, альтернативные предложения сформулированы, обоснованы: «столыпинским клубом», партией роста Б. Ю. Титова, академиком С. Ю. Глазьевым. Да и либеральные методы, принципы развития экономики, значительная их часть будут работать и дальше: создание благоприятного инвестиционного климата, для своих, в первую очередь, и зарубежных предпринимателей, конкурентной среды в отраслях, где эта конкуренция эффективна, сокращение ставки рефинансирования Центробанка, а соответственно и ставок по кредитам предпринимателям и населению в коммерческих банках и т.д.

Но и изменение подходов необходимо. Вместо профицита бюджета и дополнительных «запасов» с одновременным ожиданием иностранных инвесторов — направление денег в экономику в рамках государственных программ, по конкурсам, под контролем, усиление промышленной политики, развитие машиностроения, в том числе создание газового, энергетического оборудования, продолжение импортозамещения в основных отраслях промышленности: станкостроении, транспортном, сельскохозяйственном машиностроении. Жесткое ограничение «оффшорной практики», законодательная система мер против рейдерских захватов, меры по репатриации средств, незаконно выведенных за рубежи страны. От того, насколько будет учтена эта новая мировая тенденция и окажутся эффективными перемены, будет зависеть будущее нашей страны.

*И. А. АНДРЕЕВ
Россия, Москва
НИУ «МЭИ»,
Ассистент,
v-andreev_07@mail.ru*

МЯГКАЯ СИЛА РОССИИ В КОЛИЧЕСТВЕННЫХ СОПОСТАВЛЕНИЯХ

В последнее время все большее значение во внешнеполитических стратегиях ведущих стран мира приобретает так называемая «мягкая сила». Этот фактор активно используется и в российской политике, причем российская трактовка «мягкой силы» существенно отличается как от американской, так и от китайской, охватывая весь спектр форм информационно-идеологического взаимодействия в политике, включая соответствующую составляющую так называемых гибридных войн. Фактор «мягкой силы» во все большей степени определяет конкурентоспособность государств в современном глобальном мире. В этой связи возникает закономерный интерес к количественным оценкам и сопоставлению «мягкой силы» различных государств. Методики таких оценок активно разрабатываются некоторыми зарубежными PR-агентствами, среди которых наиболее известным и авторитетным является Portland Communications. Агентство предложило собственную методику расчета таких оценок, в котором попыталось осуществить операционализацию понятия «мягкая сила», которое в современных политических дискурсах употребляется с довольно высокой степенью неопределенности. Операционализация включает в себя оценку по целому ряду индикаторов, объединенных в тематические блоки («культура», «качество управления», «образование», «цифровизация» и ряд др.). Частично эти оценки достаточно объективны, хотя они содержат и идеологический компонент, и в этом смысле сами становятся частью «мягкой силы», которую они описывают. Portland Communications ежегодно публикует составляемые им рейтинговые списки 30 государств — обладателей наивысшего потенциала «мягкой» силы.

Как выглядит Россия в зеркале международных рейтингов «мягкой силы»? В рейтинг Portland Communications она вошла в 2015 г. Но в последнее время ее место в списке Top—30 Soft Power неуклонно снижается: в 2019 г. она заняла в нем последнее место. В этой связи агентство делает

вывод, что страна не смогла использовать благоприятные возможности, открытые перед ней удачно проведенным ЧМ по футболу в 2018 г. Основные претензии к ней Portland Communications предъявляет в связи с качеством управления. В принципе такие претензии могут быть выдвинуты, поскольку качество управления, которое могут обеспечить «эффективные менеджеры», неуклонно снижается, а тотальная бюрократизация государственного контроля ведет к демотивации креативных кадров в бизнесе, науке, образовании и искусстве. Однако в аналитической записке по этому поводу речь идет не об этом — в ней просматривается обычное на Западе стремление связать низкое качество управления с личностью В. В. Путина и его политическим стилем. Это, безусловно, политически мотивированный подход, который, кстати говоря, агентство применяет не только к России. Обращает на себя внимание, что аналогичная претензия применяется к США, так что их место в рейтинге «мягкой силы» сдвинулось с 2016 г. на 4 позиции (с 1-го на 5-е). Очевидно, что за этими показателями просматривается скрытая критика Трампа, однако результаты проведенной Portland Communications оценки в значительной степени совпадают с результатами социологических опросов по странам, проводившихся, в том числе и российскими исследователями.

*О. В. БРИЖАК
Россия, г. Краснодар
Кубанский государственный технологический университет,
доцент, д.э.н., доцент,
brizhak71@mail.ru*

УСЛОВИЯ ВСТРАИВАНИЯ КОРПОРАТИВНОГО КАПИТАЛА В НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ В КООРДИНАТАХ МИРОВЫХ ПЕРЕМЕН

Обобщая некоторые результаты исследований, посвященных ударным переменам в экономике, техносфере, социуме [1;3;5;6], определим существенные характеристики «новой реальности», сформировавшейся в России и в мире на современном этапе. Современная экономическая реальность отображает реакцию экономических систем на качественно новые изменения, связанные с технологическими и социально-экономическими трансформациями, что требует от этих систем гибких механизмов встраивания в систему экономики и адаптации к этой новой реальности. В последнее время наметился обратный процессу глобализации экономических отношений и их интеграции процесс глокализации, предполагающий отделение экономик друг от друга. Этот процесс обусловлен повышенными рисками интеграции, что затрудняет встраивание национальных экономик в единую мировую систему, зачастую этот процесс приводит к дезинтеграции экономик и перемещается на другие уровни экономических связей.

Дезинтеграция экономик обуславливается и ограничением доступа к иностранным инвестициям, что требует от экономик поиска новых скрытых возможностей внутри страны и опоры на внутренние ресурсы развития. На уровне мировой экономики сворачиваются глобальные проекты, ряд стран выходят из глобальных соглашений (Парижское соглашение о климате и др.), концентрируя инвестиционные ресурсы на решение внутренних проблем развития, поиска скрытого потенциала движения системы экономики, углубление процесса встраивания в национальную экономику.

Востребованность в качественно новом производстве, основанном на качественно новой технологической базе, часть из которого была утрачена в ходе процесса деиндустриализации, является приоритетной

не только для российской экономики, но и для развитых стран, таких как Америка, Германия и др. В этих условиях, характеризуя новую реальность, следует говорить о встраивании в национальную экономику новой составляющей, базирующейся на качественно новых технологиях, технике, соответствующей постиндустриальному этапу развития систем.

Еще одним важным условием встраивания корпоративного капитала в национальную экономику в координатах мировых перемен являются нарастающие политико-экономические противоречия и конфликты прежних глобальных партнеров, что приводит к разрыву интеграционных связей, санкциям, наиболее жестко проявляясь для независимых государств, закрывая доступ к внешним технологическим и финансовым рынкам [2].

«Новая реальность» затрагивает и корпоративный сектор, опорный не только для отечественной, но и для всей мировой экономики. Оценим значимость высокого адаптационного потенциала корпоративной формы организации отношений для исследуемого нами процесса [4]:

- крупный корпоративный капитал становится полноправным участником глобальной экономики, переросшим границы национального хозяйства. Участвуя в международных сделках корпорации выстраивают интеграционные экономические отношения на глобальном уровне. Это означает, что встраивание национальных экономических систем в глобальную экономику реализуется на основе специфического трансграничного корпоративного капитала. Для успешного встраивания российской экономики в систему международных связей необходимо менять вектор экстенсивного сырьевого развития на интенсивное, стимулируя развитие стратегически необходимых стране отраслей и сфер, поддержке отечественных корпораций и обеспечение глобальной конкурентоспособности;
- современные крупные корпорации, благодаря контролю над масштабным трансграничным капиталом, участию в глобальных производственных цепочках, инфраструктурных проектах имеют возможность манипулировать интересами участников мировой экономики, диктуя им институциональные нормы деятельности и способы поведения. Таким образом, каждый экономический субъект, взаимодействующий с трансграничным корпоративным компонентом системы мирового хозяйства, вынужден принимать сформированные там условия встраивания в систему связей. Корпоративный капитал вносит ключевой вклад в формирование мирохозяйственных связей глобальной экономики;
- еще один важнейший аспект влияния трансграничного корпоративного капитала на мировую экономику состоит в том, что вклад указанного капитала в мировое промышленное производство со-

ставляет примерно 60–65%; вклад в глобальный инновационный продукт составляет 75–80% совокупной стоимости патентов и лицензий на новые технологии, оборудование и организационные механизмы. Анализ приведенных выше характеристик приводит к выводу о том, что основы встраивания в новой экономике, вырастающей в ходе постиндустриальных преобразований, закладываются именно в трансграничном корпоративном компоненте системы мирового хозяйства, а значит зависят от происходящих в мире перемен [2; 7].

Литература

1. *Альпидовская М. Л., Соколов Д. П.* Современные противоречия современной системы «хозяйствования» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2019. Т. 21. № 2. С. 6–18.
2. *Брижак О. В.* Конформирование корпоративного капитала в условиях системных социально-экономических преобразований. Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2018. 302 с.
3. *Бгане Ю. К.* Особенности воспроизводства неоднородных экономических систем. Краснодар, 2017. 162 с.
4. *Кириллова Е. Н.* Корпорации раннего нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках М.: Наука, 2007. С. 318–320.
5. *Осипов, В. С.* Теория конкурентного взаимодействия /В. С. Осипов. М.: Эксмо, 2013. 179 с.
6. *Стягун А. В.* Трансформация институциональных источников экономического роста в контексте экономической безопасности. Научные труды Кубанского государственного технологического университета. 2018. № 6. С. 395–403.
7. Global trends 2025: A transformed World. National Intelligence Council. - Washington, 2008. [Электронный ресурс] URL: https://www.files.ethz.ch/isn/94769/2008_11_global_trends_2025.pdf (дата обращения 18.06.2019).

*Д. В. ГАРБУЗОВ,
Российская Федерация, г. Волжский
Волжский филиал Волгоградского государственного университета
д. филос. н., профессор,
buendia@bk.ru*

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: КОНЦЕПТ И РЕАЛЬНОСТЬ

Инттоксикация России. Современное российское государство присутствует в основном только в вертикальной плоскости, на институциональном уровне, а реальные люди живут в горизонтальной плоскости, на уровне повседневной интерактивности. На этом уровне — на земле — государство присутствует только формально, символически. Если у постсоветского времени есть культурный смысл, то он такой. Люди предоставлены самим себе. Раньше в России культурные институты, как правило, всегда были связаны с административным насилием. Поэтому все культурно ценное было отождествлено с насилием. Людям насильно насаждали религию, науку, мораль, интеллект, дисциплину и пр. А теперь им (нам) сказали: вы не хотите этого? Получите то, что хотите: анархию, удовольствие, развлечение и пр. Теперь люди должны не абстрактно, не разумом, а чревом, телом ощутить, что выбранное ими — это отбросы, вызывающие болезненную интоксикацию. Это жестокий опыт. Он может стоить деградации целого поколения людей, которому выпала доля стать навозом истории, перегноем, из которого должна вырасти новая высокая культурная традиция.

Эпоха низа. 1. Культурная жизнь Средневековой Руси была довольно бедна в плане интеллектуальном — практически отсутствовала философия, художественная литература, наука. Но зато это было время широкого народного *праведничества*. Это время аскетов, монахов, святых, мучеников, учителей и т.д. 2. Эпоха Нового Времени (включая СССР) характеризуется снижением морального уровня, но зато происходит мощный всплеск научного, инженерного, художественного, эстетического творчества. 3. Современное состояние характеризуется одновременно и падением морального уровня, и деградацией научного, эстетического, художественного отношения к миру. Есть ощущение, что в наше время происходит испытание глубины, а точнее, низости культурного пространства российской цивилизации. Происходит актуализация низменного опыта, который

до этого был табуирован, вытеснен. Важно понять, что если мы сумеем пройти этот этап, то это может стать очень важным опытом самопознания российской культуры. Мы будем знать не только наши широты и высоты, но и нашу низость. А. Платонов, объясняя свое время, писал, что невежество — это дикое поле, не растратившее свое плодородие [1, 160]. Соответственно, культура — это возделываемое поле, постоянно теряющее свои питательные силы. Революция выжгла старую растительность и дала земле отдохнуть, чтобы на диком поле взошел урожай новой культуры. Будем надеяться, что такое же пребывание «на парах» характеризует и наше нынешнее время.

Наследники и самodelы. Суть современного политического конфликта связана с трансформацией элит. К «наследникам» (т.е. группе, поделившей наследство СССР) добавились «самodelы». Со временем они вдруг осознали, что понимают, как делается политика, решили, что понимают те манипуляции, имитации и пр., которые осуществляет правящий класс. Это вызвало массовый анонимный (через интернет) протест. Затем у «самodelов» появились публичные лидеры. Однако ситуация осложнилась тем, что эту новую волну социального протеста попыталась оседлать проигравшая группа «наследников», тесно связанная с иностранными центрами влияния. Это в значительной степени подорвало и дискредитировало новое протестное движение.

Медиа. Главными создателями и ретрансляторами «шума времени» современного социума являются телевидение и кино. Хорошим тоном считается ругать создателей медиа. И они этого заслуживают, наверное. Но не нужно забывать также и об их чудовищной латентной информативности. Кино — это форма медиа, которая содержит связный рассказ в рамках определенной картины мира. Здесь существует любопытное кинематографическое «разделение труда», система доминирующих ожиданий. Они многое сообщают об архитектуре современного глобального социума. Зритель ожидает от Азии — этнику, от Африки — природную экологию, от Америки — блокбастеры, от Европы — интеллектуальное, экзистенциальное кино. А от России ждут «чернушное», депрессивное кино — катастрофы социальности и личности. Это элемент программирования, самоисполняющийся прогноз, тот самый случай, когда реальность должна рождаться из знания о ней. Обращает на себя внимание реалистичность такой культурной географии. Это позиция взрослого, опытного человека, который не верит в идеалы, не хочет жить в Раю и ему нравятся опасность, трудность и греховность реального мира. Он поражается экстравагантным, экзотическим реалиям Азии, восхищается богатством и дикой естественностью Африки и ужасается безднам социального и личностного падения России. А затем возвращается в свой уютный, безопасный дом для того, чтобы освоить новые экзистенциальные переживания и превратить

их в рыночный интеллектуальный контент. Иными словами, названное кинематографическое разделение труда очень хорошо объясняет, кто является режиссером и зрителем, а кто актером и сценой современного театра мира. России здесь досталась роль арлекина — дюжего, бестолкового дитины с разноцветными колготками на ногах, колпаком с колокольчиками на голове и дубинкой в руках.

Литература

1. *Платонов А. П.* Чевенгур. // Чевенгур. Котлован. Рассказы. М.: Эксмо, 2008.

*И. А. ГОРЮНОВ
Россия, Москва,
Институт дополнительного образования
Московского финансово-юридического университета,
преподаватель,
lim05.59@mail.ru*

РОССИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ, НОВЫЙ МИР

Россия жаждет перемен. Благих перемен. Благих для народа перемен. События русской весны 2014 г. дали такую надежду. Однако последующие противодействия русскому национальному возрождению как на Украине, так и в России повергли русский мир в состояние уныния.

Вместо благих перемен и реальных действий, направленных на возрождение русского мира, российский народ получил отформатированную в МВФ пенсионную реформу, повышение НДС до 20%, столичную программу реновации (законный способ освобождения Москвы от москвичей), экологические сборы, рост акцизов, эксперимент по введению специального налогового режима для самозанятых и др.

Экономический, демографический, экологический, морально-психологический, политический, духовный кризисы нарастают. Понимание необходимости решительных действий по выводу страны из нынешней ситуации (которая не может продолжаться бесконечно) проникло во все слои российского общества. Дух сегодняшнего времени — это дух перемен.

Власть чувствует усиливающееся недовольство граждан состоянием дел в стране, но пойти на кардинальные перемены не хочет, да и не может. Вместо этого, в ожидании чуда от реализации национальных проектов, режим усиливает идеологическое, информационное, морально-психологическое и физическое давление на все слои общества. Будущее же России (которого может и не быть) зависит от того, кем (и когда!) будут осуществлены неизбежные перемены.

Чтобы понять суть грядущих в России перемен, необходимо рассмотреть международный аспект российских преобразований — выявить тренды современного мирового развития.

Вот эти тренды. Как отмечает С. Амин, с 1991 г. ситуация в мире характеризуется, во-первых, наступлением нового коллективного империализма Запада (США, стран Западной Европы и Японии) на повторное

установление своего господства на планете и, во-вторых, как ответ на эти неокOLONиалистские устремления империалистических государств, подъемом ответной волны сопротивления в пробуждающихся странах периферии [1, 145].

Какую позицию в этом мировом противостоянии и глобальной классовой войне занимает сейчас Россия? Руководство страны «остается сторонником "рыночной экономики", понимаемой как синоним управления местной производственной системой с помощью финансиализированных монополий, в которых местная олигархия (в России, как и в Европе и Соединенных Штатах) является управляющей системой... Не ослабив связь с этим типом экономического и социального управления, невозможно двигаться вперед с проектом независимого развития, защищенного от западной агрессии» [1, 146–147].

Продолжение нынешнего политического и экономического курса развития России не позволит создать устойчиво развивающуюся систему хозяйствования. Необходимо избрать иной, самостоятельный путь развития России. Но, судя по всему, выбор такого вектора развития может быть осуществлен не путем форматированных перемен сверху, а путем строительства нового хозяйственного организма в России. А настоящая хозяйственная деятельность есть не только и не столько жизнеотправление, сколько миротворение, — отмечает Ю. М. Осипов [2, 49], т.е. создание нового мира.

Если Россия не выйдет из активно создаваемой системы сверхсегрегированного мира, ее ждет не роль мировой сырьевой периферии (бензocolонки мира), а аннигиляция в небытие вслед за русским и другими коренными народами России, которым из-за их неспособности и нежелания «перекодировать» свой «духовный код» (отказаться от русского мировоззрения, русской культуры, русского языка и др.) уготован путь геноцида, чем-то напоминающий судьбу американских индейцев.

Новая идея, способная подарить планете новый мир и новых лидеров, есть *русская идея*. Русские ценности резонируют с ценностями тех людей по всему миру, которые активно борются за сохранение человека как человека и человечества как человечества. Безусловно, Россия — идея, но идея «не человеческая, не сеюмирная, тем более не суетная, не быденная, не бытовая» [2, 356], идея неотмирная (не от мира сего), от Царствия Божия.

Современный жаждущий спасения мир тянется к России «как к провозвестнику *мировой правды*, не молчаливо вовсе, а вполне звеняще противостоящей изрядно уже надоевшей человечеству утонченной *мировой лжи*» [2, 379]. Тем и спасется!

Литература

1. *Амир С.* Россия: долгий путь от капитализма к социализму. СПб.: ИНИР, 2017. 148 с.
2. *Осипов Ю. М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. М.: ТЕИС, 2016. 464 с.

А. А. ГРИШКО
Российская Федерация, Новороссийск
Филиал АО «Роснефтефлот» в г. Новороссийск,
менеджер
Grishko_aurika@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДОЛГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ПРОЕКЦИИ МИРОВЫХ И ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН

Современные метаморфозы мирового хозяйства фактически не оставляют России выбора, кроме как стремительно и безоговорочно разворачиваться к развитию. В данном контексте производительная государственная долговая политика смогла бы сегодня стать точкой опоры в проекции запуска качественных перемен в российской экономике.

С точки зрения методологии можно обозначить три сущностно-содержательных сценария в отношении использования государственного долга.

Первый предполагает постепенное наращивание государственного долга с синхронным запуском внутрирыночного механизма, его инвестиционной составляющей. Важно отметить, что данный подход предполагает использование долгового элемента не для извлечения краткосрочной спекулятивной прибыли, а для осуществления крупных долгоиграющих народохозяйственных проектов. В таком случае рост долга обоснован и позволяет государству маневрировать и погашать скопившуюся задолженность в будущем.

Второй сценарий исходит из позиции индифферентности по отношению к государственному долговому финансированию экономики. Долговая политика сводится к недопущению увеличения долга относительно ВВП, но при этом в экономике не наблюдается и развития. Со стороны такая политика может создавать впечатление достаточно обоснованной и разумной, однако в реальности приводит к реализации третьего сценария, при котором государственный долг вступает в фазу резкой эскалации и его погашение не представляется возможным.

Несмотря на то, что в стране нет официально обозначенной экономической политики, все же можно предположить, исходя из наблюдений за тактическими решениями, что долговая политика в российском макро-

экономическом поле реализуется в рамках второго сценария — «ни долга, ни развития». Опасность здесь заключается в том, что такая политика закономерно приводит к развитию третьего сценария. И отсюда следует, что избежать долговых проблем в экономике в будущем возможно только посредством осуществления обозначенного выше первого сценария.

Переходя от теории к эмпирике, обратим внимание на некоторые актуальные тенденции в отношении долга.

Современная трансформация мировой экономики неизбежно приводит к трансформации традиционных экономических отношений, в том числе и долговых, которые обретают все новые формы.

Проблемы с инвестициями на внутреннем рынке приводят к опосредованному росту государственного долга, его переходу из корпоративного в государственный, меняя так же и его качество. Речь идет о предоставлении государственной гарантийной поддержки крупным компаниям-должникам, которые были вынуждены кредитоваться за рубежом по более выгодным ставкам, а сегодня не могут обойтись без государственной опоры. Подобные отношения между государством и корпорациями можно охарактеризовать как гибридные.

Акцент на внешнюю политику в России сегодня повышает ее рейтинг в мире и создает интерес со стороны иностранных инвесторов. В настоящее время наблюдается активизация инвестиционного процесса путем консолидации иностранных инвестиций через реализацию совместных проектов с зарубежными странами-партнерами. Происходит скрытая конвертация иностранных инвестиций во внешний долг.

По сути, привлекая иностранные инвестиции, мы делегируем эпицентр управления экономической политикой в целом и промышленной в частности иностранным кредиторам, что небезосновательно вызывает опасение в части обеспечения национальной безопасности. Мировая практика показывает, что более устойчивыми с экономической точки зрения являются те страны, которые имеют преимущественно внутренний, а не внешний государственный долг. Внутренний долг не обременяет их. Такие страны-локомотивы, к примеру, как Япония, Южная Корея имеют высокие показатели именно внутреннего государственного долга.

Очевидно, что на повестке дня стоит объективная необходимость смены направленности долговой политики России, ее переход от количественной к качественной развительной политике с опорой на внутренний рынок.

*М. М. ГУЗЕВ
Россия, г. Волжский,
Волжский филиал
Волгоградского государственного университета
зам. директора,
д.э.н., профессор
guzev@vgi.volsu.ru*

УДАРНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ ИЛИ ПЕРЕМЕНА НАПРАВЛЕННОСТИ УДАРА?

Философско-хозяйственное осмысление современного мира, нарастающих непредсказуемых перемен, места России в этом мире позволяют сделать вывод о формировании нового мира и, соответственно, о появлении новых рисков и угроз самому этому миру. Речь о моделях развития уходит на второй план, поскольку нет государств и территорий, которые были бы ограждены от этих перемен. Парадоксально, но в этом новом мире самые фантастические достижения цивилизации — роботизация, цифровизация, искусственный интеллект — превращаются по своим последствиям для самой этой цивилизации в противоположность: вместо расширения возможностей человека для творчества и ноосферного развития общества — новое закабаление человека, глобальный кризис и социальные тупики.

Следовательно, перемены в мире и в России неизбежны. Но эти перемены при всей их хаотичности в различных странах протекают по-разному. Одни как бы оседлали волну перемен, другие увязли в бесконечных преобразованиях и конфликтах. В России ударные перемены не новость, это плюс, мы к ним за весь XX в. так привыкли, что без бесконечных, а иногда и бессмысленных перемен просто не можем существовать. Значит, нам легче адаптироваться к этому новому миру. Взять хотя бы российские ударные перемены последних десятилетий: приватизация, монетизация, рыночная экономика, реформы здравоохранения, образования, ЖКХ и пенсионной системы, модернизация, импортозамещение, 25 млн. новых высокотехнологичных рабочих мест, дальневосточный гектар и теперь вот, наконец, — цифровизация, роботизация, искусственный интеллект. Реальные результаты этих ударных перемен в аспекте устойчивого и эффективного развития для российского социума проблематичны. Воз-

можно, это связано с размытостью или ошибочностью направленности перемен, поскольку целый ряд других государств в аналогичных условиях показывает и экономическую динамичность, и социальную устойчивость, и политическое признание результатов.

Очевидно, пришло время сменить направление удара. За последние десятилетия многие состоявшиеся и не состоявшиеся преобразования происходили за счет интересов терпеливого и доверчивого населения России, в пользу властвующей бюрократии, нередко с криминальными схемами, узаконенными самой властью. Как результат, катастрофический раскол российского общества, в котором около 50% населения проживает в нищете, а 1% олигархата просто расхищает народное богатство. В таком обществе люди не хотят ни жить, ни рожать. Неспособность национальной элиты решать возникающие проблемы приводит к росту в обществе пессимистических настроений и массовому отъезду «мозгов» и пассионарного слоя граждан на временное, а чаще постоянное местожительство в другие государства, где создаются лучшие условия для самореализации человеческих способностей. А это смертельно опасно для российской государственности и русской цивилизации в целом. Чем обернулся для России «исход» после 1917 г. и гражданской войны хорошо известно.

Нужны перемены и в России, и самой России. В самой России они понятны — из страны с населением, она должна превратиться в страну с гражданами. Что касается самой России, русского мира, демографические экстраполяции показывают, что она неизбежно должна измениться и изменится. Не только в аспекте преобладания славянского населения, но и изменения самого содержания русского мира, в который будут все стремительнее вписываться новые составляющие, обогащая его и изменяя. Подготовка, и психологически, и физически, и духовно к грандиозным переменам — важнейшая задача политической элиты. Но за новым направлением удара может стоять только новая политическая элита. Итак, от ударных перемен к перемене направления удара!!!

О. И. ГУЛЕНОК
Россия, Ижевск
Удмуртский филиал института экономики УрО РАН
исследователь
gulenok-oi@yandex.ru

РОЛЬ РОССИИ В МНОГОПОЛЯРНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кризис мировой системы, показателем которого служит накопление необратимых деструктивных процессов в мире, учёные различных стран мира связывают с руководством ошибочными теориями и идеологическими установками [9]. Выход из кризиса лежит в плоскости эволюционной смене парадигмы глобализации, обусловленной приоритетом общественных интересов и благ, что означает прекращение экспансии экономического роста и ориентацию на качественные изменения состояния обществ, а также природных сред. Учёными разработана концепция устойчивого развития, принятая ООН, определившая принципиально иные формы взаимодействия сообществ. Переход к практической реализации концепции устойчивого развития означает реализацию системного подхода, утвердившегося в научных исследованиях в XX в. и предполагающего активизацию системообразующих принципов: *самоорганизации* и *самодостаточности*. Разработка модели устойчивого развития социально-экономических систем многополярного мира, опирающаяся на утверждение мировоззрения универсализма, предполагает интеграцию сообществ вокруг различных центров цивилизаций и актуализацию аутентичных культур, охватывающих экосистему планеты [2]. Модель ориентирует на организацию воспроизводства многообразия общественных культур, сформированных на основе общности духовных ценностей. Воспроизводственный механизм каждого культурного пространства или социально-экономической системы, функционирующей на принципах самодостаточности, включает весь спектр компетенций сферы жизнедеятельности. Модель устойчивого развития многополярного мира предполагает определение высокого технологического формата уникальных аутентичных технологий жизнеобеспечения, которыми обладают мировые культуры, с целью их распространения. В этой трансцендентальности: производстве и распространении жизненно-важных инноваций, — заключается суть цивили-

лизаций, центры которых обеспечивают длительное существование при-
верженностью аутентичным духовным ценностям.

Россия — аутентичная социально-экономическая система — государство, сформированное на основе принципов *самоорганизации* и *самодостаточности*, представляет евразийский центр цивилизации. Системное мировоззрение российской культуры, включающее заимствование западных и восточных технологий, служит основой для осуществления системных институциональных преобразований на основе принципа национального суверенитета [3]. Российские интеллектуальные достижения глобального характера XX в. способствуют кристаллизации центра новой архитектуры многополярного мира [5]. Российские институциональные преобразования, направленные на обеспечение технологической самодостаточности страны, обеспечили лидерский задел в информационных и космических технологиях. Технологические достижения России представляют основу для создания глобального информационного пространства, обеспечивающего приоритет общественно-значимой информации: знаний и духовных ценностей, необходимых для осуществления организационной модернизации мировой системы. Аутентичные информационные технологии российской системы, которая отличается культурным разнообразием, по обеспечению организации нерыночного обмена благами являются для неё жизненно-важными, а высокий технологический формат их распространения обеспечивает эволюционный переход к многополярной финансово-экономической конфигурации мира [7].

Актуализация аутентичных ресурсосберегающих технологий, в первую очередь, природных ресурсов, обусловлена нарастанием экологических проблем, наиболее актуальных для европейского центра цивилизации. Для Европы жизненно-важными являются аутентичные энергетические технологии, распространение которых обеспечит национальную идентичность и культурное многообразие [4]. Для африканского центра цивилизации, являющего одним древнейших, жизненно-важными являются аутентичные гуманитарные технологии образования, распространение которых обеспечит континентальную интеграцию [1]. Для южноамериканского центра цивилизации жизненно-важными являются аутентичные технологии организации пространства, значимые для интеграционных процессов на континенте [6]. Для южноазиатского центра цивилизации, связанного с формированием одной из мировых религий — ислама, жизненно-важной технологией является аутентичное землепользование, распространение которой способствует консолидации исламского мира [8]. Мобилизационным моментом обращения к аутентичным технологиям жизнеобеспечения всех центров цивилизации, формирующих многополярный мир, служат экзистенциальные угрозы, которые несёт однополярный мир, ориентированный на созда-

ние и распространение трудосберегающих технологий: создание искусственного интеллекта.

Литература

1. Африка и мир в XXI веке / А. А. Архангельская и др.; Российская акад. наук, Ин-т Африки РАН. — М.: Ин-т Африки РАН, 2010. 319 с.
2. Гуленок О. И. Капитал не Маркса: интеллектуальная дуэль гигантов мысли. Ижевск: ИП Зеленин К. А., 2019. 176 с.
3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / сост. и коммент. Ю. А. Белова; отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
4. Европейская интеграция и культурное многообразие: в 3 ч. Ч.1. Идентичность и миграции / отв. ред. М. Ю. Мартынова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.: ИЭА РАН, 2009. 318 с.
5. Ишанова М. В. Идея всемирного государства в отечественной политико-правовой мысли (М. А. Бакунин, А. Д. Градовский, Л. А. Тихомиров) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2. С. 71–74.
6. Латинская Америка на переломе глобальных и региональных трендов: / Сударев В. П., Симонова Л. Н., Тайар В. М. и др.; Российская акад. наук, Ин-т Латинской Америки. — М.: ИЛА РАН, 2017. 204 с.
7. Русский мир в меняющемся мире / Г. А. Комарова, А. В. Буганов, М. Л. Бутовская и др.; Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — М.: ИЭА РАН, 2018. — 399 с.
8. Ходжсон М. Дж. С. История ислама: исламская цивилизация от рождения до наших дней / пер. с англ. А. Н. Гордиенко, И. В. Матвеева, Н. В. Шевченко. — М.: ЭКСМО; Наше слово, 2013. — 1079 с.
9. Manifest World Economics Association [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.worldeconomicsassociation.org/wea/manifesto> (дата обращения: 28.08.16).

*А. Н. ЕЛЕЦКИЙ
РФ, Ростов-на-Дону
Региональный информационно-аналитический центр
начальник отдела, к.э.н.
ane904@yandex.ru*

ЭВОЛЮЦИЯ РОЛИ РОССИИ В МЕНЯЮЩЕЙСЯ СТРУКТУРЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЛИДЕРСТВА

Являясь изначально одним из крупных ареалов европейских форм хозяйствования, европейской культуры и, соответственно, европейских форм государственно-политической организации, при одновременном ощущении влияния азиатских цивилизационных форм, Россия в предшествующие эпохи обладала значительным потенциалом становления в качестве одного из лидеров международных экономических отношений. Однако данный потенциал оказался реализован далеко не в полной степени вследствие влияния географических, и в частности, геополитических факторов на расстановку геоэкономических сил, создаваемую хозяйственными и институциональными структурами (то есть традиционно продвинутая общественно-экономическая формация плюс эффективная экономическая парадигма развития). Даже после превращения России в ведущую мировую военно-политическую державу роль нашей страны в мировой экономике по-прежнему оставалась полупериферийной с точки зрения технологичности экспорта и общих объёмов производства.

После Второй мировой войны нашей страной был достигнут исторический пик не только геополитического, но и геоэкономического могущества. Развитие новейших отраслей народного хозяйства, покорение космического пространства, становление в качестве важнейшего центра мировой науки и одного из ключевых экспортёров высокотехнологичной продукции наряду с традиционной военно-политической мощью обусловило глобальное могущество СССР. Тем не менее, ошибки в системе долгосрочного планирования, постоянный недоучёт значимости отдельных новейших отраслей и сфер, отставание в развитии отраслей народного потребления, нарастание зависимости от нефтяного экспорта и неудовлетворительное реагирование на накапливающиеся политические проблемы в условиях жесточайшей внешней конкуренции в конечном счете привели

к крушению СССР. В результате, Россия вновь выбыла из числа геоэкономических лидеров мировой экономики и вернулась в число стран полупериферии. Тяжёлый внутренний кризис 90-х гг. XX в. привёл к тому, что Россия в большей степени боролась с внутренними вызовами, нежели пыталась изменить своё позиционирование в мировой экономике и, тем более, противостоять однополярной гегемонии США. Не удалось решить задачу формирования современного высокоэффективного рынка, воплощающего новейшие тенденции трансформации товарного производства и его синтеза с социально ориентированным хозяйством.

В настоящее время в силу объективных тенденций и особенностей трансформации глобального социума России удалось вернуться в число ведущих экономик формирующейся многополярности. Однако её общее положение в мир-системе несколько схоже с ситуацией конца XIX в., когда вхождение в число геоэкономических лидеров многополярной конфигурации мировой экономики ещё не означало выход России из ранга полупериферийных субъектов. Таким образом, и в условиях современных перемен возродился российский феномен, связанный с неполным соответствием страны статусу полноценного геоэкономического лидера. На сегодняшний день вхождение России в число глобальных геоэкономических лидеров обусловлено, прежде всего, её значимостью как центра функциональной многополярности в области развития новой системы глобального экономического управления, значимому положению на критически важных рынках вооружений и военной техники и традиционной ролью страны, сдерживающей притязания агрессоров на мировое господство. В этой связи необходимо подчеркнуть тот факт, что, как демонстрирует реальный ход истории, во многом именно оттого, насколько Россия сможет вновь преодолеть полупериферийное положение и укрепиться в числе передовых технологических лидеров, будут зависеть перспективы многополярности. Важно подчеркнуть, что меняющаяся система глобальной многополярности характеризуется многоуровневостью и многоаспектностью геоэкономического лидерства, имеющего не только страново-государственные формы, но и функциональные, отраслевые, геокommunikационные и иные параметры, особенно обусловленные спецификой новых технологических укладов и атрибутами неэкономики. При этом, вероятно, от места и роли России в меняющейся многоаспектной и вариантной мирохозяйственной конфигурации будут во многом зависеть новые траектории развития мировой экономики, в том числе и в контексте изменений структуры глобального лидерства.

Е. В. ЗАЙЦЕВА
Россия, Москва,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
к.э.н., доцент,
<zaytseva.el.v@yandex.ru>

П. С. ТОЛКАЧЕВ
Россия, Москва,
Государственный университет управления,
к.э.н., доцент,
<otr.paulo@mail.ru>

РОССИЯ В УСЛОВИЯХ ОБОСТРЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Нам уже неоднократно приходилось писать о проблемах и противоречиях цивилизационного развития мировой экономики [см., например, 1]. Мы отмечали, что главная причина разделения мирового сообщества на цивилизационные группы лежит не в материальной плоскости, а в различии видения высшей цели развития и путей ее достижения. «Высшей целью экономического развития — идеалом — выступает не удовлетворение материальных потребностей как таковых (пусть даже оно будет «полным», о чем говорит марксистская школа, или — «безграничным», которое прокламирует неоклассика в лице «мейнстрима»), а господство человека над природой. Выражаясь библейским языком, речь идет о восстановлении царского достоинства человека по отношению к материальному миру» [1, 120].

После окончания Второй мировой войны сложилась, казалось бы, достаточно устойчивая форма международного сотрудничества — мировая система национальных государств под эгидой ООН. Был принят общий Устав ООН, созданы соответствующие координационные органы и появилась надежда на окончательное прекращение мировых конфликтов.

Однако весьма скоро обнаружилось, что внешние организационные скрепы не работают, если нет внутреннего духовного единства. Оказалось, что «в своем развитии национальные государства предпочитают придерживаться своих собственных, специфических, целей, далеко не всегда совпадающих с целями других государств. И что особенно важно, выявились группы стран, исповедующих один и тот же путь развития и на этой основе

объединившихся в более или менее устойчивые политические и экономические союзы. Речь идет о современных цивилизациях. Среди последних наибольшую роль сегодня играют западная, восточная, исламская и российская» [1, 120]. Между указанными выше цивилизационными сообществами сложилась весьма сложная система противоречий.

Запад, установив контроль над мировой финансовой системой, активно проводит политику глобализации, навязывая ее всему миру и явно рассчитывая на приобретение в ней господствующего положения.

Исламский мир не проявляет такой агрессивности, которая характерна для Запада. Данное сообщество на первое место ставит трудовую, а не спекулятивную деятельность, руководствуясь во внутренней жизни своими главными духовными началами, а именно: Бог, государство и семья.

Для всего социума Восточного мира весьма характерно наличие уникального духовно-нравственного явления, которое можно назвать государственным национализмом. В мировоззрении народов Востока государство выступает высшей общественной ценностью. Это мы наглядно наблюдаем в Китае, Вьетнаме, Корее (Северной и Южной) и Японии. В меньшей степени сакральная роль государства являет себя в Индии, Непале, Таиланде и других восточных государствах, но и там она обнаруживается достаточно четко.

По своим высшим целям исламская и восточная цивилизации отвергают как западный индивидуализм, так и западную претензию гегемонии над миром. Они идут своими путями, все более демонстрируя и экономическое и нравственное превосходство над Западом. Сегодня становится всё более очевидным, что противоречия между Западом, с одной стороны, и Востоком и Исламом, с другой, нарастают.

В разрешении указанного выше цивилизационного противостояния важную роль может сыграть наша страна. Высшими духовными целями российского общества (на протяжении всей его тысячелетней истории) были поиск общего добра и правды. Они являлись мировоззренческим стержнем нашего социума. В этом и заключался неповторимый характер России как мировой цивилизации.

Возвращение нынешней России к своим исконным духовным началам будет иметь решающее значение для социально-экономического возрождения страны. Несомненно, что возрожденная Россия способна будет играть важную роль в разрешении всех современных цивилизационных конфликтов и противоречий.

Литература

1. *Зайцева Е. В., Толкачев П. С.* Вектор экономического развития мировых цивилизаций // Россия в игре: страна и мир: монография по итогам меж-

дународной научной конференции «Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия» (экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, г. Москва, 5–7 декабря 2018 г.) / Под ред. Ю. М. Осипова, А. Ю. Архипова, Е. С. Зотовой; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019. С. 119–125.

*В. Я. ИОХИН
Россия, Москва,
Институт Европы РАН,
главный научный сотрудник,
д. э. н., профессор,
iokhinan@mail.ru*

РОССИЯ: ВНЕШНИЕ, ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ И ВЫХОД

Внешние вызовы:

- столкновение традиционных идеологий с либерально-прогрессивной идеологией, имеющей в своей основе либо божественный, либо дьявольский дух [1] — основное противоречие современного человечества;
- тектонические геополитические сдвиги сопровождаются крахом однополярного мира, «глобализации» и смещением геополитического центра тяжести в Евразию, что указывает на процесс реформирования сложившегося миропорядка и мегарегионализацию мирового пространства;
- необходимость демонтажа современного капитализма [2] и перехода к «нравственному капитализму» (Н. Саркази, Давос, 2009), а также признание, что «капитализм умер» (Э. Макрон, 2019), со всей очевидностью свидетельствуют о несоответствии данной социально-экономической системы изменяющимся условиям общественного бытия народов.

Внутренние вызовы:

- отсутствие государственной идеологии в силу положения Конституции РФ о ее недопустимости лишает российский народ идеи будущего своего бытия. Однако при идеологическом плюрализме проводимая президентом внешняя политика имеет в своей основе державно-имперский компонент российской идеологии, тогда как осуществляемая правительством внутренняя политика — неолиберальную идеологию;
- сформировавшийся компрадорско-олигархический капитализм, возникший на развалинах страны и разграблении ее богатства и втянувший ее в «глобальную экономику», является главным препят-

ствием для ускоренного развития и перехода общества на качественно новый уровень своего бытия;

- проводимая правительством РФ и Банком России социально-экономическая политика, опирающаяся на либеральные ценности, рыночные силы и сориентированная на интересы мирового финансового капитала, демонстрирует неспособность решать народно-хозяйственные задачи, стоящие перед страной.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств необходимо:

- разработать государственную идеологию, сочетающую в себе православные ценности и принципы социалистической доктрины о жизнедеятельности народа и государства с целью движения к обществу Праведности и Равенства, Любви и Добра (православному социализму). При смене власти она должна оставаться неизменной, особенно в части державно-имперской составляющей, обеспечивающей будущее и для народа, и для государства. На информационно-идеологическом пространстве не допускать в любых формах деяния, унижающие и оскорбляющие достоинство человека, растлевающие и развращающие общество и несущие угрозу российской государственности. Следует давать отпор гендерной идеологии, феминизму, ювенальной юстиции, которые направлены на разрушение основополагающей ячейки государства — семьи;
- обеспечить симфонию духовной и светской власти, исходя из верховенства духовной власти, проистекающей не из закона, а нравственного принципа. Церковь отделена от государства, но и та, и другое имеют общее «тело» — народ, жаждущий здорового нравственного духа, на формирование которого должны быть направлены усилия и церкви, и государства. Совет церковей призван стать духовно-нравственным стражем деяний общества и власти, стоящим на защите здоровой морально-нравственной атмосферы их бытия и национальных интересов государства;
- обеспечить полный суверенитет РФ на политическом, правовом, экономическом, гуманитарном, информационно-идеологическом, духовно-культурном пространстве. Для этого требуется устранить во всех без исключения нормативно-правовых и законодательных актах положения, ущемляющие его и закрепить законодательно приоритет национальных интересов;
- заменить меркантильно-монетарную политику активной политикой по обеспечению ускоренного развития реального сектора экономики путем перехода от «таргетирования инфляции» к «таргетированию инвестиций» и отказа от «бюджетного правила». Проводить политику «количественного смягчения» (для повышения уровня монетизации экономики) и «качественного ужесточения» в отно-

шении банков. Разграничение их на инвестиционные и коммерческие позволит отстранить последние от спекулятивных финансовых сделок и заставить их тесно взаимодействовать с субъектами реального сектора экономики;

- обеспечить самостоятельность и самодостаточность национальной валюты посредством отказа в расчетах от доллара, проведения внутренней дедолларизации, введения внутреннего «абсолютного рубля» и внешнего рубля с ориентацией на золото. Ведение расчетов в рамках ЕАЭС на основе переводной расчетной денежной единицы, а также использование товарного клиринга в расчетах со странами, не имеющими достаточных источников получения твердой валюты.

Литература

1. *Генон Р.* Кризис современного мира. М.: Арктогея. 1991. 43 с.
2. *Weizsaeck E., Wijkman A.* Come On! Capitalism, Short-termism, Population and lanet. A Report to the Club of Rome. Springer, 2017.

*В. В. КАШИЦЫН
Россия, Новороссийск
Государственный морской университет
имени адмирала Ф. Ф. Ушакова,
профессор, к.э.н.,
kash_vic@mail.ru*

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ И ИХ ПРИРОДА

Мирохозяйственная трансформация последних трех десятилетий, очевидно, в течение последнего десятилетия оказавшись в координатах эпохального трехволнового гиперкризиса 2008—2020 гг. (кризиса кризисов), характеризующегося наложением, синхронизацией и интеграцией всех типов кризиса, пребывает в преддверии фазы вступления в новую эпоху, эпоху новой системы всей гаммы экономических отношений на базе принципиального обновления возможностей развивающихся производительных сил. Соответственно глубине и масштабам имеющих место исторических перемен реализуется глобальный мучительный поиск новых контуров грядущей мирохозяйственной системы отношений, отмеченный перемещением эпицентра экономической активности в Азию (Азиатский цикл) и формированием новых мегаэкономических союзов-группировок с целью соискания конкурентоспособности — лидерства стремительно обновляющейся системы мирохозяйственных отношений.

Поскольку объективно сложилось так, что в преходящей четырехсотлетней историко-экономической эпохе Россия играла роль одного из основных игроков, ее позиции в складывающейся новой системе мирохозяйственных отношений исключительно принципиальны. Принципиальны они еще и потому, что, во-первых, на рубеже новой эпохи Россия оказалась среди мировых игроков с относительно лучшим набором семи критически значимых гиперфакторов производства. И, во-вторых, потому что страна каким-то пока еще не до конца осознанным образом сумела в течение буквально последних пяти лет переместиться на мирохозяйственной палитре отношений из положения объекта трансформаций, их аутсайдера, в положение субъекта, да еще одного из трех, самых влиятельных. Поэтому, политико-экономический контекст ускоряющихся перемен, имеющих место в современной России, и их природа

оказываются в фокусе не только отечественного, но и мирохозяйственного внимания.

В данном ключе международный аспект множества российских перемен просматривается наиболее явно и определенно может быть квалифицирован как режим перемен ударных. Россия в полной мере заявила о себе, и реализует себя в качестве инициатора, организатора и ведущего субъекта как в рамках традиционных международных институтов, организаций, соглашений и в целом отношений, так и в создании новых (БРИКС, ЕАЭС, Шанхайского соглашения и т.д.). Множатся и диверсифицируются формы сотрудничества в части привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику, и российских инвестиций в экономике других стран. Реализуются масштабные и значимые научные, культурные, спортивные международные проекты, как в стране, так и за рубежом. Обращает на себя внимание нарастание российской экономической активности в топливно-энергетическом комплексе, атомной отрасли, военно-промышленном сотрудничестве, строительстве железных дорог, в аэрокосмическом комплексе и т.д.

Нарастают перемены и во внутреннем блоке экономических трансакций. Модернизируется Трансиб, реализуется множество других железнодорожных проектов. Строятся мосты, обновляется сеть дорог. Завершается строительство дальневосточного космодрома и судостроительного комплекса «Звезда». Реализуется масштабный арктический проект, множится сеть территорий опережающего развития. Особо значимым и наглядным примером системных перемен является реализация проекта модернизации и обновления военно-промышленного комплекса, в том числе как одного из семи гиперфакторов производства, выполняющего к тому же функцию локомотива модернизации в остальных отраслях промышленности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что общий с точки зрения целостности экономики страны и динамичности ее развития лейтмотив перемен имеет крайне противоречивый и внесистемный характер, проявляющийся в нарастании диспропорций и дифференциации как в воспроизводственном контуре, так и в экономике в целом. Наиболее явно это проявляется в обрабатывающей промышленности и, особенно, в машиностроении. Производство средств производства здесь является самым слабым звеном. Гипертрофия мегаполисов в ущерб развитию провинции делает фактически невозможным рациональное размещение производительных сил. Внутренний рынок фактически работает от противного и реально заметно снижает позитивный эффект перемен, что автоматически отражается на темпах и качестве экономического роста.

Одним словом, неолиберальный монетарный формат реализуемой экономической политики, игнорирующий системный воспроизводимый характер современной экономики, тиражируя тем самым диспропорцию

и поляризацию в экономике и обществе, фактически блокирует не только экономический рост, но и развитие в целом, реально обесценивая даже позитивные перемены, превращая их в негативные и преумножая тем самым последние. Особенно явно это просматривается в трансформации управления, образования (особенно высшего), здравоохранения, да и в целом через социальную поляризацию в обществе.

Таким образом, имеющие место позитивные перемены в российской экономике по сути либо не в полной мере эффективны в сложившемся в стране иррациональном типе отношений, либо прямо ему противостоят. Определенно, оптимальным вариантом экономики, к которому есть смысл стремиться, является, как показывает опыт других стран (Китай и др.), да и самой России, разновидность современного инварианта НЭПа с его утроением промышленного производства, удвоением производства сельскохозяйственной продукции, сверхэффективной системой управления, торговлей и золотым конвертируемым червонцем.

Фактически все эффективные реформы мирохозяйственной трансформации последних ста лет за исключением России базируются на методологии нашего НЭПа. Председатель ВСНХ Ф. Э. Дзержинский постарался на славу. Пора и нам вспомнить свой опыт.

*А. Н. КЛЕПАЧ
Россия, Москва,
ВЭБ,
Главный экономист*

*О. В. ДОБРОЧЕЕВ
Россия, Москва,
АНО Институт развития ВЭБ,
советник
olegdobro@list.ru*

ЭКОНОМИКА КОСМИЧЕСКОГО ЧЕЛОВЕКА

После распада СССР в 1991 г. возникла единая планетарная экономическая система, даже несмотря на сохраняющуюся значительную политическую, культурную, демографическую и прочую дифференциацию многих ее регионов. Последнее обстоятельство говорит только о ее неустоявшемся характере. Об этом же говорят и наблюдаемые приблизительно 140-летние волны изменений числа зарегистрированных открытий в физике, стоимости доллара в баррелях нефти и политической сложности мира. В совокупности эти сведения позволяют охарактеризовать современное состояние как начальную фазу новой глобальной волны мирового развития, у которой есть название, но отсутствует понимание механизмов. Поскольку в нынешней фазе только начинают проявляться ее отличительные признаки, которые, однако, не дают оснований для понимания перспективы.

Для этого необходимо обратиться к таким общим теоретическим концепциям как гипотеза очень больших систем (ОБС), описывающая подобные по размерам и сложности системы. В ней сформулированы математические законы самоорганизации природных и социальных систем, качественно описанные А. А. Богдановым еще 101 год назад. На основании этой концепции нами разработана модель турбулентной экономики.

Она говорит об ограниченных возможностях детерминистических и статистических моделей ее описания по сравнению с многоволновой турбулентной. Эта модель показывает принципиально многовариантный характер развития экономики и общества (а, значит и отсутствие тупиков развития). Модель также дает физическое объяснение предельного увеличения производительности труда в планетарной экономике за счет предельного расширения размеров рынка и, как следствие, предельно уз-

кой специализации, при которой каждый трудящийся может стать уникалом. Оценки скорости социально-экономических процессов в единой планетарной экономике одновременно говорят, что взаимосвязь планетарных людей между собой окажется крепче людей одной национальности. Таким образом, на планете возникнет феномен планетарного человека (первыми прообразами его, по нашему мнению, являются космонавты, которых на планете сегодня насчитывается около полутысячи). Для него будет характерно не местечковое, а космическое сознание, более тесные межличностные отношения и т.д. В планетарной экономике продолжительность жизни намного превзойдет жизнь средневекового человека, что потребует заполнения ее новыми возможностями и потребностями. Поэтому одного индикатора мотивации человеческой деятельности — денег, будет не достаточно для ее описания и регулирования. Это прекрасно понимали еще Моисей, Будда, Христос, Мухаммед, и Чингисхан. Не поняли, только в новое постньютоновское либеральное и социалистическое время. Поэтому в новую эпоху необходим переход от одномерной модели экономического человека к более полной и продуктивной многомерной модели духовных, трудовых и физических возможностей и потребностей планетарного по масштабам и космического по устремлениям человека.

Основы такой модели можно построить, структурируя эмпирическую социально-экономическую информацию на принципах гипотезы очень больших систем и турбулентной экономики.

Т. И. КОПТЕЛОВА
Россия, Нижний Новгород,
ФГБОУ ВО Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия,
доцент кафедры «Философия, социология и политология»,
кандидат философских наук, доцент
koptelova2210@rambler.ru

ОРГАНИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ХОЗЯЙСТВА КАК ОСНОВА УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Современной России для сохранения и развития природного богатства территорий, с целью сбережения и преумножения человеческого потенциала, необходима стратегия устойчивого экономического развития. Такая стратегия должна иметь историко-культурные и природные основания, сформированные многовековым развитием народов нашей страны. Как известно, существуют различные интеллектуальные традиции и стили мышления, способствующие созданию порою противоположных парадигм экономической жизни. К таким взаимоисключающим традициям можно отнести механистический стиль мышления, разрабатывающий количественный метод в понимании действительности, и органическую философию, концентрирующую внимание на целостной функциональности — сущности явлений. Механицизм лежит в основе западного глобализма и унификации экономической деятельности, формальном (внешнем) рассмотрении устойчивости развития. Органическая философия способствует восстановлению синкретичности знания, согласно которой предметы мыслятся не как «одно и другое», а «одно в другом» [2, 26-27]. И здесь появляется возможность восстановить в сознании и переживании «цивилизованного» человека представление целостности, определённости мира, без чего невозможно осознание устойчивого развития. Поэтому методологическая, интеллектуальная основа для формирования органической парадигмы хозяйства — органическая философия, элементы которой представлены теорией порядка Г. Дриша, учением В. И. Вернадского о ноосфере, концепцией ортобиоза И. И. Мечникова, «живой математикой» К. Э. Циолковского, геософией евразийства 20–30-х гг. XX в., пассионарной теорией этногенеза Л. Н. Гумилёва. И всё это необходимые элементы для формирования органической парадигмы хозяйства.

Таким образом, органическая парадигма хозяйства, претендующая на целостное представление конкретной, определённой в пространстве и времени экономической действительности, содержит в себе культурно-исторический, биогеохимический (природный), политический (государственный), нравственный, обыденно-практический и прогностический элементы. В связи с этим можно выделить важнейшие ценностные и методологические принципы органической парадигмы хозяйства: 1) биогеохимическую (ландшафтную) обусловленность экономической деятельности, которая должна быть природоподобным дополнением биогеоценозов; 2) историко-культурную составляющую экономической жизни — развитие этнических традиций коренных народов; 3) государственную экономическую политику, направленную на решение конкретных проблем, обусловленных качеством жизни людей, и стратегическое планирование экономической деятельности будущих поколений; 4) при необходимости применение в хозяйственной практике концепции «отрицательного роста» и достижение природоподобия цифровых технологий; 5) воплощение нравственного принципа жизнеутверждения и альтруистической любви в экономическом творчестве.

В органической парадигме сохраняется «механический счёт» и визуализация (детальное представление различных фрагментов реальности при помощи цифровой техники с использованием всех органов человеческих чувств), что противоположно ультраэкономике (внешней, ускользающей, создающей виртуальный «полуобраз» хозяйственной деятельности) [3, 17—18]. «Механический счёт» способствует формированию адекватного представления соотношения материальных объектов, ресурсов и потребностей человека [1, 90—91]. И особое значение в органической парадигме хозяйства приобретает государственное стратегическое планирование, нацеленное на раскрытие природного и человеческого потенциала конкретных регионов [4, 28—32]. При этом важно развитие локальных информационных сетей, использование современных технологий в определённом пространственно-временном, этническом и культурном контексте.

Таким образом, устойчивое экономическое развитие России в условиях исчезновения цивилизаций и глобальных вызовов человечеству возможно лишь благодаря творческой, созидательной деятельности, которая всегда индивидуальна и, в то же время, «контекстуальна» в рамках определённой историко-культурной и природной среды, что увидеть и понять позволяет органическая парадигма хозяйства.

Литература

1. Коптелова Т. И. Природоподобие цифровых технологий в парадигме органической философии / Т. И. Коптелова // Философия хозяйства. 2019. № 4. 83—95.

2. *Коптелова Т. И.* Феномен неустойчивости существования современного человека в парадигме органической философии: понимание и преодоление. / Т. И. Коптелова // *Философская мысль*. 2019. № 5. С. 25–36.
3. *Осипов Ю. М.* Ультразкономика как высшая историческая форма экономики и верная предтеча постэкономики / Ю. М. Осипов // *Философия хозяйства*. 2019. № 4. С. 11–23.
4. *Шиповалов С. В.* Стратегическое планирование в Российской Федерации / С. В. Шиповалов // *Философия хозяйства*. 2019. № 2. С. 126–137.

*А. В. КУЗНЕЦОВ
Россия, Москва,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов,
д.э.н., с.н.с.,
kuznetsov0572@mail.ru*

РОССИЯ В КООРДИНАТАХ АНГЛОСАКСОНСКОГО ГЛОБАЛИЗМА

В настоящее время глобальное информационное пространство формируется в рамках двух разнонаправленных тенденций, связанных с США и Великобританией. С одной стороны, англосаксонские страны декларируют всему миру намерения о сворачивании своего участия в формировании глобальной повестки дня (выход из значимых международных и региональных соглашений, торговые и валютные войны, санкции).

С другой стороны, США и Великобритания ускоряют мировое развитие цифровой экономики, в которой англосаксонские страны являются лидерами практически во всех сегментах — от создания виртуальной реальности и электронных правительств до управления социальными сетями и «большими данными».

Несмотря на многочисленные проблемы финансовой системы США и конкуренцию со стороны других центров мировой экономики (Еврозоны, Японии, КНР), доллар продолжает занимать лидирующие позиции во всех сегментах мирового финансового рынка, что является следствием создания американоцентричного каркаса мировой валютной системы. Виртуальный доллар выступает валютой контрактных цен и расчетов в реальной экономике — на мировых рынках топлива, металлов, продовольствия и прочих сырьевых и промышленных товаров. Особенности ценообразования на товарных рынках ставят другие страны в зависимость от доллара через привязку своих национальных валют и номинирование международных финансовых обязательств [5, 79-80].

Отсутствие какого-либо международного соглашения, контролирующего объемы глобальной эмиссии долларов, привело к тому, что тенденции развития мировой экономики и мировых финансов определяются торговлей эфемерными производными финансовыми инструментами и американскими рейтинговыми агентствами, давно утратившими

связь не только с реальной экономикой, но и с элементарными логическими, математическими и прочими законами. По наблюдению основателя научной школы философии хозяйства, профессора МГУ, д.э.н. Ю. М. Осипова, фактически экономика превратилась в царство беззакония, где « $2 \times 2 = 3, 4, 5 \dots X$ » [4, 133].

Как следствие, трансформация сбережений производительной периферии (к которой сегодня относится подавляющее большинство стран) в англосаксонский финансовый капитал при его возрастающей офшорной централизации усугубляет проблемы глобальных дисбалансов и усиливает риски коллапса однополярной основанной на долларе мировой валютной системы [2, 77]. Такое положение вещей не оставляет развивающимся экономикам стран БРИКС и ЕАЭС иной альтернативы, кроме как создания собственных расчётно-платежных и резервных систем.

Подчеркнем, что среди ведущих шести экономик мира современная Россия является одной из лучших по макроэкономическим показателям; обладает наиболее устойчивой финансовой системой; выступает одной из наиболее либерализованных экономик, имея при этом наивысший показатель относительного размера чистого экспорта к ВВП; демонстрирует сбалансированную позицию в международном движении капитала и наращивании участия в ГЦСС. Сравнительные показатели устойчивости экономического развития России дают основания полагать, что по многим ключевым позициям РФ занимает паритетное положение с ведущими экономиками мира, однако этот факт упорно игнорируется международными организациями и форумами.

Российская экономика достигла необходимого уровня зрелости, чтобы обеспечить развитие сильной обрабатывающей промышленности, работающей на самом высоком технологическом уровне. Однако без принципиального изменения господствующей в России *неолиберальной парадигмы* псевдоэкономического роста (емко представленной Ю. М. Осиповым в образе финансомики [3]), основанной на примате выгоды, цифровом технократизме, всеобщей коммерциализации и потребительском фетишизме, все достижения России последних двух десятилетий будут направлены на одно — консервацию однополярного мироустройства с дальнейшим ослаблением и втягиванием России в матрицу саморазрушительного англосаксонского глобализма.

Негативный эффект от подобной модели интеграции может превысить совокупные потери, понесенные Россией в XX в., вплоть до полного уничтожения русского цивилизационного архетипа. Чтобы не допустить непоправимого, России необходимо сосредоточиться на разработке и реализации эффективной стратегии регионального и межрегионального сотрудничества с акцентом на создание и развитие в Евразии паназийских наднациональных институтов с целью активного глобального про-

движения концептуальной альтернативы англо-американскому глобализму [1, 59].

Литература

1. *Кузнецов А. В.* Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия. *Финансы: теория и практика* // 2019. Т. 23. № 5. С. 50—61.
2. *Кузнецов А. В.* Проблемы формирования многополярной финансовой системы в условиях централизации глобального капитала // *Мир новой экономики*. 2019. Т.13. №2. С.70—79.
3. *Осипов Ю. М.* Финансомика // *Философия хозяйства*. 2000. № 3. С. 286—290.
4. *Осипов Ю. М.* Экономика как есть (откровения Зоила или Ссудный день экономизма). М.: ТЕИС, 2017. 318 с.
5. *Пищик В. Я., Кузнецов А. В., Алексеев П. В.* Европейский экономический и валютный союз: 20 лет спустя // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. №. 9. С. 76—85.

*М. В. КУЛАКОВ,
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
заведующий лабораторией,
д.э.н., профессор,
mkulakov39@yandex.ru*

РОССИЯ В НАДВИГАЮЩЕМСЯ МИРОВОМ ТЕКТЕНИЧЕСКОМ РАЗЛОМЕ

В сети интернет можно найти такую фразу: «Многими владеет смутное ощущение надвигающихся тектонических сдвигов в мироустройстве» [1]. Тектоника — раздел геологии, изучающий процессы, связанные с движением литосферных (тектонических) плит, из которых состоит земная кора (литосфера). Последствием этих тектонических движений являются новые горы, разломы на поверхности планеты Земля, извержения вулканов, землетрясения.

Есть ли основания для ощущения надвигающихся тектонических сдвигов в современном мироустройстве? Известный политический деятель Генри Киссинджер пишет по этому поводу: «Мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка» [2]. Общее понимание по-американски состоит в экономическом, политическом, военном и моральном превосходстве США. Опытный дипломат Г. Киссинджер не мог не заметить, как, говоря его словами, ускользает это превосходство. Наблюдается, как отметил Е. М. Примаков, «бесспорное нежелание преобладающего числа государств согласиться с миропорядком, определяемым одной державой» [3]. Аналогичную мысль высказал Министр иностранных дел РФ Сергей Лавров. Выступая на форуме «Территория смыслов» на Клязьме 24.08.2015, он заявил: «Мы наблюдаем конец очень длинной эпохи, завершения длинной эпохи доминирования исторического Запада, доминирования экономического, финансового, политического» [4]. Совсем недавно (27.08.2019) Президент Франции Эммануэль Макрон на встрече с французскими дипломатами заявил: «Мы определенно являемся свидетелями конца западной гегемонии в мире ... Прежде всего, речь идет о Китае, а также о российской стратегии, которая, нужно сказать, реализуется последние годы с большим успехом» [5].

Ускользание старого и формирование нового миропорядка связано в последние годы с фантастическими достижениями Китая, прежде всего, в сфере экономики. По ППС ВВП Китая последние пять лет превосходит ВВП США, по объему экспорта Китай обошел США еще в 2007 г., и с тех пор разрыв в пользу Китая постоянно возрастает. Важно при этом отметить, что во всех регионах, кроме Латинской Америки, Китай вытеснил США с позиции главного поставщика товаров, а во многих странах и поставщика капитала. Два гиганта мировой экономики движутся в конкурентном мире как две тектонические плиты, порождая в своем движении как всплески мировой экономики, так и переход к новому миропорядку через жесткое противоборство, торговые войны, кризисы.

Где место России в этих процессах? Исходя из неизбежного противостояния США и Китая, у России есть три возможных варианта.

1. Идти в фарватере Китая.
2. Идти в фарватере США.
3. Занимать самостоятельную позицию, оставаться суверенным государством.

В первом и втором случаях преимуществом является то, что ни правящей элите, ни населению не требуется прилагать больших усилий по выработке стратегии развития, внешних связей. Они определяются ведущей страной.

Главным негативом этих вариантов является подчиненная интересам ведущей страны экономика, отсутствие суверенитета, размывание национальной культуры, национальных традиций.

Третий вариант самый сложный. Он требует высочайшего профессионализма правящей элиты, высокой образованности и напряженного труда всего населения, развития науки, надежной обороноспособности. На международном уровне необходимо находить надежных союзников и быть верными союзническим обязательствам. Только при этих условиях Россия может оказывать влияние на формирование принципов нового мирового порядка и быть влиятельным игроком в поддержании этого порядка.

Обладает ли Россия возможностями для решения такой задачи? Для ответа на этот вопрос нужно рассмотреть основные составляющие формирования нового мирового порядка: экономику, политику, обороноспособность, культуру.

Экономика. Состояние экономики определяется уровнями технологий, трудовых ресурсов, научных исследований, управления. У России есть уникальные технологии в атомной промышленности, в оборонных отраслях, страна располагает значительным научным потенциалом, ядром высококвалифицированных кадров в ряде отраслей. Страна обладает огромными природными богатствами. Сегодня стоит вопрос об эффективном управлении всем этим достоянием (национальные программы, планирование).

Политика. Внутренняя политика должна быть нацелена на развитие инициативы и самостоятельности каждого члена общества, на повышение благосостояния. Во внешней политике всегда является привлекательной самостоятельность и надежность в предлагаемой стратегии партнерских отношений (Куба, Сирия, Ирак).

Оборонеспособность. Прежде всего, создание нового оружия. Это важно по трем причинам. Во-первых, спрос на новое оружие — это спрос на научные исследования (ученых), а производство нового оружия — спрос на специалистов высокой квалификации (инженеров, рабочих), а это означает спрос на образование. Сегодня со всей определенностью можно сказать, что именно благодаря гособоронзаказу удалось восстановить многие исследовательские центры и промышленные предприятия, разрушенные в 90-е гг. Во-вторых, это реальная защита созидательного труда населения. В-третьих, это значительные валютные поступления (около 15 млрд долл. ежегодно).

Культура. Новый мировой порядок будет основан на гуманистических принципах. Пронизанные идеей гуманизма произведения русской классической литературы, музыки, живописи не перестают восхищать людей во всех странах мира. Если Человек хочет остаться Человеком в условиях распространения новых технологий, прежде всего, цифровых и искусственного интеллекта, гуманитарная составляющая в его развитии будет все более востребована. Разнообразие и богатство культуры России может оказать влияние на формирование нового мирового порядка в сторону его гуманизации. У России есть шанс стать активным участником формирования нового миропорядка — остаться тектонической плитой и избежать падения в тектонический разлом.

Литература

1. Карта слов. [Электронный ресурс]. <https://kartaslov.ru/значение-слова/тектонический>
2. Киссинджер Г. Мировой порядок. Пер. с англ. М.: АСТ, 2015. С. 10.
3. Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2015. С. 195.
4. [Электронный ресурс] <https://impulse.net/news/30580-lavrov-zapadu-eschenedolgo-ostalos-shantazhировat-rossiyu.html>.
5. <https://inosmi.ru/politic/20190828/245721003.html>.

*В. М. КУЛЬКОВ
Россия, г. Москва
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
экономический факультет
профессор кафедры политической экономики
доктор экономических наук, профессор
e-mail: profvymk@mail.ru*

ПОВОДЫ И ПУТИ ПЕРЕМЕН

Современная Россия нуждается в переменах — причем, в «ударных переменах», на которые нацеливает и название данной конференции. Поводов к переменам в стране накопилось немало. Самый безобидный из них, постоянно провозглашаемый и, тем не менее, не способный до сих пор полноценно реализоваться — необходимость преодоления вялотекущей динамики, низких темпов экономического роста, которые ограничивают решение социально-экономических задач, приводят к нарастанию отставания от развитых стран. Второй — нерешенность задачи структурной перестройки, технологического обновления материальной базы национального хозяйства, а в более широком и глубоком смысле — осуществления модернизации российской экономики, обеспечения ее реального развития, способного предотвратить сползание страны на мировую обочину. Третий повод — социальный, связанный с неспособностью обеспечить устойчивый рост благосостояния населения и социальную справедливость на фоне сохраняющихся резких социальных контрастов, что в опасной степени подрывает социальную консолидацию общества, снижает доверие к властным структурам. Четвертый повод — отсутствие внятной идеологии развития, системного видения перспектив России, ясных целеполаганий экономического, социального, духовно-цивилизационного, геополитического характера в их единстве. Пятый повод — современные мировые вызовы, выражающиеся в деглобализации, кризисе мирохозяйственных отношений, нарастании геополитической напряженности, в новых технологических трендах (прежде всего, в нарастании цифровой экономики).

Все названные поводы сошлись для России в одно время и требуют безотлагательной и комплексной реакции. Цена промедления и, тем более, уклонения от решения насущных задач — слишком высока и будет иметь негативные государствообразующие последствия.

Главный путь перемен связан с формированием новой социально-экономической системы — такой системы, которая бы, вбирая в себя прогрессивные тренды мирового развития и адаптируя их к условиям страны, соответствовала бы всей совокупности национально-специфических факторов (как экономических, так и неэкономических) и национальных приоритетов и интересов. Страна должна уйти от той системы (точнее, квазисистемы), которая сформировалась в России и которая, обеспечивая ложно понимаемую стабильность, на самом деле тормозит развитие национальной экономики, не сплочивает общество, снижает конкурентоспособность страны. Было бы упрощением свести такую переменную к переходу только к новой модели экономики и, тем более, к новой модели роста: при всем их значении здесь не обойтись без системных изменений, затрагивающих такие глубинные характеристики, как типы социального присвоения и экономической координации, воспроизводственные взаимосвязи. Ей должна соответствовать и адекватная материально-техническая база, прошедшая глубокую модернизацию и характеризующаяся передовыми технологическими укладами, новой диверсифицированной структурой экономики, способностью обеспечить суверенное и опережающее развитие национального хозяйства.

Новая система должна отличаться и своей социальной ориентацией, способной обеспечить высокую степень социальной консолидации российского общества, и духовно-цивилизационными ориентирами и стимулами, опирающимися на традиционные российские ценности и институты, которые в современных жестких условиях должны быть позиционированы более свежо, активно и инициативно. В современном мире существует сильный запрос на здоровую систему ценностей, и российская система могла бы стать одним из заметных очагов такого притяжения. В координатах современных трендов все более четко просматриваются различия между двумя моделями мирового развития: техно-рациональной и социально-духовной. Россия по своим историческим и социокультурным основаниям всегда тяготела к последней из них. Эта тяга может объединить многие социальные слои и общественные силы разных стран, ориентированные на социализацию и здоровые ценности. Но, прежде всего, следует полноценно утвердить такую модель (точнее, систему) в самой России.

Россия должна воспользоваться теми «брешинами», которые возникают в мировой экономике в условиях деглобализации и кризиса мирохозяйственных связей, в целях нового позиционирования страны в мире, поиска новых союзников и коалиций. При этом в российской системе должен сохраняться и потенциал возможного перестроения национального хозяйства, перехода к альтернативному варианту на случай резкого обострения геополитической ситуации.

«Ударные перемены» должны быть глубокими и неотложными. Они должны сочетать в себе как внутренние, так и внешние аспекты; как экономические, так и неэкономические стороны в их взаимосвязи. Они должны отражать не узкие интересы крупного бизнеса или политических кланов, а подлинные национальные интересы страны.

В. Ю. МАСЛИХИНА

Россия, Йошкар-Ола

Поволжский государственный технологический университет, доцент,

кандидат экономических наук, доцент

masliхина_nika@mail.ru

О. С. БЕЛОКУР

Россия, Йошкар-Ола

Поволжский государственный технологический университет, доцент,

кандидат экономических наук, доцент

lisio@mail.ru

Г. С. ЦВЕТКОВА

Россия, Йошкар-Ола

Поволжский государственный технологический университет, доцент,

кандидат экономических наук, доцент

galla_200760@mail.ru

ПОДХОДЫ К ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПОЗИЦИОНИРОВАНИЮ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО РЕГИОНА НА ОСНОВЕ КОМПАРАТИВНОГО АНАЛИЗА¹

Определение перспективных стратегий регионального развития является важнейшим направлением экономической политики административно-территориальных образований. В этом контексте успехи европейских стран, в частности бывших членов социалистического лагеря, весьма показательны для понимания и адаптации эффективных решений на российской почве. При проведении компаративного анализа возникает проблема идентификации и позиционирования конкретного региона в региональном пространстве.

Целью исследования является разработка методического подхода к идентификации и позиционированию российского региона в мировом региональном пространстве. В качестве базового региона выступает провинциальный регион России — Республика Марий Эл Приволжского федерального округа. Позиционирование данного региона производится в европейском региональном пространстве на уровне NUTS 2.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №19-010-00476.

Информационной базой исследования являются статистические данные Федеральной службы государственной статистики РФ, Евростата. Формирование группы регионов, сходных по экономическому уровню с Республикой Марий Эл, производится по валовому региональному продукту на душу населения.

Евростат регулярно пересчитывает ВРП по паритету покупательной способности (ППС). В России такой практики не сложилось: пересчитывается только ВВП по ППС (последний расчет сделан по данным 2014 г.). Поэтому для корректного сравнения с регионами ЕС ВРП Республики Марий Эл пересчитан по ППС и с учетом ценовой дифференциации по региону относительно среднероссийских цен [1; 2]. ВРП по ППС на душу населения составил 8222 евро. Для поиска сходных регионов зададим интервал душевого ВРП по ППС от 75% до 125% от уровня показателя в Республике Марий Эл (6166,5; 10277,5 евро). Сопоставление с 297 регионами еврозоны уровня NUTS 2, а также регионами стран-кандидатов на вступление в ЕС выявило 9 еврорегионов, которые попали в заданный интервал. К ним относятся по 2 региона Сербии и Албании, 3 региона Болгарии, один регион Румынии и Северная Македония. Все выделенные регионы являются слаборазвитыми и замыкают список еврорегионов по уровню социально-экономического развития.

Объединяет Республику Марий Эл и выделенную группу европейских регионов высокая доля сельского населения (более 30%) и высокий удельный вес сельскохозяйственного производства в структуре экономики. Рост ВРП в 2017 г. по сравнению с 2014 г. в выделенных регионах составил от 4,3% до 14,5%, в регионах стран-кандидатов на вступление в ЕС (Сербии, Албании, Северной Македонии) рост незначительный или данные отсутствуют, в Республике Марий Эл в анализируемый период наблюдалась стагнация. Экономический рост в «новых членах еврозоны» обеспечивался не только финансовыми вливаниями ЕС, но и институциональными реформами, связанными с созданием благоприятной среды для бизнеса. В Республике Марий Эл предприниматели негативно оценивают качество институциональной среды. Пилотный опрос предпринимателей об уровне ограничений ведения бизнеса в республике выявил основные проблемы: нестабильность российского законодательства, препятствия ведению бизнеса со стороны органов власти, высокую частоту проверок бизнеса со стороны контролирующих органов.

Рассмотренный методический прием позволяет проводить междunarодные сопоставления на мезоуровне. Позитивный опыт стимулирования экономического роста в сформированной группе европейских регионов в дальнейшем будет исследован и адаптирован к условиям республики.

Литература

1. Гранберг А. Г., Зайцева Ю. С. Корректировки ВРП с учетом территориальных различий покупательной способности денег // Российский экономический журнал. 2002. № 11–12. С. 48–70.
2. Klotsvog F. N., Chernova L. S. Economic dynamics of russian regions: trends and a target forecast // Studies on Russian Economic Development. 2005. Т. 16. № 6. С. 631–638.

Е. А. ПОЧИНКОВА
Россия, Новороссийск,
АНО «Независимый исследовательский центр»,
научный сотрудник, к.э.н.
pochta666555@mail.ru

ПЕРЕМЕНЫ ИЛИ РАЗВИТИЕ: СЛОЖНЫЙ ОТВЕТ НА ПРОСТОЙ ВОПРОС

Перемены — это появление чего-нибудь нового, поворот к чему-нибудь новому. Синонимами перемен являются изменения, видоизменения, смена, чередование, переворот, перелом.

Одним из старейших философских трактатов о переменах является древняя китайская «Книга перемен» (VIII—VII вв. до н.э.). Основная идея книги заключается в том, что мир представляет собой изменчивость и неизменность и более того, их непосредственное единство. В основе этого лежат присущие миру противоположности, которые тяготеют друг к другу и одновременно отталкиваются, что и создает мировое движение [1]. Оно непрерывно, одна жизненная ситуация вытекает из другой. Человек может лишь подстраиваться под этот жизненный ритм. Эти идеи получили дальнейшее развитие в рамках диалектики.

Движение — одна из основных философских категорий. Она тесно связана с понятием «развитие». Не всякое движение есть развитие. «Функционирование — есть движение в состояниях одного и того же уровня, связанное лишь с перераспределением элементов, функций и связей в объекте. Развитие — это такая смена состояний, в основе которой лежит невозможность по тем или иным причинам сохранения существующих форм функционирования» [2, 189]. Движение — это одновременно и изменение и неизменность. Это внутреннее противоречие движения имеет проявление в экономической теории. Концепция макроэкономического равновесия, концепция экономического роста, теория экономического цикла, взятые в единстве как раз и содержат это противоречие. Возможность снятия этого противоречия лежит в концепции национального богатства.

Через призму богатства, экономическое развитие — это устойчивое расширенное воспроизводство общественного богатства. Причем важным является создание такого механизма, который будет обеспечивать эффективность воспроизводства, как в текущий период, так и долгосрочной пер-

спективе. Критерии выбора инвариантов воспроизводства — это сохранение уже существующего уровня экономики и создание заделов на будущее с учетом возможных сдвигов в результате НТП, изменений внутренних и внешних факторов. Помимо непосредственно производства немаловажным является система распределения общественного продукта. Критерием эффективности здесь выступает такое распределение, которое обеспечивает расширенное воспроизводство и одновременно гарантирует максимальное вовлечение в это процесс всех экономических агентов.

С этой точки зрения особенность современного этапа мирового развития — отказ от идей глобализма и поворот в сторону государственного суверенитета. Одна из причин — это необходимость обособления национального богатства, обеспечение его воспроизводства и контроль за его распределением. Отсюда идеи энергонезависимости, локализации производства, ограничения доступа к национальным природным ресурсам, установления контроля за инфраструктурой. Произошло переосмысление роли инфраструктуры в системе общественного богатства. Она важный источник экономического роста, так как обладает мультипликативным эффектом. Функционирование инфраструктуры — это гарантированное воспроизводство. Насыщение спроса на индивидуальные блага приводит к росту спроса на коллективные блага, что позволяет замыкать воспроизводственный контур.

Анализ инвестиционной активности российских компаний показывает, что помимо традиционных крупных инвесторов — нефтегазовой сферы, явно выраженный тренд — это транспорт. Метрополитен, железные дороги, строительство портов и аэропортов. В последнем секторе особенно активны частные компании. Активны они и в набирающем темпы строительстве платных автомагистралей [3]. Полным ходом идет подготовка к созданию сетей стандарта 5G.

Другой заметный тренд — это вложение средств в мощности по переработке сырья с целью дальнейшего экспорта. Это инвестиции в первичный, иногда в более глубокий, передел, осуществляемые частными компаниями угольной, металлургической, газовой, нефтехимической, пищевой промышленности. Двукратный рост таких инвестиций за пять лет говорит не только о стремлении компаний получить дополнительный доход, но и о переделе трансграничных цепочек создания стоимости, их локализации.

Таким образом, главная переменная современной экономики — восстановление национального экономического суверенитета, восстановление контроля за национальным богатством, поиск механизмов его расширенного воспроизводства. Одновременно с этим выстраивается новая система международных экономических отношений. В этом смысле Россия находится в общемировом тренде, но со своей спецификой. Плюсом россий-

ской экономики является наличие необходимых ресурсов и локализация производства, минусом — отсутствие высоких переделов или их технологическая отсталость. Начался великий передел общественного богатства и создание нового механизма его воспроизводства.

Главное в качестве современных российских перемен, несмотря на многочисленные активные попытки и государства, и частного капитала в части активации экономической деятельности и всякого рода полезных проектов (новые предприятия, Дальний Восток, Арктика, дороги), то, что в масштабах всей страны все эти проекты либо не в полной мере увязываются друг с другом, либо, когда увязываются, они не сопоставимы с потенциальными возможностями гипотетической емкости внутреннего рынка России, читай интеграции экономических процессов, формализующихся в конечном итоге в высоких и устойчивых темпах стабильного экономического роста в целом. Поэтому, нам представляется, что данный контекст перемен, даже в варианте ударных, пока все-таки не развитие.

Литература

1. И-Цзин: древняя китайская «Книга Перемен». - М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
2. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
3. Олигарх увидел перспективу // Эксперт №38, 16—22 сентября 2019, 2. С.13—36.

*С. П. РАМАЗАНОВ,
Россия, г. Волжский Волжский филиал
Волгоградского государственного университета,
д.и.н., профессор,
ведущий научный сотрудник,
sp-ram@yandex.ru*

ПЕРЕМЕНЫ НА ПУТИ К КРЕПОСТИ РОССИИ — ОБРЕТЕНИЕ ПОДЛИННОГО СУВЕРЕНИТЕТА И ЦЕЛОСТНОСТИ

Россия самым существенным образом упрочила свою обороноспособность — своих внешних рубежей. Но подлинная крепость России невозможна без ее внутреннего стабильного развития. Безусловно, внутренняя крепость России зависит от экономического подъема, связанного с преодолением укоренившегося в сознании элиты, стоящей у руля экономики страны, приоритета западной либеральной модели. Такие изменения могут быть обусловлены переменами в кадровой политике. Но, в значительной степени, эти изменения связаны с преодолением изъянов в идеологической политике.

Экономический подъем требует преодоления продолжающегося упования на приоритет ценностей западной цивилизации. Начавшееся во второй половине 80-х — 90-е гг. сближение России с западными институтами, продолжается и в настоящее время. Россия продолжает бороться и держаться за место в Парламентской ассамблее Совета Европы, сохранять мораторий на смертную казнь. Наше государство сохраняет и пытается внести элементы западных норм ювенального и семейного права, чуждых отечественным традициям. На разных, даже самых высоких уровнях, сохраняется вера в порядочность и честность западных лидеров.

Наиболее ярко и демонстративно ориентация на западные нормы проявилась в сферах образования и науки. Введение ЕГЭ и Болонской системы сопровождалось насаждением и понижением теоретического уровня обучающихся. А вместо знаний ставились компетенции. За исключением небольшого числа элитных вузов, погружение преподавательского состава в перманентную переработку рабочих программ, учебных планов, уровней компетенций и оценочных средств, несомненно, снижает качество лекций, семинарской и научной работы. Настойчивое поощрение публика-

ций преподавателей вузов в формате западно-индексируемых изданий, преимущественно на иностранных языках, ведет к понижению качества национальной науки и ее языка.

Вместе с тем, разделение России с позиции разницы заработных плат в школах, вузах, медицинских учреждениях на основе их зависимости от средних зарплат в регионах, отказывает народу России в равноправии в области образования и здравоохранения, стимулирует переток кадров в более благополучные районы, ослабляет безопасность страны.

Регионализация оплаты труда в областях образования и здравоохранения, также ориентированная на некоторые западные нормы, не учитывает особенностей природно-климатических и пространственных особенностей России, ее целостного суверенитета. Можно только радоваться, что регионализация должностных окладов в зависимости от средних заработных плат, пока не затронула полицию и армию.

*И. И. РУДЯК
Россия, Москва
АФХ, академик
tigeropera@yandex.ru*

МАССОВЫЙ ЧЕЛОВЕК СТАНЕТ НЕНУЖНЫМ: КОНЦЕПЦИЯ ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в. И В РАМКАХ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ XXI в.

1. Концепция «лишнего человека» (Пушкин А. С., Лермонтов М. Ю., Гончаров И.А.) возникла в рамках русской литературы в XIX в., и лишним человеком был дворянин [9, 6, 2].

2. Еще 100 лет назад большинство населения в большинстве стран мира составляли крестьяне. После НТР экономика сильно изменилась, что принципиально изменило социум. Многие крестьяне оказались лишними людьми в рамках сельского хозяйства нового типа. Этих людей подобрала промышленность.

3. В XXI в. назревает новая революция в техносфере. Многие товары будут создавать сами потребители путем 3D-печати; многие промышленные операции будут выполнять роботы, снабженные искусственным интеллектом. Поэтому многие промышленные рабочие окажутся лишними людьми в рамках промышленного производства нового типа. Кто подберет этих лишних людей нового типа?

4. Ортега-и-Гассет Х. описывает «массового человека» [8]. Массовый человек занят на производстве и на самом деле полезен обществу. Также заняты и полезны обществу и интеллектуалы. Однако вскоре массовый человек станет ненужным, лишним человеком; нужными останутся только творчески мыслящие интеллектуалы.

5. Леви-Стросс К. описывает 2 типа мышления: мифическое и логическое [5]. При этом он полагает, что мифическое мышление присуще не только первобытным народам, но также и многим представителям современной цивилизации. Массовый человек имеет именно мифическое мышление.

6. В России XIX в. лишних людей было очень мало. Они были образованными дворянами с привитым им в гимназии логическим мышлением. В XXI в. нас ждет засилье лишних людей нового типа. Это будет

безработный массовый человек с мифическим мышлением. При этом именно они составят большинство населения Земли (Зиновьев А., «человейник») [3].

7. В современных зоопарках, чтобы животные не впали в депрессию, животным не дают еду просто так. Еду подают в труднодоступном виде, чтобы животные могли использовать смекалку, физическую силу и свободное время. А в Индии, чтобы уменьшить уровень безработицы, создали дополнительные (бесполезные) рабочие места. Подобные искусственные построения не годятся для большинства населения Земли.

8. Изначально любой ребенок мыслит мифически. Школа есть организация для перевода мышления ребенка из мифического в логическое состояние. От природы все люди имеют разные способности, поэтому некоторые люди овладевают логическими навыками лишь частично. Задача «школы для взрослых» заключается в том, чтобы усилить долю логического мышления в мышлении взрослого человека. Те, кому это удастся сделать, смогут заниматься творческим трудом, который не под силу ни одной машине, т. к. для мышления нужно Я (Бахтин М.М.) [1, 9-226]. Иноземцев В. Л. пишет, что в рамках истории существует устойчивая тенденция: в одном и том же промышленном изделии все меньше материала и все больше идей [4]. Поэтому со временем человечеству понадобится все больше творческих интеллектуалов. Пополнить их ряды смогут именно люди с «превращенным мышлением».

9. Сегодня некоторые научные исследования носят действительно массовый характер. Так в США целый город стал участником масштабного астрономического исследования. При этом общая сложная задача была разбита на такие мелкие и простые части, что выполнять эту научную работу (с помощью компьютера) смогли даже люди без образования. Так что всех людей с мифическим мышлением также можно привлечь к полезной творческой деятельности. Пусть лишних людей нового типа подберет именно наука!

10. В наше время «общее дело» Федорова Н. Ф. принимает исторически обусловленную форму: нужно перевести как можно больше людей из категории «массовый человек» в категорию «творческий человек» [10]. Основная концепция современной России есть концепция построения интеллектуального человека в общих координатах мировых перемен. Таковы требования современной экономики, порождающей новые социальные группы (Маркс К.) [7].

Литература

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности. // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб: Азбука, 2000. 336 с., С. 9-226.

2. *Гончаров И. А.* Обломов М.: Стрекоза, 2018. 692 с.
3. *Зиновьев А. А.* Глобальный человеиник. М.: Эксмо; Центрполиграф, 2006. 448 с.
4. *Иноземцев В. Л.* За пределами экономического общества: Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Academia: Наука, 1998. 639 с.
5. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2001. 512 с.
6. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени. М.: АСТ, 2015. 224 с.
7. *Маркс К.* Капитал. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 2019. 512 с.
8. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2016. 256 с.
9. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. М.: Издательский дом Мещерякова, 2014 г. 272 С.
10. *Федоров Н. Ф.* Философия общего дела. М.: Эксмо, 2008. 752 с.

*В. В. СМАГИНА,
Россия, Тамбов,
ТГУ имени Г. Р. Державина
проректор,
д.э.н., профессор,
troveo@mail.ru*

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КООРДИНАТАХ МИРОВЫХ ПЕРЕМЕН

Аналитический обзор происходящих событий не только в России, но и в целом в мире не дает той полной картины, которая могла бы убедить человечество от нарастающей опасности.

Мы находимся на пороге глобальных изменений, которые, по нашему предположению, должны определить качественное решение в социально-экономическом развитии страны. Но всегда ли это так? Каковы тенденции? На что можно опираться в будущем?

Изменения, происходящие в обществе, формируются вызовами глобализма. Если буквально несколько лет назад мы говорили о тенденции объединения государств единым правительством, то сегодня возвращаемся к понятию государства с национальными интересами.

И здесь для России необходимо опираться на системный подход в оценке глобальных трансформационных процессов, и принятие соответствующих адекватных им мер. Глубокое осознание существующих трендов позволит создать основу для вхождения в новый технологический уклад. Тенденция — технологизация должна включить в себя процесс творчества, культуры как духовность. Во всех происходящих событиях в стране важно сделать акцент на регионы, их экономическую политику.

Сформировавшаяся сегодня тенденция в мировом пространстве — ослабить экономическую независимость России. Этому способствуют и экономические санкции, и формирование негативного образа страны, и «перенесение» западного образа мышления, снижение образовательного уровня молодого поколения, неприятие сформированных веками традиционной культуры нации.

Какой же путь мы видим в решении данной проблемы? Это формирование общества с высоким уровнем благосостояния, базисом которого выступает его духовно-нравственное и патриотическое содержание.

Обеспечить этот переход может только новый этап в технологическом укладе. Однако, согласно С. Глазьеву [1], этот вариант развития России имеет ряд негативных тенденций. Это, прежде всего: 1) несформированная институциональная среда; 2) отсутствие видимых перспектив ее развития. Сторонником этой идеи выступает и С. Д. Бодрунов [2]. Он пишет: «Принципиальная особенность текущего периода развития мировой экономики — качественная трансформация ее технологического базиса. Приходит понимание того, что эти изменения — не просто текущее «усовершенствование», происходящее каждодневно. Мы стоим в начале качественных трансформаций, которые формируют глобальные вызовы для будущего социально-экономического развития».

Вместе с тем, это пока только призыв к осознанию сложившейся действительности. Первым шагом может стать реализация «Национальных проектов». «Только сейчас, в эпоху расцвета электронно-цифровых технологий» [3] возможно подойти к решению задач, поставленных временем перед обществом.

Литература

1. *Глазьев С. Ю.* Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С. Ю. Глазьев. М.: Издательский дом, 2011. 576 с.
2. *Бодрунов С. Д.* Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 5.
3. *Осипов Ю. М.* Экономика как есть / Ю. М. Осипов. Изд. 2-е. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2018. 233 с.

*Г. В. ФАДЕЙЧЕВА
Россия, Москва
Академия труда и социальных отношений,
проректор,
к.э.н., доцент,
fadeychva@mail.ru*

ОБЩЕМИРОВЫЕ ТРАЕКТОРИИ ПЕРЕМЕН И ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОТРЕБНОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Динамика перемен и трансформаций всех основных сфер жизни современного социума выступает одним из следствий перехода ведущих стран к новому технологическому укладу. Техносфера формирует новую социохозяйственную реальность посредством:

- воздействия на всю систему общественных потребностей, включая потребность в труде,
- моделирования социального и экономического поведения всех субъектов процесса общественного воспроизводства,
- трансформации социальных и экономических отношений.

Современная техносфера выступает источником ряда противоречий, среди которых отметим:

- противоречие между общечеловеческой ценностью нового технологического уклада как ступенью прогресса и присвоением его результатов узкой группой лидеров глобальной экономики,
- усиливающееся противоречие между наиболее развитыми странами, обладающими передовыми технологиями и остальным миром, которому данные технологии недоступны (это одна из сторон проявления вышеназванного противоречия),
- противоречие между использованием технологий как средства познания окружающего мира (например, исследования физиков с помощью коллайдера) и использованием технологий «силы» - технологий уничтожения и разрушения (военное применение технологий),
- противоречие между возможностью применения новых технологий, направленными на замену работников или значительное об-

- легчение их труда и стоимостной оценкой такой замены (например, робот-пылесос или низкооплачиваемый работник с метлой).
- противоречие между использованием новых технологий, облегчающих труд в различных сферах, в том числе — в домашнем хозяйстве, и использованием высвобождаемого времени не на развитие индивида, а на потребительское времяпрепровождение в различных соцсетях и формах досуга, формируемых современной техносферой.

Актуализируется, на наш взгляд, в современной глобальной экономике в связи с переходом к новому технологическому укладу и противоречие между трудом и капиталом. Одной из форм проявления данного противоречия, на наш взгляд, следует признать тенденцию к снижению доли труда в ВВП. Другой актуальный аспект современного противоречия между трудом и капиталом — вопрос о соотношении дохода от интеллектуального труда, заложенного в новые технологии и дохода от применения этих технологий, присваиваемого собственниками технологий.

Подчеркнем, что открываемые техносферой возможности на данном этапе развития не могут быть реализованы в интересах всего человечества, как бы гуманистически-заманчиво это не звучало, особенно в свете учения философии хозяйства С. Н. Булгакова, выдвинувшего тезис о человечестве как субъекте хозяйства. Возможности техносферы наталкиваются на интересы и потребности ведущих игроков глобального экономического пространства.

Учитывая возможности современных технологий сбора и обработки огромных массивов информации (Big Data), формирующих обширную аналитическую базу для принятия управленческих решений, современный этап развития человечества сталкивается с новыми вызовами: тотального контроля, манипулирования, передачи ряда управленческих функций искусственному интеллекту. Актуализируется вопрос о границах подобного контроля, его целях, соответствии общественным потребностям. Положительно зарекомендовала себя, например, программа распознавания лиц в метро, благодаря внедрению которой значительно повысилась безопасность.

Общемировые траектории развития, задаваемые современной техносферой, являются определенным вызовом России. С одной стороны ясна задача-минимум (не отстать) и задача стратегическая (стать лидером в техносфере), с другой стороны, траектории развития общества экономического постмодерна, свойственные представителям глобализации по западному образцу, не соответствуют уникальной российской цивилизации, основанной на иных ценностях и мотивации. Осознание необходимости вектора движения, который даст пример альтернативного экономическому постмодерну пути, есть ничто иное, как источник формирования общественной потребности развития современной России.

*Л. Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО
Россия, г. Москва,
РЭУ имени Г. В. Плеханова
профессор,
д.э.н., профессор,
cherednlarisa@yandex.ru*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема усиления региональной дифференциации, особенно анализируемая с позиций действия и влияния социальных факторов, в настоящее время приобретает актуальный характер для экономики России в связи с усилением негативных тенденций, значительно усложняющих условия существования экономики России в мировом экономическом сообществе.

В разные периоды как российское, так и зарубежное научное сообщество исследовали причины и последствия региональных диспропорций. В мировой экономике практически нет стран, в которых можно было бы наблюдать одинаковые уровни развития регионов.

Наличие региональных диспропорций характерно для большого количества стран. Однако существование данного явления в экономике России во многом связывается с наличием внешнеэкономических санкций, уводящих проблему в плоскость обеспечения национальной (социально-экономической) безопасности. В этих условиях особое значение приобретает политика государственного регулирования социально-экономического развития регионов, направленного на преодоление региональных различий.

В практике хозяйствования стран-членов ОЭСР в 1950–60-е гг. основным приоритетом экономической политики было провозглашено обеспечение справедливости в развитии территории регионов. В основу достижения справедливости был положен принцип выравнивания социального развития регионов. Это, безусловно, явилось результатом выделения социальных факторов в качестве определяющего критерия результативности государственной политики в области разрешения проблемы региональных различий.

В более поздние периоды произошла переоценка значения социальных и экономических факторов при оценке регионального развития. Это дало

возможность выявить наиболее слабые стороны в социально-экономическом развитии регионов и поставило на первый план проблему повышения конкурентоспособности территорий.

Система экономических индикаторов конкурентоспособности должна быть способна выявить динамику показателей, дающих возможность проанализировать информацию о состоянии внешней среды, т.е. отразить влияние налоговой системы, ограничения в сфере тарифной политики, расчеты и платежи по поставкам и т.п.; выявить конкурентоспособность товаропроизводителей на внутренних или внешних рынках, которая определяется с учетом многообразия секторов этих рынков; раскрыть факторы конкурентных преимуществ и конкурентные позиции региона.

Кроме этого, анализ конкурентоспособности обязательно должен учитывать состояние рыночной инфраструктуры, которая отражает взаимосвязь институциональных и организационно-экономических форм и механизмов взаимодействия производства и потребления.

В современных экономических условиях проблема региональной дифференциации трансформируется из плоскости региональной экономики в плоскость обеспечения национальной (социально-экономической) безопасности.

Анализ региональной социальной дифференциации с позиций угрозы национальной безопасности государства дает возможность анализировать ее уровень и динамику с использованием системы показателей состояния экономической безопасности, определенных в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.».

*Н. А. ШАПИРО
Россия, Санкт-Петербург,
РГПУ им А. И. Герцена, профессор,
д.э.н., профессор,
nshapiro@herzen.spb.ru,*

*М. Ю. КУРГАНСКАЯ
Россия, Санкт-Петербург,
РГПУ им А. И. Герцена им А. И. Герцена,
аспирант
mariakurganskaya.95@gmail.com*

КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ГЕНДЕРНЫХ НЕРАВЕНСТВ НА РЫНКЕ ТРУДА

Признание за реальным миром многообразия существования экономических институтов и субъектов, неопределенности «новой реальности» логично продолжается проблемой неравенств.

Как относиться к неравенствам в процессе развития: стремиться их не замечать, нивелировать или использовать — зависит от того в силу каких причин неравенство существует. Следует признать, что неравенства могут быть производными от двух разных обстоятельств или причин: 1) неравенство от природы явлений и 2) неравенство от сложившихся обстоятельств или условий. Рынок труда представляет собой такой сегмент экономики, где указанные причины неравенств и сами неравенства присутствуют по определению. На современном рынке труда присутствуют мужчины и женщины, т.е. субъекты рынка труда имеют гендерные различия. Многообразие внешних по отношению к гендерам условий усиливает разнообразие неравенств как в сфере занятости [1], так и сфере безработицы [5], поэтому проблема неравенств стала актуальной в экономических исследованиях рынка труда последних лет. Одна из важных сторон исследования неравенств — это необходимость выработки нового дискурса, в котором можно было бы обсуждать неравенства как в позитивном ключе разнообразия данности, так и неравенства — как несправедливости, включая сложности стратегии выживания при условии природных, социальных, политических и иных различий, инклюзивных факторов и проч. [2].

За неравенствами на рынке труда стоит гендерный фактор, обуславливающий различия в профессиональной и бытовой занятости женщин

и мужчин. Так, гендерная дискриминация на рынке труда в отношении женщин, недооценка их карьерных устремлений и личностного роста, имеющая место в практиках ряда современных экономик, воспринимается как несправедливость и, безусловно, является фактором, ведущим в краткосрочной перспективе к неэффективному распределению трудовых ресурсов и снижению темпов экономического роста в стране [3].

С другой стороны, в силу естественного, природного неравенства мужчин и женщин, нивелирование их различий в общественно-политической жизни влечет за собой в долгосрочной перспективе к глубоким деструктивным трансформациям, разрушению традиционных устоев семьи, традиционных ролей мужчин и женщин, образующих целостность семьи, и благоприятного климата воспитания нового поколения мужчин и женщин.

Традиционное проявление сфер неравенства имеет две линии. Первая — женщины реже мужчин занимают руководящие должности. Вторая — в бытовой сфере существует неравномерное распределение домашних обязанностей и четко прослеживается доминирование женщин в распределении суточного фонда времени в пользу домашнего хозяйства. С точки зрения природного своеобразия женщин и мужчин такое неравенство закономерно, тогда как с точки зрения соизмерения видов трудозатрат такое неравенство несправедливо.

Но оценки двух линий указанных неравенств следует формулировать не на основе усиления или ослабления тенденций как таковых[4], а в сопоставлении с тенденциями, характеризующими роль мужчин на работе и дома. Статистические и социологические опросы показывают, что, российские женщины вынуждены много времени посвящать работе по дому, в то время как их мужья-мужчины имеют большой запас свободного времени. В чем важно равенство: в распределении обязанностей или в уравнивании женщин и мужчин в свободном времени, нужном для саморазвития и семейного общения? Лежит ли путь к гармонии через гендерное неравенство, что адекватно биологической природе мужчин и женщин, или же экономическое равенство, которое, в конечном счете, сформирует «унигендеров», но это не равенство полов, а их социальное уничтожение.

Литература

1. Бухарина А. Ю. Использование женской модели управления в персональной и корпоративной практике // *Философия хозяйства*. 2018. № 1(115). С. 241–254.
2. Ениколопов Р. Как говорить о неравенстве // *Ведомости* 18.03.2019 <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2019/03/18/796701-kak-govorit-o-neravenstve> (дата обращения 20.10.2019).

3. *Курганская М. Ю., Пертая М. В.* Гендерная дискриминация на рынке труда и внеурочная деятельность школы как средство её ослабления // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №59(2). С. 143–149.
4. *Курганская М. Ю., Пертая М. В.* Гендерное образование как главный инструмент ослабления гендерной дискриминации на рынке труда // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60(2). С. 221–223.
5. *Шапиро Н. А., Яковлева А. В.* Проблемное поле современных исследований безработицы. // Социально-экономические проблемы современного рынка труда. Материалы Международной научно-практической конференции. Под ред.: И. Т. Корогодина, Т. Д. Ромашенко. 2013. С. 184–188.

*Е. В. ШЕЛКОПЛЯС,
Россия, Иваново
Институт развития, изучения здоровья и адаптации человека,
директор,
д.фил.н., к.м.н.,
Evs-optimum@mail.ru*

СОФИАСОФИЯ, ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ХОЛИЗМ, ТЕОРИЯ ОПТИМУМА РАЗВИТИЯ. ПРЕОДОЛЕВАЯ РАЗРЫВ ПОЗНАНИЯ: МИРОВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ — ОТ ВЕЧНОГО ДО ПОВСЕДНЕВНОГО

Если мы такие умные, почему мы такие несчастные?

Признание начала принципиальных перемен в обществе состоялось. В июне 2019 г. президент России заявил об исчерпанности либеральной идеи. Давосский форум и Римский клуб открыто говорят об архаизме капиталистической организации экономики. Э. Макрон в августе 2019 г. объявил: «Деградировали система демократии и капитализм, он сошел с ума — мы порождаем те проявления неравенства, урегулировать которые не в состоянии». Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в октябре текущего года оповестил, что либерализм «в каком-то смысле, греховная идея; поставление человека в центр жизни — есть отпадение от Бога. В центре жизни — Бог!». Таким образом, значительная часть правящих элит открыто отказалась от либеральной модели развития; новая модель движения общества в будущее не названа. Что за этим — секретность новой модели или ее отсутствие?

Разработка очередных моделей развития общества — функция не политической или финансовой элиты, а элиты духовной и интеллектуальной — мыслителей; только они обладают знаниями и качествами необходимыми для разработки эпистем, парадигм, теорий, идеологий, соответствующих новым этапам бытия. Элиты второго и третьего уровня включаются в реализацию перемен на этапе разработки и реализации программ действия. На этапе исчерпания текущей модели развития на повестку дня встают проблемы познания, включающие не только текущий политологический

и экономический анализ (в интересах элит второго и третьего уровней), но и масштабное прояснение новых задач развития человека, социума, человечества, прогнозирования ключевых принципов бытия человека в средне- и долгосрочном будущем (функция интеллектуально-духовной элиты в интегрированных интересах общества и человечества). Разделение актуальных задач элит не означает отказа от их интеграции в единую систему целей, смыслов и программ деятельности.

В масштабном познании существует опасность формирования фрагментарной картины реальности, где «за деревьями не видно леса». В период текущего культурно-цивилизационного сдвига для понимания смысла предстоящих перемен важными становятся новые метафизические, философско-культурологические и социально-психологические концепции, объединенные общим подходом научных коллективов, что позволяет избежать разрывов в теоретическом и методологическом обеспечении программ практических действий по реформации общества. Развитие последних событий подтверждает обоснованность прогнозирувавшейся нами и др. авторами роли России как лидера глобальной трансформации. Новая модель ее общественной организации может быть использована другими странами, в т.ч. принадлежащими ныне к одряхлевшей либеральной цивилизации.

Новая культурно-цивилизационная модель развития России имеет преимущества как перед планами развития Индии и Китая, не создавшими глобальных моделей гармоничного будущего, так и перед национальными культурами славянских народов, не имевшими опыта лидерства в культурном развитии империй. Таково, например, положение Украины, стремящейся раствориться в угасающей цивилизации Запада, одновременно заявляя о древности и самобытности украинского этноса. На деле историческое развитие украинской культуры (на уровне хуторских общин) не смогло сформировать ни глубокой метафизики, ни вытекающей из нее серьезной морально-нравственной системы (Н. В. Гоголь «Вий», «Вечера на хуторе близ Диканьки»), сегодня это приводит к несостоятельности попыток строительства независимого государства. Странными выглядят призывы к России ориентироваться в развитии на «европейские ценности», давно деградировавшие до уровня примитивных материальных потребностей и критического уровня безнравственности. Такое общество «рабов Цирцеи» (Гомер. Одиссея) вызывает у многих образованных и думающих граждан России чувство брезгливого отторжения.

Современные метафизические принципы развития России отражены в «софиасофии» Ю. М. Осипова [5; 6]. Определяя с позиции «софиасофии» основные сущности бытия, президент Академии философии хозяйства делает абсолютно революционный вывод — реальность «есть дело Творца и Великой Неизвестности» [5, 96]. В XX столетии подобная ин-

теллекулярная революция духа была осуществлена русскими религиозными философами в учении о Софии [1; 2; 3]. Ю. М. Осипов подчеркивает недопустимость излишней догматизации сакральных представлений, приватизации определенной эпохой или авторитетами исключительного права на толкование священных смыслов и перспектив бытия человека (Апокалипсис). Сакральные учения должны совершенствоваться во времени, соответствуя развитию человека и Творения. Познание Абсолюта менялось во все времена, оно не должно останавливаться и сегодня. Исторический и холистский философский подходы, воспринимающие исторический мир как единое целое, где выделяемые явления и объекты имеют смысл только как часть общности, детализируют суть софиасофии, российской культуры и духовности в многообразии этих сущностей и в глобальности, и в истории [4]. Теория системного оптимума развития социальных систем, воспринимая два предыдущих уровня современного познания бытия, трансформирует их в учение о человеке и обществе, предлагая конкретную модель социально-экономического и культурно-цивилизационного обновления России [7; 8]. Три перечисленные теоретические компоненты могут трактоваться как составные части единого подхода в понимании истинного призвания России. Динамическая системность подхода, предлагаемого членами Академии философии хозяйства, реализуется за счет переменных характеристик масштаба анализа — во времени и в пространстве, заданных этапами исследования.

Литература

1. *Булгаков С. Н.* Два града. Исследование о природе общественных идеалов. СПб.: РХГИ, 1997.
2. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994.
3. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009.
4. *Океанский В. П., Океанская Ж. Л.* Поворот к «мировому древу»: провал гуманитаризации как перспектива неомагической культуры // Человек завтрашнего дня: взгляд с позиции науки, взгляд с позиции искусства : сб. материалов Междунар. науч. конф. / под общ. ред. Е. В. Шелкопляса. Иваново, 2013. С. 140–146.
5. *Осипов Ю. М.* Белые скрижали. Сумма иного знания. М.: ТЕИС, 2016.
6. *Осипов Ю. М.* Софиасофские тетради. (Не)Учёные записки. М.: ТЕИС, 2017.
7. *Шелкопляс Е. В.* Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего: монография: в 2 кн.. 2018. / Кн. 1: Общие принципы теории оптимума развития. 188 с. / Кн. 2: Образ будущего в культурно-исторической динамике: духовный, социальный, нравственный и личностный аспекты. 652 с.

8. *Шелкопяс Е. В.* Новая модель социально-экономического развития России: от растерянности к гармонии. Материалы к докладу на совместном заседании Международной академии организационных наук и Академии философии хозяйства. Центральный экономико-математический институт. Москва, 2012. Иваново: Юнона, 2012.

Т. Н. ЮДИНА
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет, с.н.с.
д.э.н., доцент
orchidflower@list.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ, ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ РОССИЯ В КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ПЕРЕМЕН (КЛЮЧ К ЕЕ ПОЗНАНИЮ)

«Велико незнание России посреди России», — эти слова Н. В. Гоголя остаются значимыми и сегодня, поскольку это «незнание» характерно для большинства граждан РФ, в том числе и ученых.

Не сложилась, да и не может сложиться в эпоху научной секуляризации и атомизации знаний без философско-хозяйственного и теософского осмысления, а также без *ключа познания России — института помазанничества*, фундаментальная наука о ней — *россиеведение как наука о познании России* [1], о необходимости которой писал еще в начале XX в. российский энциклопедист Д. И. Менделеев [2]. Хотя следует отметить, что в России написаны учебники по россиеведению и/или отечествоведению [3]. В них россиеведение предстает как междисциплинарная интегральная дисциплина (синтез наук: социологии, филологии, статистики, этнографии, истории и др.) в форме «особой социо-культурной целостности, самостоятельного культурно-исторического типа, имеющего свою специфику сравнительно с обществами западными или восточными» [3, 4], а также — историософия, философия России. Однако Россия и в этих учебниках без ключа ее познания — ключа Давида — по-прежнему остается непознанной. Нет и целостного научного концепта *россиевидения*, ее пути («этот путь есть сама Россия») [5].

В современном мире, в том числе в России, происходит множество *внутренних и внешних перемен*. Главные из них касаются *цивилизационных революций* в России (1917—1922), Китае (1911—1949) и др., сопровождающихся переменой *матрицы* (начальной формы), которая сама себя воспроизводит, «клонировует» и просматривается на глубинном (мистиче-

ском) уровне. Цивилизационные революции приводят к смене матрицы (например, божественной на человеческую). В соответствии с общеизвестным концептом «Россия как III-й Рим» имеет связь со II-м Римом — Ромейской державой Константинопольского периода [4, 44]. В результате революций 1917 г. в нашем Отечестве сформировалась иная реальность, параллельная божественной матрице России как Третьего Рима.

Изменяющаяся Россия. Россия изменяется под влиянием различных вызовов. Современным вызовом является *цифровизация*. Если все предыдущие перемены не касались природы человека, то цифровизация посягает на переформатирование, расчеловечение роботизирующегося человека. В результате цифровой экономики меняется не только человек, но и социум, становящийся роботизированным человечеством, по определению К. Шваба; экономика, все более приобретающая черты гибридной (как сочетание реальной с виртуальной); технос, тесно связывающийся с цифровыми технологиями, главной из которых позиционируется «искусственный интеллект». Однако, несмотря на все видимые и невидимые феномены и ноумены, изменяющаяся Россия по-прежнему остается Третьим Римом.

Концептуальная Россия. Когда у страны нет государственной идеологии, нет целостной стратегии развития страны с народонаселением, являющимся главным ее богатством, по определению двух отечественных ученых-энциклопедистов М. В. Ломоносова и Д. И. Менделеева, то нет и будущего. Новая концепция России, за которую ратует Ю. М. Осипов и его философско-хозяйственная школа, — это по сути хорошо забытая или неосознанная старая, точнее, истинная концепция России как Третьего Рима.

По поводу *ключа познания России*. Был дан единственный ключ познания России — это ключ Давида — ключ института помазанничества. Не надо искать другого ключа, нужно воспользоваться данным.

Литература

1. *Менделеев Д. И.* К познанию России. М., 2002. С.32—216.
2. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. М., 1995. 413 с.
3. Россиеведение: Отечественные исследователи: Справочник / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения / Отв. ред. Глебова И.И.; Сост. Пальников М. С., Плющев В. И., Хмелевская О. В. М., 2014. 322 с.
4. *Юдина Т. Н.* Трансформация институциональной матрицы России? (Философско-хозяйственные подходы) // *Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания* / Под ред. Л. А. Тутова. М., 2017. С.41—47.
5. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/obozrevatel/veliko-neznane-rossii-posredi-rossii/> (дата обращения: 24.10.2019).

РАЗДЕЛ II

ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ РОССИЯ: СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, ТЕХНОС

С. В. БИРЮКОВ

Китай, г. Шанхай,

Восточно-Китайский педагогический университет, профессор,

доктор политических наук, профессор,

birs.07@mail.ru

РАСКОЛ, ИНДИВИДУАЛИЗМ И ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ: ЕСТЬ ЛИ РАЗГАДКА У РОССИЙСКОГО РЕБУСА?

Дискуссия о путях политических перемен далеко не утратила свою актуальность в России. Ушедший от нас политолог и политический географ Виталий Цымбурский в своей статье о будущем идеологий и перспективах «городской революции» в России в свое время написал, что на исходе 2010-х гг. в России сложился механизм «социального взрыва», который содержал в себе этос религиозно-гражданских движений эпохи европейских буржуазных революций и коррелировал с феноменом «протобюргерства» [3].

В соответствии с используемой Цымбурским логикой и методологией, откат в новую сословность (происходящее «закрытие» элиты и социальных лифтов) мог стать триггером «городской фронды» и способствовать глубоким изменениям общественных настроений и представлений, теоретически мог бы вызвать новую городскую революцию и радикальную трансформацию общественного сознания. При этом сам мыслитель не верит в то, что XXI век способен принести России новую версию большевизма, на платформе которого сплотилась бы деятельная и честлюбивая контрэлита.

Заявленное Цымбурским понимание природы «левой модернизации» в России, по мнению автора этих строк, выводит нас на более широкий

круг вопросов — о возможности в ней «бюргерской» городской культуры, об истоках ее периодически повторяющихся в истории кризисов, наконец, о том культурном и психологическом типах, которые могли бы стать фундаментом для российской разновидности «прото-бюргерства».

Европейский бюргер — «средний человек в лучшем смысле этого слова» — укоренился в Европе, но пережил куда более сложные приключения (и злключения) в России. Реформы 1990-х, скорее являвшиеся разновидностью «холодной гражданской войны», не привели, тем не менее, к утверждению рационально-индивидуалистического начала в особых российских условиях.

Но возможно ли торжество индивидуализма западного типа (с известными правовыми и культурными ограничениями и регуляторами) в России в принципе?

Так, например, политолог Валерий Соловей полагает русских вполне европейским народом со стремлением к традиционному набору индивидуальных благ и свобод — что принципиально не отличает их от европейцев [2].

С точки зрения бизнесмена Дмитрия Потапенко (являющегося сегодня спикером протестно настроенной части отечественного бизнес-общества), социальное бытие России характеризуется дефицитом «здорового» индивидуализма, надеждой на «сакральную фигуру» во власти, что препятствует обустройству жизни общества на началах самоорганизации и предопределяет необходимость вертикальной организации и «иерархического контроля».

Наконец, ныне покойный исследователь российской культуры (по его собственному определению) А. С. Ахиезер полагает отечественную несостоятельность «бюргерского» социального типа следствием обнаруженной им раздвоенности русской культуры, которая принимает форму т. н. «не-либерального индивидуализма» — готовности и способности к осуществлению индивидуально-частных интересов без одновременного согласия на введение и соблюдение определенных «правил игры» (универсальных регуляторов) [1].

Но является ли соотношение индивидуалистического и коллективистского начал в российской культуре действительно антиномичным? Является ли российская культура действительно расколотой на уровне своих «базовых форм»? По мнению автора, проблема заключается в наличии в современной России особой формы ценностной и идеологической некомплементарности, когда две значительные группы российского социума сосуществуют параллельно, связываясь благодаря «посреднику» в лице государственной власти. На взгляд автора, подобное «смягченное противостояние» между консолидировавшимся в период стабилизации 2000—2010 гг. и ориентированным на либеральную модель «городским средним

классом» (условная «партия интересов») и консервативно настроенными сторонниками «патерналистских практик» во взаимоотношениях с государством (условная «партия ценностей»). По глубокому убеждению автора, подобная социальная некомплементарность («квази-раскол») создает проблемы для нормального функционирования общества и блокирует модернизационную перспективу.

Литература

1. *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. — М.: Новый хронограф, 2008.
2. *Соловей В., Соловей Т.* Чего не хотят русские // <https://volnodum.livejournal.com/432956.html>.
3. *Цымбурский В.* «Городская революция» и будущее идеологий в России // http://www.intelros.org/books/rythm_ros_2.htm.

Е. Н. БРАТИЩЕВА
Россия, Москва,
МГТУ им. Н. Э. Баумана,
аспирант,
el.bratischeva@yandex.ru

ОБ ОДНОЙ НЕОДНОЗНАЧНОЙ ФУНКЦИИ ЗОЛОТОВАЛЮТНЫХ РЕЗЕРВОВ¹

Традиционное восприятие функций золотовалютных резервов (ЗВР) в виде подушки безопасности в отношении валютно-финансового кризиса необходимо расширить как на область кредитования отечественной экономики в виде альтернативы вложения финансовых средств в эти резервы, так и на инвестиционную область, когда собственно активы в составе резервов вкладываются в зарубежные ценные бумаги. Что касается функции безопасности, то на сегодня именно ее имел в виду В. В. Путин, когда говорил в феврале 2019 г. в своем ежегодном послании Федеральному Собранию: «У нас мощная финансовая подушка безопасности.... Впервые в истории наши резервы полностью покрывают внешний долг ... как государственного, так и коммерческого сектора» [4]. И если рассматривать только указанную функцию в отношении ЗВР, то вполне логично ставить вопрос о *достаточности* ЗВР. Но как только в рассмотрение дополнительно включаются две другие функции — функция кредитования и инвестиционная функция, то вопрос следует ставить уже об *оптимальности* тех самых ЗВР, поскольку противоречивые по своей сути критерии успешности реализации каждой из этих трех функций не могут быть свернуты в единый критерий. Здесь многокритериальная оптимизация, в частности, возможна на основе портфельного подхода [1]. В отношении функции кредитования вопросов также обычно не бывает, поскольку постоянно обсуждается проблема альтернативы — вкладывать финансовые активы в ЗВР либо в отечественную экономику. А вот функция инвестиционная обычно не рассматривается, поскольку вложение отечественных активов в зарубежные ценные бумаги всегда рассматривалось как явное зло для всей российской экономики. Но так ли это? Ведь известно, что «Китай

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Теоретико-методологические основы формирования стратегии инклюзивного развития экономики России» № 17-02-00040 «а».

фактически обменял свой краткосрочный государственный капитал (валютные резервы) на прямые иностранные инвестиции (их накопленная сумма превышала на 2016 г. 1,2 трлн. долл.), вместе с которыми в страну пришли новые технологии и управленческий опыт» [5]. А это не что иное, как эффективность китайских ЗВР. Что же касается в подобном отношении России, то вкладывая как в чисто валюту, так и в казначейские обязательства США и ценные бумаги других развитых стран, наша страна дает возможность этим странам расширить свой спрос, в частности, на наши сырьевые ресурсы, к нашей же явной выгоде.

Резонны опасения — как бы такие наши резервы не были заморожены на фоне активных антироссийских санкций со стороны США, что казалось бы резко повышает рискованность таких зарубежных инвестиций. Но ответ здесь прост — наша страна в случае таких форс-мажорных ситуаций может вполне адекватно ответить заморозкой всех западных инвестиций, которые в текущих ценах составляют более 1 трлн. долларов [3]. Поэтому риски инвестиционной функции отечественных ЗВР не велики, а прибыль — большая, и в первую очередь это повышение активности нашей экономики. Другими словами вложения в ЗВР являются эквивалентом политики стимулирования инвестиций и экспортоориентированного роста. В этом ключе введение в отечественную государственную практику криптовалюты, основным якобы достоинством которой могла бы быть независимость российской кредитно-денежной системы от того же доллара [2], является не совсем логичным и вряд ли оправданным.

Литература

1. *Братищева Е. Н.* Нелинейный портфель как инструмент антикризисного управления в отношении кредитора последней инстанции // «Философия хозяйства». 2017. № 4 (112). С. 238—253.
2. *Глазьев С. Ю., Глазьев Р. С.* Криптовалюты как новый тип денег // Вопросы новой экономики. 2019. № 1 (49). С. 4—17.
3. *Катасонов В.* Наши резервы пора спасать // Советская Россия. 15.08.2017 г. № 2 (14475). С. 3.
4. *Михалева Н.* У России впервые оказалось достаточно денег, чтобы рассчитаться с внешними долгами [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052373117.htm> (дата обращения: 20.02.2019).
5. *Попов В.* Глобальные дисбалансы — нетрадиционная трактовка // Вопросы экономики. 2013. № 1. С. 69—80.

О. В. ЕВГРАФОВА
Россия, Ростов-на-Дону
Ростовский филиал ГКОУВО
«Российская таможенная академия», доцент,
кандидат философских наук, доцент
dia7@bk.ru

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА ДЛЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПАРАДИГМЕ ПЕРЕМЕН

В 90-е гг. прошлого века, после успеха очередной попытки России, говоря словами Достоевского, «переменить свою участь», радостно отзываясь на сладостные позывы стать «цивилизованной» страной «мирового сообщества», вкушать запретные ранее «общечеловеческие ценности», в около научной публицистике отмечался всплеск публикаций по поводу места новой России в глобализованном мире, особенностей ее культуры (в сравнении с «западной»), взаимоотношений с Западом как цивилизацией, судьбы пресловутого «особого пути» России, «национальной идеи», и т.п. В этих обсуждениях были широко востребованы идеи русских мыслителей и философов конца XIX — начала XX вв. — Данилевского, Тютчева, Толстого, Достоевского, Лосского, Карсавина, Бердяева, Федотова и др., которые активно обсуждали названные проблемы в связи со вступлением России в эпоху своей «капитализации».

Повторное вхождение в эту «реку» вновь актуализировало «вечные» российские проблемы, но в веке XX их обсуждение быстро сошло на нет. И вызвано это, полагаю, не их решением, достижением осмысления искомой культурно-цивилизационной идентичности, адекватной современным реалиям, а, по сути, капитуляцией перед их сложностью; лишь РПЦ продолжала заниматься этой проблематикой — Всемирный русский народный собор 2013 г. был посвящен рассмотрению России как страны-цивилизации, а тема Собора 2016 — «Россия и Запад-диалог народов поисках ответов на цивилизационные вызовы». Но ни широкого общественного резонанса, ни, тем более, перевода всех этих многолетних (и даже многовековых) рассуждений в практику государственного, общественного строительства они не получили; более того, складывается впечат-

ление, что власти тематика конструирования модели развития России (и прежде всего — ее экономики) не интересна вообще; она занимается исключительно тактическими, частными вопросами, не требующими именно «ударных» перемен.

Но жизнь показывает, что без «общей» определенности в характере таких перемен нельзя формировать «особенное» будущее страны, сейчас наступает время третьей, решающей попытки определиться с судьбой России: сон «рассеянного» в «отцепленном вагоне», или его имитационное раскачивание становится опасным в условиях нарождающегося очередного «предела мира». Кто мы? Зачем мы? Как нам жить? К чему стремиться? Без ответа на эти стратегические вопросы нельзя успешно решать вопросы тактические, в частности и прежде всего — экономической модернизации: какова должна быть ее модель, если классическая западная у нас не дала (наивно) ожидаемых результатов? Полагаю — в обосновании перемен необходимо вновь обратиться к потенциалу *«философии хозяйства»* как метафизики трансформации «экономики» в гуманистическое «хозяйствование», субъектом-фактором которого является Личность, а не пресловутый «homo economicus» [1]. Философия хозяйства дает теоретикомировоззренческие основы для формирования идеологии модернизации экономики на основе парадигмы «хозяйствования»: постиндустриальная экономика обнаруживает гуманистическую интенцию, призвание не просто удовлетворять материальные потребности человека, но быть основой такой общественной жизни, когда он является не средством получения прибыли, а целью всей экономической жизни, личностной самореализации. В частности, «осиповская» философия хозяйства может давать мировоззренческие рекомендации по *гуманизации* экономической теории и практики [2]. Это, прежде всего, возможно по проблематике «человеческого капитала», «человеческого фактора», экономической культуры.

Литература

1. Королев, В. К. Социально-экономический кризис и модернизационный «ренессанс» «философии хозяйства» / В. К. Королев // Философия хозяйства. 2011. №3. С. 54-63.
2. Осипов, Ю. М. Курс философии хозяйства / Ю. М. Осипов; Экономист. М.: Экономист, 2005. 320 с.

*П. П. ЖУЛИКОВ
Россия, Чехов, МО
профессор, к.т.н., доцент
peter-julikov@yandex.ru*

*О. В. ЖУЛИКОВА
Россия, Чехов, МО
заместитель директора по УР МБОУ СШ №10 г.Чехова, к.э.н.
peter-julikov@yandex.ru*

ИЗМЕНЯЮЩАЯСЯ ЭКОНОМИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Представление экономистов об экономике поменялось несколько раз за последнее столетие, наивное представление экономики и политики вытеснилось жестким и прагматичным современным экономизмом. Мировая экономика как капиталистический способ организации хозяйства централизуется, оцифровывается, становится интернациональной и полигональной. И в значительной степени происходит это с одновременной деформацией представления об основных факторах производства. Традиционно представления Земля, Труд, Капитал рассматривались как основополагающие факторы производства именно в этой последовательности. Земля первична как фактор производства потому, что она природна, и все, что есть на земле, стало основой развития человека, тоже творения природного, получившего способность сознательно трудиться, преобразовывать природу — Землю под нужды своего развития, существования. Труд как фактор производства стал производной функцией от фактора Земля и основой для появления не сразу потребленного продукта, который накапливаясь превращался в Капитал. На ранних стадиях развития общества первичный капитал был коллективной собственностью и не являлся фактором производства и инструментом эксплуатации человека человеком. Однако в ходе развития общества коллективная собственность, коллективный капитал стал приватизироваться и приобретать качества инструмента управления производством и потреблением. Капитал из производной труда и второй производной от земли стал основной движущей силой развития современного общества. Капитал перестал быть национальным и региональным и стал интернациональным и полигональным (ИПК), стал формировать мировое экономическое хозяйство.

Капитал субъективизировался, создал дискретную экономику во времени, пространстве и в сознании людей. Национальные хозяйства превратились в дискретные экономические зоны с населением разного уровня потребления продукта, который создается под управлением капитала. Сегодня только капитал определяет, что производить, как производить, для кого производить, и регулирует потребление всех благ. Выстроилась уникальная система мирового экономического хозяйства, в которой национальные экономики стали географическими дискретными единицами, связанными цифровыми технологиями в единую сеть ИПК, управляющую мировой экономикой через регулируемое потребление всех благ. Современная Россия стала практически неотъемлемой частью этой системы.

Практически все национальные экономики стали ячейками системы в сети ИПК с перспективой полной потери суверенитета, и Россия, как и другие страны, теряет свою аутентичность. Разговоры о многополярных экономических конструкциях — это самоутешение для политиков или уловки интернационального-полигонального капитала, укрепляющего свое влияние в мировом пространстве.

Современные капиталисты — это фактически номинированные владельцы доминирующего мирового капитала с космополитическими взглядами, стоят над национальными интересами, но фактически являются адептами ИПК.

Такая системная конструкция выстроилась на основании четырехфакторной модели основных факторов производства. Когда к модели «Земля—Труд—Капитал» добавляется фактор «Предпринимательство» происходит деформация ценообразования произведенного продукта. Четвертый фактор — предпринимательство внедряется в хорошо просчитываемую трехфакторную модель и делает ценообразование совершенно неконтролируемым. Неконтролируемость обуславливается тем, что предприниматель в крупных экономических структурах фактически сам является владельцем капитала и сам устанавливает стоимость своих услуг, и контролировать его практически невозможно. В качестве иллюстрации можно привести только один пример: Россия в 2018 г. продала углеводородного сырья более чем на 20 триллионов рублей, а в бюджет поступило около 8 триллионов.

Есть о чем задуматься!

*С. В. КАЙМАНАКОВ
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова, доцент,
к.э.н., доцент,
svfgp@mail.ru*

СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Среди большого количества концепций, стратегий, доктрин, касающихся будущего экономики России и принятых за несколько последних лет, выделяется указ президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.» (май 2018 г.) [1]. Его вполне обосновано можно назвать среднесрочной стратегией развития нашей страны на шесть лет. Отрадно, что среди девяти целей, достижения которых необходимо добиться к концу этой шестилетки, пять напрямую связаны с решением социальных проблем современной России. Эти пять целей следующие: обеспечение устойчивого естественного роста численности населения РФ; повышение ожидаемой продолжительности жизни; обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; снижение уровня бедности и улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно [1].

В указанной шестилетке предусмотрено выполнение двенадцати национальных проектов. Опять же половина из них имеет прямую социальную направленность, а другая половина также связана с решением конкретных социально-экономических проблем. Проект федерального бюджета РФ на 2020 г. и на плановый период 2021—2022 гг. построен по программному принципу, все национальные проекты получили сбалансированное финансовое обеспечение [2].

С точки зрения оценки социально-демографической безопасности, которая производится путем сравнения фактических значений критерияльных показателей, которых запланировано достичь к концу действия шестилетней стратегии, и пороговых значений безопасности картина складывается достаточно противоречивая. Скажем, ожидаемая продолжительность жизни при рождении достигнет в 2024 г. 78 лет при пороговом значении 77 лет, т.е. этот показатель попадет в безопасную зону. А целе-

вой показатель суммарного коэффициента рождаемости будет 1,7 при пороговом значении 2,2, т.е. он останется в опасной зоне. Если поставлена задача снижения в два раза уровня бедности, а доля населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума в 2017 г. составила 13,2 %, т.е. получается 6,6%, но это все равно хуже, чем пороговое значение в 6%. Наши расчеты показывают, что к концу 2022 г. недофинансирование здравоохранения, образования, экологии, культуры и науки сохранится, в любом случае планируемые показатели доли этих социальных отраслей в ВВП останутся в опасной зоне.

Для России, которая располагает самой большой территорией в мире, характерно огромное несоответствие между численностью населения и размером этой территории, окруженной странами с большей плотностью населения, обладающими значительными экономическими и военными потенциалами. Скажем, плотность населения в Японии (чел. на кв. км) — 337, ФРГ — 231, КНР — 137, даже в Украине — 77, во всем мире 40, а в России — только 8,6. Поэтому угроза, связанная с низкой плотностью населения и неравномерностью его распределения по территории, останется в РФ актуальной еще долгое время. Вторая не менее существенная угроза — социальное и региональное расслоение. По данным Росстата в 1992 г. коэффициент фондов составлял 8,0, а в 2018 г. достиг 15,5 при пороговом значении 7. Оценка Credit Suisse (2019 г.): на долю 10% самых богатых людей приходится 83% всего личного благосостояния в России. Причем этот показатель выше, чем в США (76%), и в Китае (60%). В стране насчитывается 110 миллиардеров и около 250 тыс. миллионеров при очень скромном уровне благосостояния на душу взрослого населения [3]. Как эффективно решать эти насущные проблемы социальной, а на самом деле национальной безопасности в целом из текста майского указа (2018 г.) и сопутствующих документов не совсем ясно. А ведь от этого зависит выживаемость нашей самобытной цивилизации в условиях нарастания внешних и внутренних угроз.

И последнее замечание. В мае 2012 г. была принята целая серия указов президента РФ в т.ч. социальной направленности сроком действия до 2018—2020 гг. Все они были провалены. Деньги бюджета (налогоплательщиков) распилены, конечные цели не достигнуты. Никто не понес наказания. Уровень исполнительской дисциплины и ответственности нулевой. Отсюда вопрос — где гарантия, что в этот раз социальная ориентация российской экономики будет реально обеспечена?

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации

- на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027/page/1> (дата обращения: 26.10.2019).
2. Проект Федерального закона «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/59298.html/> (дата обращения: 26.10.2019).
 3. The Global wealth report 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (дата обращения: 26.10.2019).

В. К. КОРОЛЕВ
Россия, Ростов-на-Дону
Южный федеральный университет, профессор
доктор философских наук, профессор
vkorolev@sfedu.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕЗЕНТАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «КАПИТАЛА» В ПРОБЛЕМАТИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Наличное состояние постсоветского общества, необходимость перемен в социально-экономической сфере его жизни актуализируют классическую проблему бытия и развития экономики: с одной стороны, в ней действуют «объективные» законы (типа «спроса и предложения») капитализма (как «материального тела», представленного организациями, институтами, учреждениями, техникой, бухгалтерией и др.), а с другой — экономика является собой субъективно «заряженную» деятельность Человека, который может волевым образом одни экономические законы заменить другими (здесь показателен переход России в XX в. от капитализма к социализму и обратно, с директивно-волюнтаристской отменой и возрождением соответствующих «законов»).

Поэтому решение проблем изменений в отечественной экономике и ее социуме не могут ограничиваться надеждами на «невидимую руку» рынка, мерами технологического и организационного характера, корректирующими его «объективные» законы — необходима и модернизация субъективного фактора экономики, традиционно называемого «человеческим капиталом». В его современном понимании очевидны, по крайней мере, два главных обстоятельства. Во-первых, необходимость перехода от *ресурсной* (здоровье «трудящихся», их образовательный уровень, профессиональная подготовка, и др.) трактовки человеческого капитала, доминирующей в соответствующей литературе, к трактовке *социо-гуманитарной*, учитывающей экономическую релевантность общекультурных обстоятельств бытия человека как личностного фактора постиндустриальной экономики (а не пресловутого «homo economicus») [1]. Во-вторых, эта трансформация представляет собой переход от «формы превращенной»

в трактовке (капиталистического) человека (Маркс) — к форме «содержательной», таковой, полагаю, является «*экономическая культура*» — доминирующий в обществе характер осмысления, восприятия человеком экономической деятельности, представленный ее целями и системой ценностных координат [2].

Представляется недостаточной «западная» трактовка экономической культуры как культуры организационной (правила работы фирмы, поведения ее служащих). В отечественной литературе это понятие имеет много определений, подходов [3]. С учетом общекультурных форм ориентации экономической деятельности — социально- психологических, культурологических, ментальных и аксиологических — представляется перспективной предлагаемая Евграфовой О. В. и Королевым В. К. трактовка экономической культуры в координатах *концептуального, феноменологического и психоаналитических* подходов. Такая трактовка адекватна релевантности социальных (политических и собственно экономических) и гуманитарных факторов формирования личности постиндустриального экономического человека, позволяет сгруппировать все многообразие феноменов его экономической культуры по четырем базисным концептам: отношение к труду, (частной) собственности, богатству и потреблению.

На этой теоретико-методологической основе возможно построение (формализованной) системы характеристик экономической культуры, ее фиксируемых показателей, мониторинга наличного состояния, программы модернизации ее отечественных особенностей, что позволяет практически, по конкретным направлениям вести работу по качественной трансформации этой культуры как субъективного фактора решения «ударной» задачи — социально-экономической модернизации России, а это имеет фундаментальное значение для изменения «координат» ее бытия, участи в современном мире.

Литература

1. *Евграфова О. В.* Человеческий капитал и экономическая культура: проблемы модернизации: монография. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского филиала Российской таможенной академии, 2014 263 с.
2. *Королев В. К., Евграфова О. В.* Экономическая культура как «форма содержательная» трансформации понятия «человеческий капитал» / В. К. Королев, О. В. Евграфова // Известия вузов. Северо - Кавказский регион. Общественные науки. 2015. №1. С. 12-17.
3. *Панферов К. Н.* Экономика и культура / К. Н. Панферов. Рузаки. М.: Рузаки, 2009. 727 с.

М. В. ЛАБУСОВ
Россия, Москва
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»
Аспирант
maximlabusov@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВЫСОКОЧАСТОТНЫХ ФИНАНСОВЫХ ВРЕМЕННЫХ РЯДОВ

Увеличение интереса к исследованию высокочастотных временных рядов связано с тем, что именно такой вид временных рядов является базой для совершения сделок в области алгоритмической торговли. Особо широкое распространение алгоритмическая торговля получила в XXI в. При этом темпы роста числа алгоритмических сделок продолжают увеличиваться.

Расширение масштабов исследования высокочастотных финансовых временных рядов дало импульс развитию инструментария для их изучения. Подобным инструментарием являются эконометрические модели. Существует несколько групп эконометрических моделей, применяемых для анализа высокочастотных финансовых временных рядов.

Первой группой моделей, используемых для исследования высокочастотных финансовых данных, являются стандартные модели временных рядов. К ним относят модели среднего значения и модели волатильности. Модели среднего значения включают в себя модели авторегрессии (AR-модели), модели скользящего среднего (MA-модели) и их комбинации — модели авторегрессии и скользящего среднего (ARMA-модели). Самой первой моделью волатильности стала ARCH — модель, предложенная Р. Энглom в 1982 г. [5]. В 1986 г. Т. Боллерслев на основе этой модели предложил GARCH (p;q) — модель для квадрата волатильности [4]. Комбинация моделей ARMA-GARCH сегодня является одной из самых распространенных связок в моделировании финансовых временных рядов. С течением времени появились более сложные варианты модели GARCH, учитывающие такие эмпирические особенности, как «эффект леввериджа» (GJR-GARCH-модель), положительную связь доходности и риска (модель ARCH для среднего) и т.д.

Следующую группу представляют модели, основанные на технологиях искусственного интеллекта. Здесь речь идет о нейронных сетях и моделях машинного обучения. На текущем этапе, характеризующимся развитием вычислительной техники, увеличением объёма её памяти и ростом производительности, такие модели всё чаще используются в эконометрическом моделировании. Практика изучения высокочастотных финансовых временных рядов с использованием аппарата нейронных сетей описана достаточно подробно. Примером этого является работа Трана и др. «Temporal attention-augmented bilinear network for financial time-series data analysis», в которой авторы используют двулиннейную нейронную сеть прямого распространения для изучения высокочастотных данных, представленных биржевыми лимитными заявками.

В отдельную группу моделей анализа высокочастотных финансовых временных рядов можно выделить модели на основе дифференциальных уравнений. Одной из наиболее распространённых моделей на основе дифференциальных уравнений, используемых для описания финансовых временных рядов, является модель Гестона. Спецификация и практика применения этой модели описана в работе Г. Бухбиндера и К. Чистилина «Применение модели Гестона для описания российского рынка ценных бумаг», а также Микланда и Жанга «The double gaussian approximation for high frequency data».

Таким образом, существует несколько групп моделей, используемых для анализа и прогнозирования высокочастотных финансовых временных рядов. Стандартные модели временных рядов недостаточно хорошо справляются с моделированием данных в периоды особенно высокой волатильности, а также резкой смены тренда в динамике среднего значения ряда. Модели на основе технологий искусственного интеллекта успешно справляются с недостатками, присущими традиционным моделям. В ближайшем будущем они будут усложняться и, вероятно, обойдут модели временных рядов по масштабам использования. Потенциальными вариантами такого усложнения может быть включение в модели алгоритмов фильтрации данных, вейвлетов и т.д.

Литература

1. Бухбиндер Г., Чистилин К. Применение модели Гестона для описания российского рынка ценных бумаг // Вестник Омского университета. — 2005, №2. С. 18—20.
2. Пырлик В. Н. Моделирование длительности в анализе высокочастотных финансовых временных рядов // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. — 2007. т.7, вып. 3. С. 122 — 137.
3. Bollerslev T. Generalized autoregressive conditional heteroscedasticity / T. Bollerslev // Journal of Econometrics. — 1986, №31 (3). p. 307—327 [Элек-

- тронный ресурс]. URL: [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(86\)90063-1](https://doi.org/10.1016/0304-4076(86)90063-1) (дата обращения 25.04.2019).
4. *Engle R. F.* Autoregressive conditional heteroscedasticity with estimates of the variance of United Kingdom inflation // *Econometrica*. — 1982, №50 (4). p. 987—1008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/1912773> (дата обращения: 24.05.2019).
 5. *Mykland P., Zhang L.* The double gaussian approximation for high frequency data // *Scandinavian Journal of Statistics*. — 2011. №38. p. 215—236.
 6. *Tran D., Iosifidis A., Kannianen J., Gabbouj M.* Temporal attention-augmented bilinear network for financial time-series data analysis // *IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems*. — 2019. vol. 30, №5. p. 1407—1418 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1109/TNNLS.2018.2869225> (дата обращения 14.08.2019).

*М. И. ЛУТАЧЕВ
Россия, Москва,
МГУ, профессор, д.э.н.
mil@econ.msu.ru*

БЛЕСК И НИЩЕТА ОТ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Цифровые технологии достигли высочайшего уровня. Быстродействие, возможность хранения неограниченных объемов данных, алгоритмы обработки — все существующие ресурсы, подготовленные за последние более чем полвека инженерами и математиками, пошли в дело. Решение нашли ранее считавшиеся нерешаемые задачи, появились новые, неожиданные для традиционного восприятия модели бизнеса, дающие феноменальные результаты народнохозяйственного и социального значения. В мире царит восторг от технологических достижений — искусственного интеллекта, больших данных, облачных вычислений, а правительства крупных экономических держав объявляют национальные программы освоения новых возможностей.

В докладе мы обратим внимание на то, что:

1. Возможности цифровых технологий не безграничны.
2. Успешное применение цифровых технологий открывает не только новые горизонты, но и создает уникальные социально-экономические ситуации, имеющие неясные, а порой — негативные последствия.

1. Среди задач, считавшихся ранее неразрешимыми за приемлемое время, находятся разнообразные комбинаторные задачи, наиболее понятными среди которых являются шахматы. Победу компьютерной программы над профессиональным шахматистом даже среднего уровня считали невозможной, поскольку число возможных вариантов игры, необходимых для анализа компьютером, приближалось к «числу атомов во вселенной». Современные технологии позволили найти решение. Компьютерная программа компании IBM — Deep Blue в 1997 г. выиграла матч у чемпиона мира Гарри Каспарова. Позднее, в марте 2016 г. программа компании Google DeepMind — AlphaGo победила чемпиона мира по игре Го Ли Седоля.

В 2017 г. DeepMind представила новую версию — Alpha Zero, которая использовала принципиально новые алгоритмы искусственного интел-

лекта на основе глубокого обучения. Эта программа уже не играла с чемпионами — людьми. За очень короткий срок она победила все существующие программы, побеждавшие живых чемпионов и программы, получившие титулы уже компьютерных чемпионов по шахматам, го, сёги (японские шахматы) [1]. Казалось, что сложных комбинаторных задач для искусственного интеллекта больше не существует,

Однако, класс задач, точное решение которых возможно только полным перебором всех возможных вариантов, включает, помимо игровых примеров, задачи, имеющие понятное экономическое звучание, например, задачи маршрутизации и составления расписаний. Была надежда, что мощные и разнообразные алгоритмы глубокого обучения без труда справятся с этими задачами. Тем не менее, таких инструментов пока не появилось в арсенале информационного обеспечения вузов, и задача составления расписания по-прежнему остается уделом тяжелого труда администрации. В подобном же состоянии и проблема составления оптимальных маршрутов. В чем же дело?

Есть принципиальная разница в исходных данных. Если в шахматах ход e2—e4 однозначно определен и не имеет толкований, то при составлении маршрута определение только расстояния между пунктами следования является недостаточным для выработки решения. Необходимо добавить сведения о разрешенной нагрузке на покрытие дороги, интенсивность движения, разрешение на движение разных видов транспорта, ограничение по времени суток и т.д. Для составления расписания легко вспомнить, как много факторов надо учесть при назначении в данную аудиторию конкретного преподавателя с его оригинальным курсом (лекций или семинаров), в конкретный день на определенную пару. Если к этому добавить еще неминуемый человеческий фактор — преподавателя, администратора или студентов, то задача становится еще более запутанной. Именно запутанной, а не просто сложной, потому что здесь появляются элементы неопределенности. Пока искомое решение таких практических задач в арсенале цифровых технологий отсутствует, но время работает на инновации, и оно будет найдено.

Можно отметить другие области деятельности, в которых возможности искусственного интеллекта считаются весьма ограниченными. Прежде всего, это творчество — живопись, музыка, художественная литература (создание и перевод на иностранные языки). Можно привести примеры попыток решения таких задач, однако, скорее всего убедительных результатов в обозримом будущем здесь не будет. Есть еще примеры, где искусственный интеллект принципиально не в состоянии давать удовлетворительные ответы. Один из них — предсказание погоды на длительный период: природа перемещения воздушных масс не описана и не позволяет предсказывать их состояние с большой заблаговременностью. Другой

пример — предсказание поведения больших групп людей для оценки, например, результатов голосования. Именно исходная непредсказуемость является основой объективного демократического выбора в политике.

2. Внимательное наблюдение за происходящими в экономике изменениями дает основание ведущим мировым ученым сформулировать предостережения бездумному следованию сформировавшимся трендам глобального развития.

Радикально выражает свое видение ситуации профессор Масачусетского технологического института Эрик Бринолфссон: «Мы летим вслепую в этот драматический набор экономических изменений» (We're flying blind into this dramatic set of economic changes) [2]. Далее, в отчете группы ученых, руководителем которой он являлся, содержится призыв «к более тщательному изучению экономических и социальных последствий цифровой революции и активизации усилий по разработке долгосрочных решений, выходящих за рамки современного мышления».

Джозеф Стиглиц, нобелевский лауреат 2001 г., в британской газете «Гардиан», 8.09.2018 отмечает: «Искусственный интеллект и робототехника имеют потенциал для повышения производительности экономики и, в принципе, могут сделать всех лучше. Но только если они хорошо управляются. Но то, что у нас сейчас, совершенно неадекватно!» Он добавляет, что необходима новая политика, чтобы обуздать монопольные полномочия и перераспределить огромное богатство, которое сосредоточено в крупнейших информационных компаниях. Когда у вас так много богатства, сосредоточенного в руках относительно немногих, у вас более неравное общество, и это плохо для нашей демократии», — говорит Стиглиц. Одних налогов недостаточно. Следует вести речь о трудовых договорах, правах интеллектуальной собственности, пересмотре и обеспечении соблюдения законов о конкуренции, законов о корпоративном управлении и о том, как функционирует финансовая система. «Это гораздо более широкая повестка дня, чем просто перераспределение».

Российская экономика безусловно нуждается в подобных изменениях.

Литература

1. *Silver, David & et al.* (5 December 2017), Mastering Chess and Shogi by Self-Play with a General Reinforcement Learning Algorithm // ArXiv:1712.01815 [cs.AI.
2. Track how technology is transforming work / Tom Mitchell& Erik Brynjolfsson. // Nature 544, 290–292 (20 April 2017).
3. Where Are We and Where Do We Go from Here? // Information Technology and the U. S. Workforce (2017).

*С. С. МЕРЗЛЯКОВ
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова
экономический факультет,
н.с., к.филос.н.,
merzliakovs@gmail.com*

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ: ИНСТИТУТЫ, ЦЕННОСТИ И ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ РАЗРЕШЕНИЕ

Способствовать модернизации общества могут: идея модернизации института, исследование культурных специфик агентов позитивного влияния и расширение пространство возможного

1. Идея модернизации института.

Одним из возможных негативных результатов следования модели догоняющего развития является наполнение системы симулятивными конструктами. Процесс переноса институтов не всегда приводит к положительным результатам в силу того, что институты могут либо не приживаться на новой почве, либо приживаться медленно. Если институт не приживается, то он может стать симулятивным конструктом, который лишь внешними атрибутами напоминает изначальный образец. В этом случае он будет тратить ресурсы на поддержание своего существования, однако ожидаемого позитивного эффекта не принесет. Симулятивными конструктами могут являться любые институты, в том числе и институты науки и культуры. В этом случае выходом является «институциональная ревизия», которая несмотря на то, что является болезненным процессом, поскольку затрагивает интересы большого количества людей, оказывает в целом позитивный эффект на систему. Если же институт приживается медленно, то есть опасность того, что он не будет соответствовать времени: когда он приживется на новой почве, то его изначальный вариант трансформируется в нечто иное — более соответствующее актуальной реальности. Лекарством может стать идея заложенной в институт модернизации. Нельзя просто переносить институты, потому что подобный перенос поощряет и закрепляет модель догоняющего развития. Переносимые институты устаревают уже в момент переноса. Поэтому любой институт нуждается не только в образце в виде изначального института, но в потен-

циале изменения. Это касается политических институтов, экономических институтов, культурных институтов, научных институтов и др. Институты нельзя просто переносить — их можно и нужно модернизировать. Иначе из инструмента модернизации они могут превратиться в ее тормоз.

2. Исследование культурных специфик агентов позитивного влияния.

Культура оказывает влияние на экономическое развитие. Ценности и модели поведения являются если не определяющим фактором экономической эффективности общества, то одним из наиболее важных элементов хозяйственного развития. Ценности могут быть драйвером развития, а могут быть его тормозом, поэтому одной из задач является исследование влияния национальных культурных особенностей на экономическое поведение. Одним из векторов исследования является изучение моделей поведения потенциальных агентов позитивных изменений. Такими потенциальными агентами являются российские специалисты в области цифровых технологий. Значение этой социальной группы определяется их эффективностью, в том числе на международном рынке труда, т.е. они являются специфическим российским конкурентным преимуществом, а также тем, что они находятся в авангарде инновационного процесса. Это означает, что исследование ценностей, распространенных в данном профессиональном сообществе, может быть полезным с точки зрения определения ценностных оснований российской модернизации.

3. Расширение пространства возможного

Одним из способов распространения капитала является его территориальное расширение: захватываются новые рынки сбыта. Другим вариантом является инновационное развитие — постоянное создание нового продукта. Еще одним вариантом является расширение пространства возможного применения капитала. Чем больше можно — тем больше создается нового. Вместо вектора на ограничение можно выбрать вектор на опережающее разрешение — если разрешить то, что пока запрещено в других обществах, то можно получить потенциально крайне эффективный инструмент развития.

Г. В. МИХАЙЛОВА
Россия, г. Ставрополь,
Северо-Кавказский федеральный университет
доцент кафедры экономической безопасности, учета и аудита,
к.э.н., доцент,
mih-sgu@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Экономическое образование конкретной страны зависит от многих предпосылок, но чаще всего выделяют культурные, политические, этнонациональные причины. В первую очередь стоит отметить, что у истоков зарождения экономического образования (конец XVIII — начало XIX вв.), а тогда оно называлось коммерческим, стоял частный капитал, но поддержка государства все равно оказывалась. Это было повсеместное явление, в европейских странах наблюдалось то же самое — государство несло на себе ответственность за общее образование «народное просвещение», а коммерческое образование либо полностью было частной инициативой, либо софинансировалось государством.

Казалось бы, именно российское купечество заинтересованно в подготовке кадров для коммерческой деятельности, и логично предположить, что основная масса обучающихся должна принадлежать к купеческому сословию, однако статистика коммерческого образования этот вывод опровергает. В среднем, в зависимости от типа учебного заведения (курсы коммерческих знаний, торговые классы, торговые школы, коммерческие училища), этот процент составлял от 2,9% до 23,5%. (например, уч. год 1908—1909) [2, с. 21-26]. Для представителей других сословий — мещане, крестьяне — получение коммерческого образования было шансом повысить свой социальный статус. Дворянство решало другую проблему, связанную с необходимостью трансформировать свое сословие в новые социально-экономические реалии и тем самым обеспечить, с их точки зрения, наиболее эффективный способ управления, когда собственник и менеджер выступают в одном лице.

Наибольшая концентрация коммерческих учебных заведений в Москве, Санкт-Петербурге, если брать юг России то это в Ростове-на Дону,

Екатеринодаре (Краснодар), Таганроге, Харькове. Совсем по-другому обстояло дело с коммерческим образованием на Северном Кавказе. Специфика этого региона — этнонациональный состав, его позднее присоединение к Российской империи, которое, однако, многократно подвергалось сомнению националистических элит. Кроме того, следует иметь ввиду существенно более низкий уровень социально-экономического развития данного региона, сохранение не только феодальных, но даже первобытно-родовых отношений. Важнейшая губерния региона, Ставропольская, никогда исторически не принадлежала к казачеству, находясь в окружении Терского, Кубанского, Донского войска, и изначально находилась под прямым административным управлением имперского центра. Ставрополье было единственным регионом юга России, где было помещичье землевладение и крепостное право. В таких условиях образование долгое время носило лишь начальный характер. Эта тенденция продолжала сохраняться до второй половины XIX в. Из профессиональных училищ на Кавказе существовали только два ремесленных: Владикавказское и Ставропольское [1, с.33].

Но, тем не менее, это имело и определенные плюсы, и прежде всего, в части вовлечения национальных элит Северного Кавказа в общую политическую орбиту российской державы. Историческая привязанность кавказских национальностей к своей территории не позволяла большинству детей даже из обеспеченных слоев населения проходить обучение вдали от своих родных мест, и в этом отношении Ставропольский край являлся и продолжает являться притягательным местом получения достойного образования.

После революции, исходя из региональной специализации края, а также необходимости решения общеполитической задачи по всеобщему повышению образовательного уровня советских людей, были сформированы два первых и на долгие годы главных вуза Ставрополья — сельскохозяйственный и педагогический институты. Высшее экономическое образование появляется в крае лишь в 1961 г., когда открылся филиал Белгородского института потребкооперации, а в сельскохозяйственном институте началась подготовка агроном-экономистов.

Интерес к экономическим специальностям повсеместно резко возрос с началом рыночных реформ. В итоге к 2000 г. доля студентов, получающих экономическое образование, приблизилась к 40—50% от общего числа обучающихся, но тем не менее, экономическое образование продолжало носить ярко выраженный отраслевой и прикладной характер.

Трансформация, затронувшая систему высшего российского образования, в т.ч. экономического, привела к резкому сокращению вузов региона, готовящих экономистов, с концентрацией их обучения в нескольких ведущих образовательных центрах региона. Здесь мы считаем необходимым

отметить, что, несмотря на достаточно большие усилия по возрождению и популяризации инженерного образования, никакого более-менее существенного продвижения в этой сфере не произошло, и главной причиной является продолжающаяся стагнация реального сектора экономики.

С этих позиций необходимо подчеркнуть важность сохранения эволюционного пути регионального образования, учитывающего традиции, ориентацию на территориальные нужды и менталитет местного населения, а также бережного отношения к немногочисленной прослойке научно-педагогической интеллигенции.

Литература

1. *Ибрагимова З. Х. Кавказцы*. М.: Пробел—2000, 2010. 356с.
2. *Кечеджи-Шаповалов М. В.* Коммерческое образование, его значение, задачи, методы и организация (в России и за границей): Статьи. Доклады. Речи: 1902—1911 гг. Санкт-Петербург : Улей, 1911. 318 с.
3. *Медведев М. Ю., Назаров Д. В.* История русской бухгалтерии: 1246—1996г. М.: Бухгалтерский учет, 2007. 436с. [Электронный ресурс]. URL: http://accountology.ucoz.ru/index/normativnye_akty_za_1896_god/0-1830 (дата обращения: 26.10.2019).

*Н. П. НЕДЗВЕЦКАЯ,
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова
экономический факультет,
К.Э.Н.,*

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ДИДЖИТАЛЬНОГО РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Стремительно меняющаяся в наши дни цифровая стадия научно-технического прогресса безусловно открывает необозримые перспективы развития российского социума. На фоне широкомасштабного внедрения информационно-коммуникационных технологий формируются совершенно новые требования к индивидууму, как в образовательном плане, так и в профессиональном контексте. Что касается системы школьного и студенческого образования, то в последние годы США, Европа, Китай, Индия, Япония, учитывая особенности Интернет-экономики, уже разработали ряд специальных программ, направленных на развитие креативности, конструктивности и инновационности современных школьников и студентов. Для молодых специалистов данные качества также являются определяющими при заключении краткосрочных и многолетних контрактов на работу в последние годы.

Цифровая экономика, с одной стороны, выдвигает требование постоянной переквалификации работников, а с другой стороны, предоставляет уникальные возможности для этого благодаря растущей системе дистанционного on-line образования. Страны, которые смогут в крайне короткие сроки сформировать новую диджитальную систему образования, войдут в эпоху искусственного интеллекта с целым классом специально подготовленных IT-профессионалов, а также осуществить масштабную переквалификацию кадров «отмирающих» профессий в новой системе Интернет-экономики.

Одна из главных составляющих построения нового российского социума, хорошо адаптированного к требованиям цифровой эпохи, безусловно является совершенствование всей системы образования с целью увеличения численности высоко профессиональных IT-специалистов, потребность в которых в ближайшей перспективе будет только расти. Если сейчас в России ежегодно в сфере информационных технологий получают

дипломы 40 тыс. человек, то через четыре года этот показатель планируется увеличить в три раза, и российские учебные заведения будут подготавливать 120 тыс. новых IT-специалистов [1]. Конечно, сегодня трудно дать точную оценку, достаточны ли подобные показатели для отечественной системы хозяйствования. В любом случае очевидно, что российская система образования идет в ногу со временем и расширяет масштабы подготовки «айтишников».

В настоящее время наблюдаются позитивные тенденции в области миграции молодых российских IT-специалистов и «утечке мозгов». Если всего пять лет назад нашу страну покидало 30% занятых в сфере информационно-коммуникационных технологий, получивших российское образование, то сейчас этот показатель снизился до 10% (1). Причины подобного благоприятного и чрезвычайно важного для России явления могут быть самыми разнообразными. Но наиболее характерными аргументами для представителей поколений «Y» и «Z» являются следующие:

- молодые люди считают, что в России значительно улучшилось экономическое положение и, как следствие, заметно вырос уровень жизни;
- на современном этапе работа в российской IT-сфере оценивается более перспективной по сравнению с другими странами;
- IT-специалисты все чаще утверждают, что работать в России значительно интереснее;
- работа и проживание в России требуют наименьших финансовых ресурсов по сравнению с зарубежными странами.

Учитывая колоссальный опыт в научно-образовательной сфере Российской Федерации, особенности национальных традиций и определенные закономерности социально-экономического развития регионов, а также современное демографическое состояние, можно с уверенностью констатировать, что мы не можем брать «на вооружение» любой зарубежный опыт, который зачастую навязывается обществу все знающими политиками или многочисленными зарубежными экспертами различных областей знаний. Вся история становления и эволюции Российской державы свидетельствует о ее уникальности и неповторимости, и поэтому формирование отечественного диджитального социума несомненно будет иметь свои особенности и характерные черты.

Литература

1. Les Echos: [Электронный ресурс] <https://www.lesechos.fr>. (дата обращения 03.10.2019).

*С. С. НОСОВА
Россия, Москва
НИЯУ «МИФИ»,
профессор, д.э.н., профессор,
nss_10@mail.ru*

РОСТ РОССИЙСКОЙ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕЖИМЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Надо признать, что по уровню внедрения цифровых технологий (ЦТ) в систему экономических отношения на сегодняшний день Россия отстает от развитых стран. Однако в результате массива мероприятий со стороны Правительства Российской Федерации, в частности принятия к реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], можно верить в то, что в ближайшем будущем будет сделан прорыв в цифровой трансформации российской экономики, в результате которого она выйдет на новый уровень развития ЦЭ, без которого нашей стране грозит существенное отставание от развитых стран. Нужно понимать, что во многом всеобщую основу роста ЦЭ составляет цифровая инфраструктура. Она подобна электроэнергетике и транспорту. К сожалению, Россия использует зарубежные объекты цифровой инфраструктуры, что несет определенные угрозы для развития национальной ЦЭ, в частности в случае отказа их поступления, порождаются угрозы, т.е. дестабилизирующие факторы, которые могут разрушить достигнутый уровень национальной безопасности. Поэтому необходимо незамедлительно нацеливать развитие так называемого цифрового сектора на создание отечественных электронных инфраструктурных устройств. Такая постановка вопроса будет способствовать подавлению негативных факторов, которые вызывают отклонения от проектных траекторий.

От оценок хаоса зависят: «горизонты» прогнозирования и стратегического планирования развития ЦЭ; выработка решений и ответных реакций государственного управления на возможные риски в будущем. В условиях нестабильности настоящего и угроз будущего возникает необходимость оперативно и грамотно принимать антикризисные решения на быстрые изменения во внешней среде. В этой связи необходимо тщательно отслеживать изменения внешней среды, своевременно принимать оптималь-

ные решения и вырабатывать эффективные реакции на внедрение ЦТ. Мы можем говорить о том, что проекты по развитию цифровой трансформации могут стать основой для формирования цифрового бизнеса (ЦБ), раскрывающего взаимодействие социально-значимых рынков, поскольку в основе его лежит сетевая структура, основанная на системе формальных и неформальных договоров.

В ближайшее время ожидается динамичное развитие российского интернет-рынка, на котором уже представлены практически все модели ЦБ, применяются различные стратегические программы, например, программа «Электронная Россия». Это свидетельствует о том, что в цифровом мире *невозможно* эффективно работать без стратегии развития ЦБ, которая базируется на решении трех ключевых проблем: что производить, как производить и какую конкурентную позицию надо выбрать.

Под влиянием ЦБ произойдут колоссальные социальные, экономические и геополитические изменения. При правильном использовании цифровой трансформации бизнес может усилить наши национальные преимущества и устранить некоторые национальные недостатки. Большие города постепенно перестанут обладать магической притягательной силой, так как эффективно можно будет работать в любом местонахождении. Большим преимуществом цифровой экономики является замена бюрократического аппарата работой «одного окна»! А в перспективе *замена человека роботом*.

Цифровой бизнес имеет и свои минусы: он приводит к структурным изменениям рынков труда, росту нового витка неопределенности в развитии экономики [2], а также к кибермошенничеству — мошенничеству, совершаемому с использованием компьютерных сетей, информационно-коммуникационных систем и сети Интернет [3]. Это, прежде всего, кража информации, наличных денег, интеллектуальной собственности, а также использования бизнес-процессов компании для собственного обогащения.

Насыщенность бизнес-процессов компьютерами, внедрение новых ИТ, которые реализуются с помощью компьютеров, могут привести к качественному улучшению борьбы с кибермошенничеством. Уже сейчас развитие бизнеса невозможно без принятия таких мер. Другого выхода нет. Поэтому необходимо внедрять современные ЦТ, которые будут реализовывать стратегии цифрового бизнеса как фактора роста экономики в режиме технологической безопасности страны.

Литература

1. Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://buhguru.com/spravka-info/nats-proekt-tsifrovaya-ekonomika.html>. (дата обращения: 15.010.2019)

2. Киберпреступность занимает лидирующие позиции в бизнес-мошенничестве [Электронный ресурс]. <https://bitdefender.ru/news/kiberprestupnost-zanimaet-lidiruyushhie-pozitsii-v-biznes-moshennichestve> (дата обращения 20.10.2019).
3. *Носова С. С.* Цифровая экономика как новая концепция в социально- экономическом развитии современной России. В кн. Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия/ М.: Креативная экономика, 2018. с. 79.

А. А. ОЛЕЙНИКОВ
Россия, Москва,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
д.э.н., профессор,
alek.oleinikoff2010@yandex.ru

ЕВРАЗИЙСКИЙ ВЫБОР РОССИИ: НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МНОГОУКЛАДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Российские либеральные реформы 1990-х гг., в основу которых легли идеи западного *ультралиберализма*, завели страну в экономический тупик. Модель развития страны явилась *производной* от западных принципов и методов управления. В итоге, в России господствуют так называемые *запирающие технологии* (термин В. Г. Белолипецкого) управления экономикой и бизнесом.

1. *Причины неадекватности англосаксонского мейнстрима.* Англосаксонский капитализм является порождением, по выражения Э. Фромма, «индустриальной религии» [8, 149-152] в форме протестантизма, который дает индивидуалистический взгляд на христианство, отрицая иерархию. Таков и англосаксонский капитализм, ставящий частное лицо на место государства. Либеральные реформы были нацелены на замену коллективистского стереотипа поведения — на индивидуалистический стереотип. В результате англосаксонский мейнстрим вступил в острое противоречие с фундаментальными ценностями России как русской Евразии [4, 615-616].

2. *Реформы произвели социально-экономический раскол* в обществе, научно определяемый термином «социальный дуализм». Его концепцию сформулировали в 1950-х гг. ученые США и Бразилии. Они утверждали, что 1) «каждая социальная система имеет свою собственную экономическую теорию» [10, 5]; 2) «теория экономического развития...не подпадает под категории экономического анализа...» [11, 316]. Драматический опыт либеральных реформ в России подтвердил этот вывод [5, 51-63].

3. *Англосаксонский капитализм является лишь одной из форм общественного развития*, тогда как реформаторы представляли его как якобы единственно возможным путем развития страны. Однако, кроме западного капитализма, в мировом хозяйстве существует еще так называемый «восточный капитализм» (Япония, Ю. Корея, Малайзия и др.). Ученые

США называют его «конфуцианским капитализмом», или «коммунистическим капитализмом» [1, 312]. Он укоренен на принципах, абсолютно противоположных капиталистическому Западу, а именно: коллективизма, солидарности, справедливости, общественного долга и служения, авторитета власти и общенародной веры [2, 39-44; 47; 97-105]. Именно эта модель адекватна России как русской Евразии.

4. *Модель «восточного капитализма» — это модель некапиталистической организации многоукладного хозяйства.* Наиболее полно эта модель представлена в Японии, Ю. Корее и Малайзии, будучи основана на принципах буддизма и конфуцианской этики. Эта модель адекватна и России, ее историческим традициям соборности, общинности и коллективизма.

5. *Евразийский мейнстрим.* Евразийская модель национального хозяйства России должна получить теоретическое обоснование в модели евразийского мейнстрима. Базисом здесь является не экономика, а культура, как духовная основа социально-экономического развития. Развитие национальных хозяйств подчиняется фундаментальному закону: *организационные принципы* экономики подчиняются ценностям национальной культуры и принципам *цивилизационных структур* [3]. России необходимо укоренить свое национальное хозяйство именно на этой модели, которая была воплощена и сейчас воплощается в национальных хозяйствах целого ряда стран мирового хозяйства (Югославия, Никарагуа, Ливия, Венесуэла, Боливия, Сирия, ЮАР и др.).

6. *Некапиталистическая организация рыночной экономики* — условие выживания всего русского общества в суровых природно-климатических условиях [7, 47—56]. Именно поэтому Россия не может развиваться на англосаксонских принципах «открытой экономики», на принципах индивидуализма и стяжательства, вдохновляемых буржуазным духом. Это не только геополитическое, но и непреложное социокультурное условие выживания России как страны-цивилизации и страны-континента.

7. *Глобальная война сил либерализма с силами традиционализма идет уже свыше тысячи лет.* О. Шпенглер заметил, что цивилизации живут в борьбе за утверждение своих фундаментальных ценностей [9, 184]. В цивилизациях, созданных культурой одной великой страны, данная борьба неизбежно становится общенациональной — борьбой за выживание нации. Выстоять в этой глобальной войне можно только при условии, что Россия сама выберет и предложит миру *некапиталистическую модель третьего пути*, как модель солидарной экономики.

8. *Евразийский выбор России.* В основе некапиталистической модели лежат идеология работающих собственников и семейный тип организации всего национального хозяйства [6]. Только такая модель и такой тип национального хозяйства смогут сплотить разнородные евразий-

ские народы, разные социальные группы и этносы, создав интегративное притяжение общим делом и общей стратегией, открывающими путь в будущее.

9. *Евразийская теория*. Стремительно формирующийся Евразийский Союз, как Большая Евразия, объективно и геополитически противостоящий Североамериканскому Союзу (США) и Евросоюзу, нуждается в теоретическом — философско-хозяйственном и геополитическом — осмыслении. Разработка и развитие теории евразийского национального хозяйства, основанной на множественности культур и социокультурной укорененности национального хозяйства, — важнейшая задача, которую сама история поставила перед нами на повестку дня. Здесь потребуются и новая учебно-методическая литература — новые учебники по экономической теории. *Англосаксонский мейнстрим* должен быть, безусловно, заменен на *евразийский мейнстрим*, создающий единое социокультурное пространство для всего Евразийского Союза.

Литература

1. *Грейсон Дж. К. мл., О'Делл К.* Американский менеджмент на пороге XXI века: Пер с англ. — М.: Экономика, 1991. 319 с.
2. Как работают японские предприятия: Сокр. пер. с англ. / Под ред. Я. Мондена и др.; Науч. ред. и авт. предисл. Д. Н. Бобрышев. М.: Экономика, 1989. 262 с.
3. *Олейников А. А.* Вопросы единства цивилизационных ценностей и принципов жизнедеятельности с организационными принципами управления экономикой и бизнесом России как русской Евразии (К вопросу о причинах и путях выхода из системного кризиса): Тезисы // Развитие современной России: проблемы воспроизводства и созидания: сборник научных трудов / Под ред. Р. М. Нуреева, М. Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет, 2015. 2242 с. (электронное издание на компакт-диске).
4. *Олейников А. А.* Евразийский мейнстрим: вопросы теории и методологии. Политическая экономия евразийского национального хозяйства: В 2 ч. (Сер. «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд»). Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. 966 с. // авторский сайт д.э.н. А. А. Олейникова: [Электронный ресурс]. URL: Режим доступа: www.euroasianmainstream.ru.
5. *Олейников А. А.* Проблема социокультурного дуализма в России: западничество «русской Европы» против русской Евразии // Русский экономический Вестник. Екатеринбург: ЧОУ ВАО «Уральский институт бизнеса и управления», № 12. 2015.
6. *Олейников А. А.* Третий путь России: новая хозяйственная идеология (Идеология семейной организации национального хозяйства и работающих собственников. Модель восточного капитализма): Научное издание. (Сер. «Евразийский мейнстрим. Русский взгляд»). Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. 395 с. // Авторский сайт д.э.н. А. А. Олейникова: [“Электронный ресурс”]. URL: Режим доступа: www.euroasianmainstream.ru].

7. *Паршев А. П.* Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. М., 2001.
8. *Фромм Э.* Иметь или быть?: Пер с англ. / Общ ред. и посл. В. И. Добренкова. 2-е изд., доп., М.: Прогресс, 1990.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Ростов н / Д: Изд-во «Феникс», 1998.
10. *Воеке J. H.* Economics and Economic Policy of Dual Societies. N. Y., 1953.
11. *Furtado C.* Capital Formation and Economic Development. — The Economics of Underdevelopment. Ed. by A. N. Agarwala and S. P. Singh. Oxford University Press, 1958.

*А. В. ПИКОВЕР
Россия, Москва,
ИДВ РАН, ст.н.с.,
pikover@mail.ru*

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНОЕ ОТЧУЖДЕНИЕ

Экономика — это отношения людей в процессе производства, перемещения и потребления общественно значимых материальных и нематериальных продуктов, имеющие стоимостное выражение. Таким образом, в сути современных экономических отношений лежит феномен отчуждения. С одной стороны — отчуждения производителя от производимого им продукта посредством институализированного стоимостного механизма, выражающегося в деньгах, с другой стороны — такого же институализированного денежного механизма, используемого для взаимодействия людей в экономическом процессе.

Таким образом, в известном нам современном экономическом процессе априори заложен механизм отчуждения, выраженный в деньгах как универсальном выражении отчуждения. С ростом и паразитическим разбуханием финансового сектора экономики, ведающего механизмом универсального отчуждения, происходит злокачественное разбухание этого механизма отчуждения.

Особенно бурно этот процесс набирает свои обороты в связи с информатизацией всех сторон жизни. По своей сути процесс информатизации и так называемый информационный взрыв связаны с резким повышением эффективности комбинаторных операций вследствие замены человека на искусственный интеллект. Учитывая то, что львиная доля экономической деятельности приходится на комбинаторные операции, происходит информационный взрыв, например, в интернете вещей, в процессах управления производством, логистике. В результате так называемый средний класс вымывается мощным потоком, и возникает тезис о смерти экономики.

В самом деле: если экономика — это процесс взаимодействия людей, то в процессе взаимодействия серверов и гаджетов человеку, по сути, не остается пространства. По крайней мере, в комбинаторике.

Эпоха глобальной информатизации обычно преподносится как эпоха глобальной информационной, а значит, по сути, и экономической свободы. Однако на поверку оказывается вовсе не так. «Есть горькая ирония в том, что, создав беспрецедентные возможности для глобальной экономики, цифровизация — и порожденные ею тренды — теперь только усугубляет и без того опасный уровень неравенства доходов, подрывает экономики стран и даже приводит к социальной нестабильности», — пишут Марко Янсити и Карим Лакхани из Гарвардской школы бизнеса в статье «Экономика платформ» (выйдет в ноябрьском номере «Harvard Business Review Россия»). Фирмы-хабы вроде Alibaba, Alphabet/Google, Amazon, Apple, Baidu, Facebook, Microsoft присваивают себе все большую долю создаваемой ценности в цепочке стоимости товара. Они не только подминают под себя отдельные рынки, но и монополизируют доступ поставщиков к потребителям. Сделать с этим уже ничего нельзя — экономика платформ с нами надолго, резюмируют исследователи. Но хабы обязаны — с экономической и этической точки зрения — сохранить жизнеспособность бизнеса не только своих партнеров, но и обслуживаемых ими отраслей, считают Янсити и Лакхани»[2].

Таким образом, под прикрытием крупнейших финансовых структур на Западе и государства в Китае формируются информационные гипермонополии, стягивающие под свои знамена информационные, финансовые и товарные потоки и отчуждающие все большую долю прибыли с этих потоков.

Но если эта сторона многим привыкшим мыслить в квалитативно-позитивистском ключе ученым и экспертам в принципе понятна, то экзистенциальная суть во многом остается непонятой и за кадром. Среди множества исследований, статей и прочих информационных материалов о состоянии и будущем цифровой экономики практически нет понимания сути происходящего *социокультурного тектонического разлома*. Преобладают те или иные варианты позитивистского подхода с обращением к квантитативным показателям изменений.

Суть же упомянутого социокультурного разлома в том, что на смену Homo Sapiens приходит Homo Retiarus или, если угодно, Homo Digital, и это не фигура речи. Если для Homo Sapiens на всем обозримом пространстве существования работал принцип, озвученный еще софистом Протагором: «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, несуществующих, что они не существуют» [1, 374—375], то для тех, кто социализовался не в реальном социуме, а в киберпространствах и кибер-социальных группах (особенно в т.н. соцсетях), где *не формируется полноценная ответственность* за слова и действия, а *реалии подменяются симулякрами*, принцип «Человек есть мера всех вещей» уже не работает. Тогда возникает вопрос: что же работает? А работает как раз цифра!

Она и становится мерой всех вещей. И бурно протекающий процесс формализации всего и вся, подмены качественных параметров количественными — это прямой путь в катастрофическую и невозвратную *дегуманизацию*, где миром людей правит цифра и одно из выражений ее — форма!

Способствует ли нынешний процесс информационного отчуждения деградации общества? Пока что есть аргументированное мнение, опирающееся на исследования неангажированной биологии и физиологии, говорящее о необратимом процессе деградации детей, начавших пользоваться электронными гаджетами в период активного формирования коры головного мозга, т.е. в возрасте до 7 лет. Перманентное пребывание в потоке информационного мусора формирует у пользователей киберпространства так называемые вербальные шумы — неконтролируемые квазивербальные речевые флуктуации, обрывочные, алогичные, хаотичные, легко управляемые и контролируемые извне. Кроме того, данный процесс формирует фобии и зависимости, которые также ставят вовлеченных в поток вербальных шумов индивидов и особенно группы в жесткую зависимость от тех, кто этим потоком управляет.

Таким образом, поколение гаджетов формирует свою картину мира в преобладающей мере под влиянием пребывания в киберпространстве. Ограниченность живых реальных социокультурных связей, подмена их связями симулятивными, опосредованными, отчужденными способствует формированию личности шизофренического типа, рассудочно-рациональной, эгоистичной и не способной к сопереживанию и состраданию. В то же время, это крайне несвободные люди, в высокой степени зависимые от этических и эстетических правил, диктуемых тем информационным пространством, в котором они сформировались. А учитывая отсутствие института инициализации во взрослом обществе или его аналогов, это, по сути, среда очень быстро и рационально мыслящих, инфантильных эгоистов. Однако, учитывая, что в комбинаторике никакой человеческий мозг не превзойдет электронный, все они априори становятся поколением лишних и никчемных людей, шлаком и приложением к искусственному интеллекту. Есть лишь две функции, в которых электронный интеллект не превзойдет человека, поскольку эти функции выходят за рамки интеллекта — это креативность и совесть.

В заключение отметим, что выше представлены некоторые из наиболее опасных тенденций, развитию которых объективно способствуют информатизация и цифровая экономика.

Литература

1. Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин. М., Мысль, 2010, т. III, Н — С, с. 374—375.

2. *Рувимский В.* Чем опасна цифровая экономика. Технологии, обеспечившие демократизацию бизнеса, формируют новый монополизм. [«Ведомости», 22.10.2017]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/23/738895-tsifrovaya-ekonomika> (дата обращения: 25.10.2019).
3. *Савельев С. В.* Нищета мозга. 2-е изд., доп. — М.: ВЕДИ, 2016.

*А. А. ПРУДНИКОВА
Россия, Москва,
Финансовый университет при Правительстве РФ, доцент,
к.э.н., доцент,
ruscap233@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ И ПРИОРИТЕТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

В настоящее время мир сталкивается с двумя ключевыми проблемами: быстро растущим населением мира и растущим давлением на окружающую среду модели экономического развития, которая получила название «коричневая» экономика. Многочисленные кризисы в современном обществе (климатический, биоразнообразия, топливный, глобальный финансовый и др.) являются следствием развития данной системы. Такая модель, во многом основанная на интенсивном и нерациональном использовании капиталов, реализации политики потребления, отсутствии контроля за уничтожением природного капитала, представляет огромные риски и проблемы для существующих и будущих поколений.

Важной особенностью влияния «коричневой экономики» является то, что негативные последствия могут проявляться дифференцированно для отдельных секторов экономики и для различных стран. Например, по данным Всемирного банка, к 2030 г. более 100 млн человек во всем мире могут вернуться в крайнюю нищету, в то время как в Европе последствия изменения климата к рассматриваемому сроку в большей степени сосредоточены на сельскохозяйственном секторе.

Потребность в создании нового типа экономики с максимальным учетом экологических аспектов явилась стимулом к формированию концепции «зеленой» экономики, в которой социальные вопросы, развитие «круговой» экономики и принципов справедливости, являются важными элементами «озеленения». Эта концепция была с настороженностью встречена развивающимися государствами, которые опасались, что концепция будет использоваться развитыми странами как чисто экологическая и будет ограничивать возможности менее развитых стран осуществлять свои стратегии развития. Однако, осознавая остроту экологических проблем, которые могут трансформироваться из локальных в глобальные в доста-

точно сжатые сроки, правительства этих стран работают над решением не только проблем экономического роста, но и над улучшением состояния окружающей среды.

Согласно *GGEI* (глобальный индекс зеленой экономики) в 2018 г. страны с наилучшими результатами находились в Европе, небольшие страны с постоянным вниманием к «зеленому» росту продолжают улучшать свои результаты *GGEI* (страны Северной Европы, Тайвань, Сингапур и др.). В то время как страны, экспортирующие углеводороды, находятся на нижнем уровне рейтинга (Азербайджан, Бахрейн, Катар и Россия). Россия, согласно данному рейтингу, занимает 105 позицию [3].

Понятие «зеленая экономика» в России достаточно разработано в официальных документах. Уход от экспортно-сырьевой модели экономики является одной из задач развития экономики страны, что несомненно является актуальным. К 2035 г. нефть и газ не будут играть ведущую роль как источники энергии, это связано со значительными достижениями в сфере производства возобновляемых источников энергии. Однако, с учетом уже вложенных средств в разработку ископаемого топлива, экономика страны в ближайшем будущем сохранит свою зависимость от экспорта сырьевых товаров (64% в товарной структуре экспорта в 2018 г.).

Среди спектра инструментов «зеленого» финансирования наиболее интенсивный рост можно проследить в сфере «зеленых» облигаций (мировой объем рынка в 2018 г. — 174,9 млрд долл.) [4]. Россия была впервые включена в число эмитентов зеленых облигаций в 2018 г., когда в целях финансирования концессионного проекта в сфере обращения с отходами компанией «Ресурсосбережение ХМАО» был осуществлен выпуск облигаций на сумму 0,017 млрд долл.

Большинство экономических субъектов в России нацелены на максимизацию прибыли и минимизацию издержек, без учета экологических аспектов, что связано с отсутствием нормативно-правовой базы, обеспечивающей преференции для «зеленого» бизнеса и инвесторов. Необходимо вовлечь частный сектор в формирование устойчивой и последовательной политики зеленого роста, учитывая его интересы в повышении конкурентоспособности на международном рынке. Однако, централизованное регулирование остается важным элементом зеленого финансирования, так как может обеспечить направление финансовых потоков на наиболее важные экологические проекты.

Можно выделить внешние ключевые факторы создания институциональной среды для развития «зеленой» экономики в России: возможные санкции и ограничения на международном уровне для компаний, занятых в «грязных» отраслях; международные обязательства нашей страны в отношении природоохранных целей в соответствии с Парижским соглашением; изменение ландшафта мировой экономической системы за счет

сокращения инвестиций в сферы экономики, оказывающие вредное воздействие на экологию; отставание России от мировых трендов в условиях активной институализации инициатив в области развития «зеленого» финансирования.

Литература

1. Мудрецов А. Ф., Тулупов А. С., Прудникова А. А. Особенности эколого-экономической политики в рыночной экономике // Вестник МИРБИС. 2018, № 4, С. 97–102.
2. Развитие предпринимательства: концепции, цифровые технологии, эффективная система: монография / под общ. ред. д.э.н., проф. М. А. Эскиндарова. — Москва: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2019. 605 с.
3. The Global Green Economy Index (GGEI) 2018: Measuring National Performance in the Green Economy/Dual Citizen LLC. September 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://dualcitizeninc.com/global-green-economy-index/economic-environmental-indicators>. (дата обращения 15.10.2019).
4. Environmental Finance Bond Database [Электронный ресурс] / URL: <https://www.bonddata.org/> (дата обращения: 20.10.2019).

Л. И. РОСТОВЦЕВА
Россия, Тула,
Тульский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова,
д.социол.н., доцент, профессор,
rostovtsevali@mail.ru

ЦЕННОСТНЫЙ РАЗВОРОТ РОССИИ

За годы постсоветских реформ произошла трансформация ценностной системы России. Переход к рыночной экономике отразился быстрее всего на ценностном сознании молодежи. Уже через 10 лет после распада СССР, по данным социологических исследований актуальных проблем и ценностных ориентаций студенчества, было выявлено влияние западных ценностей. По данным Института социологии РАН, в 2001 г. студенты отметили среди присущих им человеческих качеств индивидуализм, а также практичность, рациональность (по 43,3% респондентов) и предприимчивость (36,0%), оттеснившие на последние места бескорыстие (26,0%) и коллективизм (20,8%). Правда, на первое место они поставили все-таки традиционную ценность—ответственность, долг (61,7%), что позволило сделать вывод: «Скорее всего, полной смены системы ценностей не произойдет», два процесса будут происходить параллельно—преемственность традиционных ценностей и заимствование западных. Аналогичные результаты, обозначившие данную тенденцию, получены были также ИСПИ РАН в 1999 г. [1, 19]. Последующее десятилетие подтвердило распространение материалистических ценностей общества массового потребления, озабоченность которым высказывалась неоднократно и в наших публикациях девяностых и нулевых годов [2].

Импульсом к ценностному развороту в России, полагаем, явилась встреча Президента РФ Путина В. В. с общественностью в Краснодаре (2012) по вопросам патриотического воспитания, где было признано, что государство не занималось воспитанием два десятилетия. Исторический опыт, духовные, нравственные ценности, ценностные коды Президент назвал тогда сферой жёсткой конкуренции, объектом открытого информационного противоборства, «хорошо срежиссированной пропагандистской атаки» [3]. Абсолютной реальностью он назвал влияние на мировоззрение целых народов с целью подчинения их своей воле, навязывание своей системы ценностей, как и борьбу за минеральные ресурсы.

Патриотизм он определил как фундамент, необходимый для строительства будущего России.

Всплеск патриотизма в России произошел после присоединения Крыма в 2014 г. Бессмертный полк, прошедший по Красной площади в 2015 г. и улицам городов и сел, продемонстрировал небывалое единение, гордость за героев семьи и страны. Процент ощущающих себя патриотами вырос и среди молодежи. Если в 2004 г. патриотами в полной мере ощущали себя 35% опрошенных 15-17-летних юношей и девушек в 20-ти регионах России, то в последние годы считают себя патриотом более половины опрошенных старшеклассников: в Тульской области (59%), в г. Березники Пермского края (54%). Но велика и доля колеблющихся [5, 78].

Елена Сутормина на итоговом форуме «Сообщество» 2019 г. в Москве привела результаты опроса более 2 тыс. человек. Среди ответов на вопрос: «Что определяют в качестве традиционных ценностей россияне разных возрастов» — была выделена тройка главных ценностей: любовь к Родине (61,7%), чувство долга перед собой, семьей и Отечеством (52,5%), человеколюбие и справедливость (42,7%) [7].

В настоящее время наибольшие нападки в информационном пространстве испытывают такие традиционные ценности, как семья, история, религия, которые оказывают важнейшее влияние на формирование патриотизма. Искажение национального, исторического сознания разрушает связь времен и поколений, препятствует созданию сильного государства, здорового общества, духовно богатой и нравственно развитой личности.

Социальные ценности задают общепризнанные цели и нормы поведения, разделяемые в обществе представления об идеалах. Ценностные ориентации — продукт социализации личности, следования ее общественным идеалам, нормам. Разрушение системы ценностей, их иерархии чревато социальной anomией, ослаблением солидарности общества, морально-политического единства.

Наше социологическое исследование студентов тульских вузов и трех факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова (опрошено 400 респондентов в 2018 г.) дает представление о ценностных ориентациях студенчества. Целью жизни для половины опрошенных является получение удовольствия, стремление к комфорту, развлечение и отдых, материальное благосостояние (50,5%). Поиск «золотой середины» между удовольствием и страданием, материальным и духовным привлекателен для 42,5%, а труд, самоограничение своих потребностей, духовная жизнь — для 6,5% (не ответили на вопрос 0,5%). Также немногим более половины респондентов (54,0%) продемонстрировали приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям, выбрав в качестве руководства к действию пословицы и поговорки: «Не в деньгах счастье», «Не хвались серебром, хвались добром» (27,3%) и «Встречают по одежке, провожают по уму»

(26,7%). Выражения Н. Рокфеллера «Не бойтесь больших расходов, бойтесь маленьких доходов» выбрали 32,5% респондентов и Дж. Моргана: «То, что нельзя сделать за деньги, можно сделать за очень большие деньги» — 13,0% (не ответили 0,5%) [4].

Таким образом, современное студенчество разделено примерно пополам в своей приверженности западным и традиционным ценностям. Необходим более решительный разворот в патриотическом и духовно-нравственном воспитании.

Литература

1. *Голицева Ю. В.* Социальные проблемы, ценностные ориентации и жизненные планы современного российского студенчества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. — 64 с.
2. *Ростовцева Л. И.* Преемственность: Сборник статей (1996–2011). Тула: Тульский филиал РГТЭУ, 2011. 256 с. илл.
3. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. Краснодар. 12 сентября 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: // <http://special.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения: 26.10.2019).
4. Российская молодежь: проблемы и решения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005. 648 с.
5. *Ростовцева Л. И., Гельфонд М. Л., Мирошина Е. Ю.* Патриотическое воспитание глазами экспертов и школьников // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 75–83. DOI: 10.31857/S013216250006163-2: [Электронный ресурс]. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2019/8/Rostovtseva.pdf>.
6. «Наблюдается все больше информационных атак на нашу страну»: [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.oprf.ru/ru/press/news/2019/newsitem/51356> (дата обращения: 02.11.2019).

С. С. СЛЕПАКОВ
Россия, Москва,
Институт сервиса, туризма и дизайна
(филиал) ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
в г. Пятигорске,
профессор,
д.э.н., профессор,
sslepakov@yandex.ru

КРИЗИС ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В СОЦИАЛЬНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современная Россия отстает в развитии по критериям уровня и устойчивости экономического роста, производительности факторов производства, способности национальных компаний успешно конкурировать на международных рынках: доля России в мировом ВВП в 2018 г составляла лишь 1,98%; экономический рост составлял около 1% в течение последних 10 лет (мир растет на 3,2% ежегодно); на грани выживания (потребление ниже прожиточного минимума) живет 13,5%, при этом бедствует до 2/3 населения; уровень экономического неравенства сопоставим с до-революционными (1905–1917 гг.) показателями.

Ресурсы роста в России значительны даже при том, что в результате санкций и деофшоризации экономики прямые инвестиции в Россию из-за рубежа сократились в 2018 г. более чем в три раза по сравнению с 2017 г. В России сконцентрированы значительные финансовые ресурсы, которые в совокупности существенно превосходят ВВП страны в 2018 г.: бюджетный профицит, неизрасходованные остатки бюджетных средств, фонд национального благосостояния, фонд развития, консолидированный бюджет регионов, бюджеты всех уровней, депозиты физических лиц, российских предприятий, наличные сбережения граждан.

Однако финансовые ресурсы не реализуются в экономический рост — деньги лежат мертвым грузом. Государство, бизнес, население отказываются инвестировать в развитие национальной экономики. Солидарная, по сути, санкционная позиция российского национального сообщества (государства, бизнеса, населения), дискриминирующая хозяйственное развитие собственной страны, требует осмысления. Возникает законо-

мерный вопрос: чем же блокируются продуктивные коммуникации между национальной экономикой и ее основными субъектами?

То, что развитие неконкурентной экономики в парадигме либерального индивидуализма (эгоизма) неминуемо формирует в обществе многоплановый коммуникативный диссонанс, по природе деструктивный, сегодня стало очевидным. Разрешение противоречия требует поиска и определения пути к экономико-социальному единству как приоритетному фактору прогрессивного развития. Постановка вопроса отсылает нас в область ментальности, специфики экономического сознания российского социума, отказывающегося в финансировании и пребывающего в оппозиции своей «кормилице» — национальной экономике.

Отдадим себе отчет в том, что экономика (хозяйственное развитие), состоит из явлений и процессов, происходящих не только в реальном мире, но и в мире экономического сознания (отражение, осмысление, оценка, выработка жизненной позиции, принятие решений, деятельное участие и пр.). В пресуппозиции экономического сообщества исследователи, как правило, концентрируют внимание на проблемах реального экономико-хозяйственного мира. Наши коллеги ограничиваются выявлением препятствий на пути экономического роста и прогрессивного развития в России. Таковыми уже долгие годы (десятилетия) бывают представлены: антироссийская глобальная политика, неадекватные либеральные реформы, несовершенные институты, наследие тоталитаризма и государственного социализма, несменяемая энерго-сырьевая модель хозяйственного развития, неэффективность судебной системы, коррупция и преступность, невнятная политика и некомпетентные действия Президента и Правительства РФ, политика ЦБ России, фактически являющегося одной из структур МВФ, но не субъектом национальной экономики и пр.

Названные и многие другие «блоки» на пути экономического роста и прогрессивного развития России несомненно реальны и значимы, однако даже при самой глубокой проработке вопросов не ведут даже к постановке проблемы коммуникативного диссонанса (раскола) между властью, бизнесом и населением. Ограничение экономико-хозяйственной жизнедеятельности рамками реального мира исключает из числа объектов исследования область экономического сознания. Тем самым экономика «обесчеловечивается».

Болезнь коммуникативного диссонанса между властью, бизнесом и населением представляет собой нарушение единства в социально-экономическом мировосприятии. Между тем, состояние доминирования индивидуализма — превращения нормальной автономности в отторжение на почве всеобщего истощения кредита доверия (экономико-социального недоверия) коренится в экономическом сознании.

Поведение служит проявлением внутреннего состояния общества и его агентов-индивидов, оценки природы и жизнеобеспечивающих свойств социально-экономической среды, реакций на изменения ее институционального содержания. Общество определенным образом оценивает мир, реагирует на внешние обстоятельства хозяйственной жизнедеятельности, испытывая при этом весь спектр чувств и состояний. Их перемены генерируются в мире высокоорганизованного экономического сознания, которое формирует живую ткань, образы и качества экономики, характер экономических коммуникаций в социально-хозяйственных системах.

*Н. Э. СОКОЛИНСКАЯ
Россия, Москва,
Финансовый университет при Правительстве РФ, профессор,
кандидат экономических наук, профессор,
Nsokolinskaya@fa.ru*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА

В отличие от многих отраслей, у ЦБ РФ и у банковского сектора есть программа цифровой трансформации. Особенно остро в банковском секторе страны стоит вопрос введения в хозяйственный оборот интеллектуальной собственности. В условиях перехода на цифровую экономику при обостряющейся конкуренции успех банковской деятельности зависит от внедрения в производственный процесс новых технологий и инноваций. Финансовые технологии банков строятся на базе IT технологий, цифровых и инновационных направлений. Для осуществления большего использования и введения в оборот объектов интеллектуальной собственности и прав на нее в банковском секторе и в других отраслях необходима большая степень участия в этих процессах всех участников экономического процесса: государства, Банка России, регулирования рынка инноваций и рынка банковских услуг.

Со стороны государства и государственных структур необходимо вести проактивную политику в области цифровой экономики, расширить имеющуюся нормативную базу и обеспечить регулирование этой области.

Со стороны рынка инноваций наблюдается положительное развитие новых банковских продуктов, услуг, сервисов, готовых решений для внедрения в банковский оборот, предложение новых технологических платформ, массовое развитие мобильных платформ в целях взаимодействия с клиентами юридическими и физическими лицами. Множество новых предложений поступают от IT-, финтех компаний. Основными недостатками предложений со стороны рынка банковских инноваций является различная степень их регуляторной, коммерческой и технологической зрелости, которая является трудно определяемой в условиях отсутствия независимой стандартизированной оценки их качества.

Что касается рынка банковских услуг, то наблюдается существенная трансформация стратегических, бизнес- и операционных моделей банков,

изменение этих моделей в процессе их фактического применения и усиление конкуренции, активное внедрение инноваций. И все это происходит на фоне давления на банковскую маржу и капитал со стороны ЦБ РФ.

Основная проблема внедрения инноваций и прав интеллектуальной собственности в банковскую деятельность состоит в том, что выбрать из множества инноваций и как внедрить. Список банковских инноваций на сегодняшний день непомерно велик. Вот перечень некоторых из них: агрегация банковских карт и платежей, безлюдные офисы, бесконтактные платежи и сервисы, безшовность и коммодизация платежей, биометрическая идентификация, большие данные, быстрые платежи, гибкая методология разработки, единая система идентификации и аутентификации, распознавание по голосу, искусственный интеллект, машинное обучение, киберриск, криптовалюта, краудивестинг, маркетплейс, мультиомниканальность, нейросети, облачные технологии, открытые программные интерфейсы, регулятивная песочница, роботизация функций, робоэдвайзинг, блокчейн, фабрика проектного финансирования, технология шифрования данных и т.д. — список бесконечен.

Внедрение интеллектуальной собственности и инноваций в деятельность кредитных организаций требует крупных финансовых вложений, проверку качества инноваций независимой экспертизой, выбора и согласования всех инноваций между собой в единый слаженный механизм, разработки четких стратегий и дорожной карты поэтапного внедрения интеллектуальной собственности, а главное новых кадров, которые могли бы работать с инновациями. Это требует изменения многих программ обучения в университетах высшей школы, а также создания постоянного действующей системы переподготовки и обучения кадров.

Крупные финансовые вложения или разработка новых объектов интеллектуальной собственности недоступны для банков с базовой лицензией, как и создание системы переподготовки кадров внутри банка. Следовательно, будет усиливаться концентрация банковской деятельности в руках крупных банков с универсальной лицензией. Будет наблюдаться дальнейшее сокращение числа банков, увеличение количества слияний и поглощений в банковском секторе. На этом фоне будет происходить смена модели деятельности в банковском секторе: выделяться и получат распространение следующие бизнес- модели:

- классический традиционный банк (банковская группа), активно применяющий инновации финансовых технологий во всех направлениях деятельности;
- IT-компания с банковской лицензией;
- экосистема / электронная торговая площадка с финансовыми услугами / маркетплейс / альянсы;
- финтех-компания.

Таким образом в банковском секторе в отличие от других секторов экономики внедрение финтеха и переход к цифровой экономике идут более быстрыми темпами, однако на этом пути немало проблем: зачастую эти программы сводятся к реализации отдельных пилотных проектов по причине нехватки специалистов IT, бюджета, а также недостаточно эффективной организации внедрения новых цифровых технологий.

*Р. Е. СОКОЛОВ
Москва, Россия
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
кандидат экономических наук, доцент
Dr.roman.sokolov@yandex.ru*

МИГРАЦИЯ В КАТОЛИЧЕСКОМ СОЦИАЛЬНОМ УЧЕНИИ И ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЭТИКЕ

Проблема миграции затрагивается в современном католическом социальном учении, появление которого связывается с энцикликой *Regum novarum* от 1891 г., Иоанном XXIII, начиная с 1961 г. Она поднимается в рамках принципа солидарности и персонности в том числе Иоанном-Павлом II. Принцип солидарности подразумевает взаимную поддержку, а принцип персонности — уважение человеческого достоинства индивида. Наиболее чутко к трудностям мигрантов, равно как и беженцев, подходит Папа Франциск после избрания его на этот пост в 2013 г. Несмотря на то, что в название тезисов вынесена только миграция без отсылок к беженцам, в данном контексте между этими двумя категориями мы поставим тождество.

Основная идея в отношении мигрантов сводится к следующему: если принимающая страна может помочь людям, находящимся в тяжелом положении, тем более, если такая страна нуждается в дополнительной рабочей силе, и мигранты являются таковой, то их следует принимать. Однако для подобного странноприимства необходимо соблюдение определенных условий. Во-первых, экономика страны должна быть в состоянии профинансировать размещение и гуманное обращение с гостями, включая предоставление им жилья, социального обеспечения и адаптацию к жизни в новом обществе. Во-вторых, сами гости должны уважать местные традиции и соблюдать законы, для чего необходим контроль над ними, а также прививание им культуры соблюдения существующего в стране порядка. В-третьих, по мере улучшения положения дел на родине мигрантов, стоит сокращать их поддержку и стимулировать возвращение к жизни в те места, откуда они происходят.

Соблюдая данные условия, принимающая страна сможет увеличить свою экономическую эффективность и культурное разнообразие благодаря временным гостям. Если же гости захотят вступить в брак с гражданином принимающей страны или остаться в этой стране навсегда, то это

возможно, если такой шаг не несёт какой-либо угрозы обоим странам. Возможные угрозы и способы их устранения должно прорабатывать правительство как вышестоящая структура, наделённая авторитетом арбитра от своих жителей — физических и юридических лиц. В этом находит своё проявление принцип субсидиарности — минимальное вмешательство вышестоящей структуры в дела нижестоящей до тех пор, пока нижестоящая структура не восстановит своё полноценное функционирование.

В случае, когда правительство принимающей страны не обращает должного внимания на своих граждан, пренебрегает их благополучием ради краткосрочной частной прибыли в ущерб общему благу и позволяет содержать и заполнять низкооплачиваемые рабочие места мигрантами, особенно с низкой квалификацией или вообще без таковой, вместо долгосрочного регулирования экономики и рынка труда под угрозой оказывается не только экономическое и культурное развитие такой страны, но и социальный мир.

Евангелическая социальная этика в целом воспроизводит католическое социальное учение, однако не использует его термины. Ключевое понятие такой этики — человеческое достоинство. В отличие от стройного социального учения Римско-католической церкви современная евангелическая этика зарождается на немецком Евангелическо-социальном конгрессе, который проработал с 1890 г. до Второй мировой войны. Среди ключевых фигур той эпохи можно назвать Адольфа Штокера, Фридриха Науманна, Адольфа Гарнака. В дальнейшем этические вопросы, в том числе в области экономики, поднимают отдельные исследователи, принадлежащие по большей мере Евангелической Церкви Германии, например, Арнульф фон Шелиа, Хайнрих Бедфорд-Штром, Трутц Рендторфф. Интересна позиция этой церкви по вопросу отношения к мигрантам. У неё есть подразделение под названием Евангелическая служба развития, которое как раз и занимается ими, адаптируя их в немецком обществе и помогая на местах тем, кто не покидает свою родину или вернулся туда. Финансирование и этого подразделения, и самой церкви идёт из государственного бюджета ФРГ. В годы же массового приема мигрантов с Ближнего Востока Германия принимала в основном христиан.

Итак, конечно, не стоит полностью копировать опыт других стран. Однако России будет не лишним подумать над тем, что могло бы пригодиться в отечественной миграционной политике.

Литература

1. [Электронный ресурс]. URL: <http://w2.vatican.va/content/vatican/en.html> (дата обращения 31.10.2019).
2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ekd.de/> (дата обращения 31.10.2019).

И. В. ТРЕГУБ
Д.э.н., профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия

И. А. НОВОСЕЛОВ
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Россия

ЭКОНОМИКА ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ. РЫНОК ИПОТЕЧНЫХ ОБЛИГАЦИЙ

Экономика современной России постоянно претерпевает значительные изменения. Череда международных экономических кризисов и санкционных мероприятий проверяет национальную экономику на прочность. Это относится к различным сферам и отраслям, в том числе и к рынку ипотечных облигаций.

При оценке кредитоспособности заемщиков всегда следует рассматривать и возможность риска дефолта по обязательству. Этот принцип не нов для финансовой сферы, и уже несколько тысячелетий для минимизации убытков, которые могут возникнуть в результате реализации этого риска, кредиторами применялось взятие залога. Развитие этого принципа привело к тому, что в XX в. появилась идея о том, что совокупность достаточно однородных долговых обязательств можно объединять в портфели, которые, в свою очередь, могут быть проданы инвесторам [1, 2, 3].

Одним из важнейших свойств ипотечных облигаций является их частичное досрочное погашение, вызванное досрочным погашением индивидуальных ипотечных кредитов, выступающих в качестве залога. Данный процесс определяет срок жизни облигации и денежные потоки по ней, поэтому задача прогнозирования уровня досрочного погашения является необходимым условием справедливой оценки стоимости таких ценных бумаг [4, 5, 6]. Это не менее важно, поскольку российский рынок ипотечных облигаций находится еще лишь на первых шагах своего развития, а поэтому в силу сложности рассматриваемого инструмента он нуждается в общих принципах справедливой оценки.

В данной работе рассматривается сущность ипотечных облигаций, российский рынок ипотеки и ипотечных облигаций и методы прогнозирования уровня досрочного погашения подобных ценных бумаг при помощи

реестров ипотечного покрытия, дающих информацию о качественных характеристиках пула обеспечения. Построение прогнозной модели [1, 7, 8] уровня досрочного погашения долга в реестрах ипотечного покрытия ипотечных облигаций в данной работе выполнено на основе теоретической базы, а именно научных трудов ученых Фабоцци, Данна, Шварца, Хайре, Лампкина, Навратила.

Для построения модели уровня досрочного погашения использовались линейная регрессия, оцененная по методу наименьших квадратов, модель SARIMAX и модель векторной авторегрессии. По результатам тестирования наилучший результат был показан моделью на основе метода наименьших квадратов. Была произведена проверка модели на наличие незначимых переменных при помощи метода пошаговой регрессии, в результате чего была получена новая модель, включающая в себя LTV, уровень безработицы, переменную-индикатор структурного сдвига и сезонные переменные, отвечающие за период с мая по декабрь.

В рамках тестирования адекватности данной модели были произведены тест на наличие гетероскедастичности остатков модели при помощи метода Уайта, LM-тест на наличие автокорреляции остатков модели. Тесты показали отсутствие гетероскедастичности, автокорреляции, оценки переменных являются значимыми, а значит можно сделать вывод о несмещенности, эффективности и состоятельности оценок коэффициентов модели.

Также были протестированы еще две прогнозные модели на основе метода SARIMAX и VAR(2). В результате оценки результатов работы данных моделей было принято решение о их более низком качестве в сравнении с моделью, построенной при помощи МНК.

Таким образом, была получена модель прогнозирования уровня досрочного погашения ипотечных облигаций при помощи реестров ипотечного покрытия ипотечных облигаций, обладающая достаточной практической точностью.

Литература

1. Трегуб Ив. Методы визуализации модельных исследований Saarbrucken, 2013.
2. Трегуб И. В. Прогнозирование инновационного развития рынка телекоммуникаций // Обзорение прикладной и промышленной математики. 2013. Т. 20. № 2. С. 186–187.
3. Трегуб И. В. Моделирование инфляционных процессов в российской экономике // Фундаментальные исследования. 2009. № 1. С. 86–87.
4. Трегуб И. В. Особенности инвестирования в инновационные проекты // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 28–32.
5. Трегуб И. В. Моделирование ценообразования на дополнительные услуги сотовой связи на рынке телекоммуникаций. Диссертация на соискание ученой

- степени доктора экономических наук / Финансовый университет при правительстве Российской Федерации. М., 2010.
6. Шкляев Л. О., Трегуб А. В., Трегуб И. В. Сравнительный анализ моделей оценки кредитного риска эмитента корпоративных облигаций на российском долговом рынке // Вестник Московского государственного университета леса — Лесной вестник. 2013. № 3. С. 215–221.
 7. Кузнецов В. Д., Трегуб И. В. Математическое моделирование динамики экономических показателей (на примере выручки IT компании) // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 424.
 8. Tregub I. V. Econometrics. Model of real system M., 2016.

*Е. Х. ХАБИБУЛЛИНА
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
преподаватель,
К.Э.Н.,
habibullina888@mail.ru*

**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ РУССКОГО ЕВРАЗИЙСТВА.
УЧЕНИЕ О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ
ДЕРЖАВНОМ ХОЗЯЙСТВЕ
РОССИИ-ЕВРАЗИИ
(по работам П. Н. Савицкого)**

Евразийство — уникальное явление русской мысли, последовательно развивавшее геополитический подход при исследовании экономических явлений. Евразийский анализ особенностей хозяйства России-Евразии исходил из детального изучения объективной историко-географической данности «русского географического индивида».

Исследования евразийцев экономического будущего России-Евразии привели к авангардным разработкам и выводам, имеющим долгосрочную научную и практическую ценность. Евразийский подход одновременно выявлял ошибочность европоцентристской трактовки русской континентальной цивилизации, но вместе с тем, обновлял и славянофильские установки.

Новаторские разработки евразийцев в области экономики:

1. Учение о «внутриконтинентальных экономических притяжениях» как способе приспособления к «географической обездоленности».
2. Сравнительный анализ преимуществ «хозяина-общества» и «хозяина-личности» для разных отраслей народного хозяйства при социализме или при капитализме.
3. Обоснование вывода о необходимости для России третьего пути в выборе системы Хозяйства: «ни социализм, ни капитализм», а система Хозяйнодержавия.
4. Учение о двух геополитически противоположных типах империализма и Империй.

Сила «внутриконтинентальных экономических притяжений» как механизм приспособления к «географической обездоленности» России-Евразии в отношении международной океанической торговли.

Одно из крупнейших открытий геополитического евразийского подхода в экономической теории состоит в выявлении и анализе последствий принципиальной уникальности положения континентальных России-Евразии в отношении морской торговли.

В международном товарообмене решающее значение имеет кардинальное различие размера издержек перевозок по морю и по суше. Из этого следует принципиальный вывод: «океаническому» принципу торговых и интеграционных процессов, выгодному странам «моря», континентальные страны должны противопоставить *принцип использования континентальных соседств*.

Континентальным хозяйственным единицам, далеко удаленным от моря, приходится нести значительные затраты для того, чтобы доставить свои товары к месту их продажи на мировом рынке, или завозить для себя продукты с мирового рынка.

С точки зрения рассматриваемой экономической проблемы, подчеркивает Савицкий, необходимо учесть также замкнутость и замерзаемость большинства русских морей.

Предшествующий анализ подводит к принципиальному и новаторскому тезису Савицкого: *для России-Евразии «перспектива «быть задворками мирового хозяйства» становится — при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен — основополагающей реальностью...* При изолированности от мира — экономическая примитивность, связанная со строем «натурального хозяйства» [1, 408]. При вступлении в «мировое хозяйство» — неизбежная власть хозяйственно-географической «обездоленности» ...». Доказана также долгосрочная характеристика геополитики стран «моря» по отношению к континентальным странам, и прежде всего, России-Евразии: для стран Запада есть все основания добиваться, чтобы континентальные страны безропотно приняли на себя бремя своей географической обездоленности. Это обеспечит Запад дополнительными товарами и рынками сбыта.

Особенную долгосрочную ценность имеют новаторские разработки Савицкого в рассматриваемой экономической сфере — методы устранения специфических экономических проблем «континентальной обездоленности», связанные с созданием хозяйственного взаимодополнения соседних областей континентального мира, причем осмысление проблемы было дополнено математической моделью.

Подытоживая анализ уникального «ультраконтинентального» положения с точки зрения мировой торговли, Савицкий делает вывод об ограниченной роли океанического принципа в построении российского хозяй-

ства. «Не в обезьяньем копировании «океанической» политики других, во многом к России непреложимой, но в осознании континентальности и в приспособлении к ней экономическое будущее России» [1. 418].

Литература

1. Савицкий П. Н. Континент-Евразия., М., 1997.

*К. А. ХУБИЕВ,
Россия, Москва,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, профессор
д.э.н., профессор
khubiev48@mail.ru*

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ЛЕБЕДЯ, РАКА И ЩУКИ

Противоречие 1. Высшее руководство страны объявило патриотизм в качестве государственной идеологии. Опора для нее черпается исключительно из советского прошлого. Особенно интенсивно эксплуатируется тема победы в Великой Отечественной войне. При этом стыдливо и упорно замалчиваются основные факторы победы: общественный строй, идеология, руководители и сам советский патриотизм. Пореформенное настоящее не дает ни одной точки опоры для объявленной государственной идеологии. И это понятно. Результатом целенаправленных реформ либерального толка явились: половинное обрушение экономики к 1998 г., разрушение промышленности, непреодолимое технологическое отставание и более чем десятиmillionное сокращение населения. На что тут можно опереться? Можно назвать подъем экономики и развитие социальной сферы в двухтысячные «тучные» годы. Но, во-первых, «тучный» процесс был результатом экзогенного фактора, не зависящего от целенаправленной деятельности властей. Поэтому он экзогенно и «сдулся». Во-вторых, этот экономический всплеск, по той же причине, не затронул сколько-нибудь технологическое развитие и преодоление отставания. Итак, основания идеологии патриотизма берутся из исторического прошлого. Но экономическая власть вся отдана представителям либерального течения, которое не приемлет советское прошлое. Одновременная опора на советское прошлое в идеологии и на либеральное течение в экономике — существенное противоречие нашего социально-экономического бытия.

Противоречие 2. Экономика России находится в стадии стагнации без явных признаков интенсивного развития. Причины кроются не столько во внешних ограничениях в виде санкций, сколько в отсутствии внятной государственной идеологии и программы внутреннего развития. Либеральная стратегия технологического прорыва через приватизацию и запуск

конкурентного механизма не состоялась. Либерализация внешнеэкономических отношений привела к компрадорскому отношению финансово-экономической элиты к национальной экономике.

Попытки государства выступить инициатором и катализатором развития, в том числе через реализацию приоритетных национальных проектов, не содержат ни потенциала, ни гарантий прорывного развития. Усилия федерального уровня можно охарактеризовать как очередные проекты благопожелательного политического значения, похожие на совсем еще недавние, но уже бесславно забытые проекты инноваций и инновационного развития. Частный бизнес, которому переданы ресурсы в результате радикальной и исторически беспрецедентной по масштабам и темпам приватизации, занял по преимуществу паразитически-компрадорскую позицию. Он не заинтересован в развитии отечественной экономики. Государство, периодически иницилирующее прорывное развитие, уже не обладает для этого ресурсами. **Это самое глубокое противоречие экономической политики на федеральном уровне**, и перспективы его разрешения не видны.

Противоречие 3. В предыдущем пункте отмечалось стремление государства через фискальную политику, в том числе и через реализацию двенадцати приоритетных проектов, всколыхнуть социально-экономическое развитие. Эту деятельность можно обозначить образом **лебедя**. Но монетарная политика имеет противоположную направленность. Во главу угла поставлено таргетирование инфляции, что относится к классическим инструментам сдерживающей монетарной политики. Ей соответствует образ **рака**. Крупному национальному бизнесу соответствует образ **щуки**. Претензии на государственные (а не самом деле созданные народом) ресурсы сопровождались надеждами на то, что частный интерес задействует сильные стимулы конкуренции и технологического прогресса. Ничего этого не произошло. Для экономистов государственно ответственной ориентации были очевидны мнимые и истинные мотивы расточителей неродных ресурсов. В итоге крупный капитал занял компрадорскую позицию вытягивания доходов из ресурсов и перевода их за рубеж, конвертируя в недвижимость и бизнес за рубежом. Вкладываться в технологическое развитие не в интересах компрадорской буржуазии. В последние годы к критике присоединился голос Нобелевского лауреата Ричарда Талера, который показал мотивационное различие между собственностью наделенной (дармовой) и собственностью приобретенной (заработанной). Политика лебедя, рака и щуки не может дать гармонию и развитие.

Три выделенных противоречия сплетены в единый клубок. Целеполагание развития требует его распутать и гармонизировать: экономику следует гармонизировать с идеологией; рака и щуку либо устранить, либо подчинить лебедю.

*Г. С. ШИРОКАЛОВА
Россия, Н. Новгород,
ПФ ФНИСЦ РАН,
ст.н.с., д.соц.н., профессор
shirokalova@list.ru*

СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Вне зависимости от политических симпатий/антипатий россияне все чаще сталкиваются в повседневной жизни с фактами, свидетельствующими о ностальгии по советскому прошлому и даже сожалении о личном выборе конца 1980-х — нач. 1990-х гг. Для примера приведем признание А. Углова: «...смотрю я на прошедшие московские митинги оппозиции и вспоминаю свое боевое детство ровно 30 лет назад, когда готовился съезд народных депутатов РСФСР. И я громил тогда на митингах КПСС и в числе других журналистов стал депутатом съезда. ... Мы, например, на своих плечах принесли во власть Егора Гайдара, Чубайса и всю так называемую «семибанкирщину» [1, 1].

Ностальгия широко используется маркетологами: в городах открываются кафе, стилизованные под советскую эпоху; выпускаются конфеты, на фантиках которых портреты В. И. Ленина, И. В. Сталина, Г. К. Жукова, В. С. Высоцкого. Маркетологи выбирают целевые аудитории, взгляды которых не обязательно разделяются всеми социальными группами. Обозначенная в материальных объектах ностальгия актуализировала публикации о жертвах тоталитаризма, но авторы признают, что «общественный интерес к советским преступлениям и сочувствие их жертвам стремительно уменьшаются». Объясняется это тем, что «оттесненные на задний план в официальном нарративе, они не только теряют свое значение в коллективной памяти, но также исчезают из частных воспоминаний» [2].

Официальная политика власти с конца 1980-х гг., направленная на разрыв межпоколенных связей через внушение идеи о преступности предков, установивших в 1917 г. советскую власть и поддерживавших ее, в том числе, в годы Великой Отечественной войны, с начала 2000-х гг. постепенно микшируется. Стыдливое признание, что распад Советского Союза величайшая трагедия XX в. и провозглашение патриотизма национальной

идеей в какой-то мере «реабилитировало» в официальных СМИ «поколение победителей», но не революционеров.

Жесткие реалии современной России повысили степень доверия молодежи к рассказам старшего поколения о советском времени, но что осталось в памяти? Взаимосвязь семейной исторической памяти и социальной стабильности в современной РФ пока не стала предметом всестороннего анализа. Особенность же семейной памяти в том, что она является одной из форм памяти народной, нередко противостоящей памяти «государственной», официальной, формирующейся под определенные политические задачи. Имеющая большую эмоциональную составляющую, особенно значимую для молодых поколений, она тот «наставник по жизни», который учит критически относиться к исторической информации, тем самым в значительной степени определяя структуру ценностных ориентаций и выбор жизненных стратегий.

В этом причина использования властью различных механизмов корректировки «народной памяти». Ярким примером этого стало акцентирование с 1970-х гг. через литературу, фильмы «личных обид», которые неизбежно накапливаются у любого человека/поколения, тем более, если их жизнь пришлось на сложные эпохи. Человек ни в чем так не талантлив, как в искусстве самооправдания, поэтому педалирование поиска виновных в его личных ошибках/неудачах, принижение тех возможностей, которые предоставляло ему время, всегда дает нужный манипулятору результат.

По этой причине успеть зафиксировать семейную память пока она сохраняет свою относительную от объективных/субъективных факторов чистоту — значит сохранить достоверное знание о менталитете ушедшей цивилизации. Один из способов такой фиксации — интервью, взятые студентами у своих родных. Такая форма работы имеет под собой не только определенное историческое значение («история повседневности»), она способствует социальной самоидентификации, а также укрепляет связь поколений, которая стремительно разрушается в эпоху глобализации. Информация такого рода имеет и прогностическую значимость.

Рассказы родных о жизни в СССР и РФ позволяют выявить иерархию ценностей «простых людей», составляющих большинство в любом обществе, и веер их потребностей в прошлом и настоящем. Сравнение возможностей удовлетворения таковых в СССР и РФ часто оказывается не в пользу «демократической» России. Для примера приведу смысловые единицы, которые наиболее часто встречаются в текстах, записанных студентами со слов родных. Они дают набор оценок советской и постсоветской цивилизаций, в которых бывают «перемешаны» реальные факты и мифы. Положительное отношение к СССР формируется из воспоминаний о возможностях удовлетворения базовых витальных и социальных потребностей. Поскольку это зависело от наличия работы, ей уделяется

особое внимание: имели работу, получали достойную зарплату и пенсию, гарантируемый и оплачиваемый отпуск, рабочий день длился 8 часов, если случалась переработка, то она оплачивалась в 2-х или 3-х кратном размере, на работе давались путевки «по всему Союзу», профсоюзы стояли на защите трудящихся. Воспоминания о степени защищенности наемного работника выражаются в мифе о том, что с работы уволить могли только по обоюдному согласию. Естественны сожаления об утрате бесплатного качественного образования и здравоохранения, безопасности, уверенности в будущем, «человеческом отношении к труду и друг к другу», «дружбе народов».

Критикуется СССР в основном за отсутствие разнообразия продуктов/товаров/услуг, возможности заграничного отдыха, покупки машины, квартиры, хотя уровень доходов и денежные сбережения позволяли улучшить качество жизни. Изменение моды на одежду, мебель, бытовую технику, виды отдыха визуально подтверждает представление молодежи о «бедности тех времен».

Сравнение студенческих текстов выявляет следующую особенность: положительно оценивающие эпоху СССР, анализируют процесс в более широкой системе взаимосвязей, чем критикующие. Вероятно, закрытие социальных лифтов и падение жизненного уровня будет способствовать увеличению первой группы, тем самым снижая уровень социальной стабильности в РФ.

Литература

1. Угланов А. Никогда такого не было, и вот опять // www.argumenti.ru. 2019 г. № 33.
2. Хазанов А. М. О ком скорбеть и кого забыть? (Ре)конструкция коллективной памяти в современной России // [“Электронный ресурс”] URL: https://istorex.ru/page/hazanov_am_o_kom_skorbet_i_kogo_zabit_rekonstruktsiya_kollektivnoy_pamyati_v_sovremennoy_rossii (дата обращения 20.10.2019).

РАЗДЕЛ III

РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕМЕН: НАМЕРЕНИЯ, ПРАКТИКА, КОНЦЕПТЫ

М. И. БУБНОВА
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
к.с.н., доцент,
maribub@yandex.ru

ФАКТОРЫ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Современные геополитические процессы мирового развития ставят Российскую Федерацию перед необходимостью заниматься тщательной разработкой и последовательной реализацией геостратегии, отражающей факторы национальных интересов страны.

Еще в послании Федеральному Собранию 2000 г. президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул, что «только сильное, эффективное, демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины» [2]. Такое решение предполагает скоординированные действия всех ветвей власти: экономической, политической, правовой, военной, социокультурной и др. При этом постоянно актуализируется своеобразие России, проявляющееся в ее геополитической, исторической и культурной самобытности.

Факторы нового мироустройства носят глобальный характер геостратегии и некоторые из них требуют адекватной реакции, принципиально новой геополитики со стороны и власти, и всего международного научного сообщества.

Угроза существующему мироустройству заключается в том, что существующие международные блоки и формирующиеся военно-политические

союзы, при всей своей организационной строгости, не могут обеспечить противодействия всему спектру современных вызовов и угроз, так как процессы оказываются часто латентными по своей сути и неограниченными в пространстве по своему характеру.

Основные угрозы существующему мироустройству выделяются такие как:

- изменение климата, и как следствие возрастающая роль экологического фактора;
- нелегальная миграция, этнонациональный и религиозный экстремизм, что приводит к возрастающей роли религиозного фактора в геополитике;
- негативные влияние глобализации на культурную самобытность большинства стран и народов;
- угрозы международного терроризма и организованной транснациональной преступности;
- растущий разрыв в уровнях дохода населения Земли и слабый экономический рост.

Как считает Евстафьев Д.Г.: «для России ключевой риск заключается в выдавливании ее за пределы пространства активных геоэкономических процессов и утрат за счет этого существенной доли политического влияния». [1]

Складывающееся геополитическое пространство диктует новые приоритеты геостратегии России.

Геополитическая стратегия включает в себя комплекс таких стратегических многообразий как: экономическую, политическую, военную, культурную, религиозную, демографическую и т.д.

Сегодня предъявляются высокие требования к российской экономике, которая не всегда способна соответствовать современным мировым социально-экономическим тенденциям, ее изменения возможны во взаимодействии инфраструктурных, индустриальных и социальных векторов развития. Только при условии инвестиционной активности появится возможность удержания экономического и политического суверенитета, что имеет особое значение в случае интеграции России в мировое пространство.

Выделяется в этом ряду и социокультурный фактор, так как является кодом цивилизационного опыта населения современной России. Иногда, вопреки экспансивным факторам геостратегии во внутренней и внешней геополитики, когда демографическая составляющая ориентирует на экспансию освоенной территории, социокультурный фактор консолидирует население соседних государств, идентифицируя с глобальными факторами цивилизации.

Таким образом, государственная геостратегия может не совпадать полностью с региональной религиозной и социокультурной геополитикой.

Можно сказать, что эти процессы диалектично проявляются как общее и частное. Геостратегия определяет общую геополитику России, а региональный вектор направлен на единство в многообразии внутренней геостратегии.

Литература

1. *Евстафьев Д. Г.* Ключевые приоритеты России в глобальном контексте. // IF24.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.if24.ru/rossia-v-globalnom-kontekste/?fbclid=IwAR2ab-sos1wrU67zoOwiSAJdR7ZCrOAo7m-Rs6xO3lwN_gvSj5OiOQv8mH0 (дата обращения: 19.10.2019).
2. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим».

А. А. ГУЛИЕВА
Азербайджан, г. Баку,
Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC),
преподаватель
Aquliyeva5@gmail.com

ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

В условиях продолжающегося негативного влияния последствий мирового финансово-экономического кризиса перед нашей страной стоит задача выработки путей устойчивого, не подверженного внешним воздействиям и конъюнктурным колебаниям экономического роста. Обеспечение такого роста видится на путях не просто инновационного развития, но именно всеохватывающей инновационной модернизации, касающейся как собственно экономики, так и всех сторон жизни современного общества.

Говоря о всесторонней инновационной модернизации, мы имеем в виду, *во-первых*, качественное обновление производственного аппарата и в целом основных фондов национальной экономики на базе новейших достижений науки и техники; *во-вторых*, формирование механизма инновационного использования имеющихся в рамках национальной экономики и общества природных, материально-финансовых и человеческих ресурсов; *в-третьих*, качественное обновление существующего кадрового потенциала на основе использования наиболее передовых методик и систем подготовки и повышения квалификации специалистов и создания новых, технологически оснащенных рабочих мест; *в-четвёртых*, совершенствование системы производственных и общественных отношений, ориентированных на наиболее эффективное использование достижений научно-технического прогресса в социально-экономическом развитии; *в-пятых*, комплексное совершенствование среды обитания человека и посредством этого — улучшение общих условий и качества его жизни и трудовой деятельности.

Реализации отмеченных целей способствуют действие в современном обществе *социальных факторов*, влияющих на экономический рост,

чья роль в последнее время только возрастает, К таким факторам относятся:

- общая модернизация производительных сил, включающая в себя составной неотъемлемой частью повышение уровня и качества жизни работников и населения в целом;
- новое качество роста производительности труда, от которого в решающей мере зависит достижение высоких результатов в таких областях, как производство ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни, уровень медицинского обслуживания и образования граждан и пр., и которое в наши дни все больше включает в себя инновационную составляющую;
- инновационное, не отстающее от производственной сферы развитие отраслей, как непосредственно входящих в социальную сферу, так и прочих, смежных с ней, в целом формирующих среду обитания современного человека;
- совершенствование системы хозяйственно-институциональных отношений в экономике и обществе в целом, с одной стороны, усиливающее *социальное содержание* самой этой системы, с другой стороны, оказывающее по принципу обратной связи позитивное влияние на содержание экономического роста;
- состояние и дальнейшее развитие потребительского спроса со стороны населения, свидетельствующее, в частности, о динамике потребностей в услугах социального характера;
- текущее состояние и динамика развития совокупности элементов социальной инфраструктуры, которую можно, с одной стороны, трактовать как совокупность *объектов* образования, научно-исследовательской деятельности, здравоохранения, культуры, отдыха и досуга и пр., а с другой стороны, в более широком смысле, как *непосредственную деятельность* всех указанных элементов, которые посредством решения конкретных социальных задач вносят значительный вклад в совершенствование качества жизни;
- наконец, непосредственно динамика социальных инвестиций, выступающих как составная часть общей инвестиционной деятельности в национальной экономике.

Последний из перечисленных факторов играет особо значимую роль, поскольку реализация всех указанных выше задач требует соответствующего роста материальных затрат в структуре ВВП, что предполагает количественное расширение объемов инвестирования, в том числе в различные области среды обитания человека. Такую совокупность средств, вкладываемых в развитие человека и непосредственно в среду его обитания, мы относим к социальным инвестициям.

В современном Азербайджане большое значение придается государственному инвестированию как составной части общей инвестиционной деятельности. Так, в 2018 г. расходы на государственные капиталовложения, являющиеся составной частью государственного бюджета, выросли по сравнению с 2003 г. в 55,5 раз — с 86,9 млн манатов до 4,8 млрд манатов. Это включает в себя финансирование широкомасштабных инфраструктурных, в том числе непосредственно социальных проектов [1, 17]. В этой связи объективно встает вопрос о более качественном и эффективном использовании таких инвестиций, что выдвигает повышенные требования к эффективности и качеству самой экономической системы.

Литература

1. *Рамиз Мехтиев*. Основные направления стратегии экономического развития Президента Ильхама Алиева. Азербайджанское государственное информационное агентство.—<https://1news.az/news/ramiz-mehtiev-osnovnye-napravleniya-strategii-ekonomicheskogo-razvitiya-prezidenta-il-hama-alieva> (дата обращения: 16.04.2018). С.17.

*В. Г. ДОБРОХЛЕБ
Россия, Москва
ИСЭПН РАН, ИСПИ РАН, г.н.с.
д.э.н., профессор,
vdobrokhleb@mail.ru*

*Т. Ю. ЯКОВЕЦ
Россия, Москва
МИСК, в.н.с.
к.э.н.,
tzag@mail.ru*

О СОЦИАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ 2025¹

В перечне Национальных проектов 2018–2024 гг. проект «Демография» занимает первое место. Это не удивительно — при огромной территории страны численность населения является геостратегическим фактором. О необходимости создавать условия для роста населения России писали такие ученые-энциклопедисты как М. В. Ломоносов, Д. И. Менделеев. А. И. Солженицын предложил сделать национальной идеей сбережение народа. Эти призывы не потеряли свою актуальность и в настоящее время в связи с тем, что с 2016 г. наблюдается второй этап депопуляции в стране, который, с большой вероятностью, продолжится и после 2024 г.

В России депопуляция — не новое явление. За последние 500 лет она имела место перед и во время «смутного времени» начала XVII в., в революционные годы начала XX в. Но в эти периоды депопуляция явилась порождением в т. ч. военных событий. То, что мы наблюдаем с конца XX в. — уникальное явление для мирного времени, которое еще требует своего изучения. Социо-демографическая катастрофа 1990-х еще долго будет демографическим «эхом» сказываться на динамике народонаселения страны.

Создание условий для роста численности населения страны — непростая задача. Россия прошла «демографический переход», поэтому меры стимулирования рождаемости должны быть адекватными современным условиям. Одних материальных мер недостаточно — необходим комплекс-

¹ Публикуется при финансовой поддержке РФФИ грант № 19-010-00136 «Фундаментальные основы и система приоритетов долгосрочной стратегии преодоления социодемографического кризиса в мире и в России».

ный подход к решению этой задачи. Мы предлагаем к 2025 г. разработать и принять Социальную доктрину 2025. О ее необходимости писали Н. М. Римашевская (2003), С. С. Сулакшин (2010) и другие.

Сегодня и в ближайшем будущем мы наблюдаем, и возможно будем наблюдать рост социальной напряженности, связанный с падением доходов населения, высвобождением из производства значительных групп занятого населения, повышением пенсионного возраста. Эти факторы должны быть увязаны в Социальной доктрине 2025. Ее разработку желательно не откладывать. Для этого потребуются скоординированные усилия ученых и специалистов разного профиля. В ней можно будет учесть опыт, как положительный, так и негативный, по реализации Национальных проектов 2018–2024 гг.

Мы предлагаем при разработке Социальной доктрины 2025 использовать такой подход, как в разрабатываемой нами теории «хозяйства народонаселения», в рамках которой мы опирались на идеи профессора Ю. М. Осипова, который в 2012 г. на Дне науки в МГУ имени М. В. Ломоносова предложил подходить к анализу проблем народонаселения с позиции хозяйственной, в трактовке С. Н. Булгакова и Ю. М. Осипова. Предмет «хозяйства народонаселения» — деятельность человечества по организации воспроизводства народонаселения. Данное воспроизводство происходит на двух уровнях — в семьях и на уровне государства путем создания социодемографического комплекса страны, который включает в себя сферу услуг данного комплекса (социальное обеспечение и обслуживание различных категорий населения, требующих заботы общества и государственной поддержки; здравоохранение и медицинское обслуживание населения; образование во всех его формах; культура, отдых и туризм; физкультура и спорт); жилищно-коммунальное хозяйство; агропродовольственный комплекс, включая производство и переработку продовольствия; легкую промышленность; пассажирский и личный транспорт, персональную связь. В случае расширенной трактовки социодемографического комплекса страны в него можно включить розничную торговлю и услуги населению банковской сферы. Социодемографический комплекс страны требует государственного регулирования, что должно быть отражено в Социальной доктрине 2025.

Социальная доктрина 2025 может способствовать соблюдению в России социальной безопасности, чтобы исключить «сваливание» страны в очередную социальную катастрофу, как это уже не раз было. Для этого необходимо серьезно проработать саму концепцию «социальной безопасности» в процессе разработки Социальной доктрины 2025.

Разработка и принятие в 2025 г. на уровне федерального закона Социальной доктрины РФ позволит реализовать на практике статью Конституции РФ о том, что страна является социальным государством.

*О. В. ДОБРОЧЕЕВ
Россия, Москва,
НИЦ Курчатовский институт,
в.н.с., к.т.н.
АНО Институт развития ВЭБ,
советник
olegdobro@list.ru*

ВТОРАЯ ВОЛНА РОССИЙСКОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

В естественном историческом развитии, как это обнаружено в исследованиях академиков Б. Н. Кузика и А. Т. Фоменко, член-корр. Ю.М. Бабурина и автора помимо длинных волн Н.Д. Кондратьева присутствуют еще более продолжительные сверхдлинные 300—400-летние. В глобальном мире они, по нашему мнению, становятся доминирующими. Поэтому при разработке развернутой концепции России ее, в начальном приближении, можно рассматривать как вторую после Советской России волну сверхдлинной истории социального государства, пришедшего в 1917 г. на смену 300-летней династии Романовых, т.е. в некотором смысле, рассматривать как проект «СССР 2.0». Об этом говорит достаточно длинная история изысканий в области физической и социальной самоорганизации, начатая более 50 лет назад Борисом Белоусовым и Анатолием Жаботинским в СССР, Ильей Пригожиным в Бельгии, Германом Хакеном в ФРГ и продолженная в России автором в форме гипотезы социальной турбулентности или натуральной философии хозяйства. А помимо этого, еще и во многом подтвердившийся рамочный прогноз автора 1994—1999 гг. возникновения на месте Советской России новой страны под названием «Пятая Россия». Подтвердившийся, в частности, точными датами разворота экономики страны с падения на подъем в 1998 г., восстановления ее ВВП после 2006 г., и входа России в пятерку ведущих глобальных держав в 2015–2020 гг. Сегодня этот совершенно невероятный 25 лет назад прогноз признается не только западными политиками, такими как Трамп и Макрон, но и российскими. В начале этого года о феномене новой России начал активно писать и говорить В. Сурков.

После того, как страна за 28 лет пережила такой фантастический (и закономерный с точки зрения некоторых новых научных теорий, таких как социальная турбулентность) разворот из небытия к новой истории,

ее будущее стало более прозрачным, чем в середине 1990-х гг. Поэтому мы можем сегодня говорить уже о неизвлекаемости Пятой России из цепочки ее новых исторических превращений, начавшихся в советской стране. Инерция, накопленная в процессе выхода России из сверх кризиса 1990-х, велика. Поэтому у второй российской волны социального по внутренней структуре и глобального по своему внешнему влиянию государства мы можем только несколько поднять или опустить границы грядущих свершений, используя тот или иной свой или чужой опыт.

Как известно, лидер второй волны предшествующей сверхдлинной 300-летней истории династии Романовых Петр Великий для подъема России воспользовался движущими силами Европы, находившейся тогда на подъеме волны индустриализации. Сегодня же по признанию лидеров G7, таких как Э. Макрон и Д. Трамп, Запад утратил ведущие позиции. В таких обстоятельствах России придется больше полагаться на наш национальный гений, как это было в аналогичный период мировой истории во времена Екатерины II и М. В. Ломоносова. И поэтому выстраивать в новых глобальных условиях нам придется не европейскую, а глобальную, или по-русски всемирную или, даже, вселенскую державу.

У такой страны неизбежны высокие исторические устремления, не менее фантастичные, чем были у Советской России, первой запустившей человека в космос. Такие устремления долго вызревают в глубине национального сознания и «неожиданно» выплескиваются только в моменты крайней исторической необходимости. Как это было в 1950-х гг. в СССР, и как это естественным ходом истории произойдет во второй половине 2020-х — начале 2030-х. И как задолго до полета Гагарина Циолковский, Вернадский и Павлов формулировали многие естественнонаучные и философские основы космического будущего XX в., так и сегодня в стране ждут своего часа новые открытия естествознания и гуманизма XXI в.

России только надо немного встряхнуться, перестать оглядываться назад и по сторонам и понять, наконец, что мы живем в новой стране новой исторической эпохи, научные и гуманитарные основы которой уже заложены нашими предшественниками и современниками.

И двинуться вперед.

Н. Д. ЕЛЕЦКИЙ
РФ, Ростов-на-Дону
Южный университет
заведующий кафедрой,
д.э.н., профессор
nde527@yandex.ru

УПРАВЛЕНИЕ ФОРМАМИ НЕОГЛОБАЛИЗАЦИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКОГО ВЛИЯНИЯ

Сформировавшаяся к настоящему времени система глобального управления стала результатом проявления объективных закономерностей глобализации, но, в то же время, воплотила недостатки и противоречия, обусловленные стихийным, в основных параметрах, процессом возникновения глобальных управленческих структур. Эти недостатки и противоречия привели, в частности, к кризису государственно-однополярной американоцентричной модели глобализма и обусловили теоретическую и практическую значимость проблемы неоглобализации, атрибутом которой, в свою очередь, стала необходимость исследования *самого процесса глобализации как объекта управления*. Актуализация анализа соотношения понятий «глобальное управление» и «управление глобализацией» в контексте современного состояния и эволюции атрибутов государственности стала одним из следствий мирового финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг., выявившего историческую предельность государственно-однополярного глобализма и несоответствие реалиям «неоэкономики» сформировавшегося механизма доминирования финансово-спекулятивного капитала над реальным сектором мирохозяйственной системы.

Выявившаяся на современном этапе развития глобального социума необходимость управления ходом глобализационных процессов, разумеется, не отрицает и не уменьшает объективный характер причин, тенденций и закономерностей глобализации. Но научный подход к её анализу требует четкого понятийного разграничения стихийно сформировавшихся механизмов и инструментов глобального управления, с одной стороны, и задач управления ходом самой глобализации — с другой. По-видимому, правильной является постановка вопроса о том, что объектом сознательного общественного управления могут быть не объективные параметры

глобализации, а формы ее проявления и развития, в силу их вариантности и соотнесенности с сознательной деятельностью людей, а конкретнее — субъектов (акторов) глобального управления, и прежде всего — крупнейших государств.

Вариантность современных концептуальных подходов к проблеме управления неоглобализацией обусловлена, прежде всего, противоречиями между глобализационной унификацией всех сторон социальной жизнедеятельности, с одной стороны, и государственно-организованной дискретностью общественных взаимодействий — с другой. В условиях модификации и ослабления роли традиционных форм государственного суверенитета возрастает значимость новых исторических форм государственности и межгосударственных отношений, порождаемых закономерностями глобализации. В перспективе неоглобализационной трансформации ощутимыми особенностями характеризуются традиционная (американоцентричная), китаецентричная и многополярная концептуальные модели управления формами глобализации.

Вариантность концептуальных подходов к управлению формами неоглобализации проявляется применительно к её *целям, объектам, субъектам и методам (механизмам)*. Цели управления неоглобализацией объективно должны быть ориентированы на общечеловеческие интересы; объектами этого управления являются все глобально значимые элементы, стороны и формы общественных взаимодействий. Наиболее сложным и противоречивым в настоящее время является вопрос о субъектах управления глобализацией, т.к. фактически сложившаяся система глобального управления приняла форму гегемонистского глобализма, соответствующего интересам геоолигархии. Ее организационно-властным воплощением стала глобократия, представленная государственным аппаратом одной или нескольких доминирующих держав, а также бюрократическими структурами международных организаций. Переориентация деятельности этих организаций на общечеловеческие цели — важнейшая объективная задача формирования системы управления глобализацией в соответствии с ее внутренней социальной природой. Это возможно лишь посредством формационных изменений сущностных экономических и политических характеристик глобального социума на базе технических параметров не-оэкономики и перехода к неоглобализации с использованием планомерных методов регулирования и развития общественных отношений. Существенно, что без формационных перемен сама по себе смена одного государства—гегемона на другое не сможет способствовать преодолению сформировавшейся к настоящему времени модели глобализма.

Сохранение в обозримом будущем взаимодействия объективных тенденций глобализации и дискретных государственно-организованных структур требует от правительственных институтов поиска оптималь-

ных форм сочетания интеграции в глобализационные процессы и защиты национально-государственных интересов. Это особенно актуально для России, с учётом значительности геоэкономического и геополитического потенциала, с одной стороны, и, в то же время, противоречивости международного позиционирования как объекта и субъекта глобального управления, с другой. Россия является одним из ключевых акторов современной геополитической конфигурации, однако её влияние как субъекта управления формами глобализации ограничено незначительностью геоэкономической роли. В свою очередь, усиление этой роли в глобальной неоэкономической системе возможно лишь в контексте общемировых тенденций формационных изменений, что неизбежно требует преодоления экономического и политического господства компрадорской олигархии и симбиозного с ней коррумпированного чиновничества, являющихся малозначимыми и зависимыми объектами управления со стороны доминирующей в современном мире глобократии.

*Д. С. КЛЕМЕНТЬЕВ,
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
д.ф.н., профессор,
Klementiev@spa.msu.ru*

УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОГЕНЕЗОМ ПРИ АКТИВНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ПРИРОДНУЮ СРЕДУ

Процесс трансформации природной среды, под воздействием различных видов технической деятельности человека, принято считать техногенезом. «Используя ресурсы окружающей среды, человек создает благоприятные условия для своей жизнедеятельности, в результате формирования необходимой для современной жизни инфраструктуры, естественные экосистемы все больше превращаются в природно-технические системы» [3].

В целях контроля за хозяйственной деятельностью человека необходим управленческий контроль за процессами природопользования. Управления техногенезом предполагают соответствующие органы управления. Становление и формирование соответственных органов осуществляется в соответствии с механизмами регулирования, в основе которых должны лежать и законы природопользования, и экономическая целесообразность, а также научно-исследовательская модель, отражающая наличие объектов, несущих риски и возможную угрозу техногенного воздействия.

Управление техногенезом можно определить как процесс, направленный на преодоление техногенных и экологических рисков. Среди управления безопасностью и риском наиболее эффективными, в первую очередь, являются критерии законов природопользования, предполагающие экономическую целесообразность, которая включает механизмы и кредитования, и налогообложения, и штрафные санкции, и ряд таких материальных ресурсов как трудовые и финансовые механизмы, а также перераспределения риска и страхования.

Указанные критерии природопользования позволяют фиксировать тот факт, что процесс техногенеза значительно превышает нормы допустимости любого другого геологического, геохимического, физикомеханического, гидрогеологического и инженерно-геологического воздействия. Преобразовании био- и геосфер в процессе технологической

деятельности заключается в извлечении из окружающей среды ряда химических элементов и перегруппировке органических соединений и природных ресурсов [2].

Техногенное воздействие в процессе природопользования в первую очередь осуществляется путем сбрасывания в нее отходов хозяйственными объектами при непосредственном контакте. Природная среда функционирует в соответствии с хозяйственной деятельностью человека и циклами этой деятельности. На эти процессы наиболее интенсивно воздействуют циклы системной деятельности, а не естественные природные ритмы. Зоны природопользования совпадают с зонами взаимодействия соответствующих субъектов, а также совокупностью хозяйственных систем.

Природные ритмы и совокупность природных компонентов, таких как: воздух атмосферы, почвенный покров, подземные и надземные воды, рельеф — подвержены не естественному природному взаимодействию, а включают в себя в различных сочетаниях воздействия хозяйствующих субъектов. В процессе техногенных трансформаций рельефа происходят наиболее значительные изменения во всей экологической системе, это всегда риск, который может обернуться полным исчезновением природного ландшафта.

Руководящим началом определения условий эксплуатации и рисков природопользования является нормативная база, учитывающая в оценках безопасности и риски при эксплуатации промышленных объектов, и ряд других факторов технических систем. Именно нормативная база должна объективно отражать требования законов Российской Федерации, определяющих принципы и условия безопасности и целесообразный допустимый уровень риска [1]. Нормативные и правовые вопросы управления рисками осуществляются в соответствии с законами РФ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с изменениями на 29 июля 2018 года) и «О техническом регулировании» (2002 г.) [4]. В этом законе отражаются следующие три ключевых положения: лицензирование промышленной безопасности; декларирование видов деятельности с соблюдением принципов промышленной безопасности; страхование ответственности. Такая контрольная методология, направленная на выявление и оценку степени риска, должна способствовать предупреждению рисков, связанных с промышленной деятельностью.

Литература

1. “Базовая модель определения критериев и категорий риска” (утв. протоколом заседания проектного комитета от 31.03.2017 N 19(3)).
2. Словарь терминов МЧС. EdwART. М.: 2010.

3. Суздалева А.Л., Безносков В.Н. Экстремальные техногенные воздействия на окружающую среду: классификация и критерии оценки. Доклады Московск. об-ва испытателей природы. Т.36. М.: «Графикон-принт», 2005. С.134–135.
4. Федеральный закон 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» (с изменениями на 29 июля 2018 г.). Федеральный закон 184-ФЗ «О техническом регулировании» (2002 г.).

*Н. П. КОЗИЕНКО
Россия, Новосибирск,
Независимый исследователь,
kistanovvadim@yandex.ru*

КАКИЕ ЖЕ ПЕРЕМЕНЫ НАМ НЕОБХОДИМЫ: В РОССИИ ИЛИ САМОЙ РОССИИ?

Популярное среди части интеллектуальной элиты мнение о России как об особой цивилизации принять, конечно, нельзя, поскольку оно зиждется на ложном понимании объективной логики генезиса общественно-экономических формаций. Как мы доказываем в своих исследованиях, она предопределяется природой мотивации деятельности человека. А именно, её бессознательными истоками, связанными со способностью человека к осмыслению мира в эстетических, то есть внелогических, категориях. Предопределяя тем самым стремление человека к безграничному росту потребностей [1, 102].

И поэтому все этносы объективно должны были бы реализовать идентичную логику генезиса общественно-экономических формаций, завершением которой стало бы существование общества, в котором была бы провозглашена священность собственности индивида на всю произведённую им стоимость. Но этого не случилось. При этом сбои в генезисе общественно-экономических формаций происходили как по объективным причинам, так и вследствие идеологий разного толка.

Идеологии же мы квалифицируем как ложное знание о человеке, в котором обосновывается необходимость перевоспитания человека на основе религиозного или морального кодексов, призванных ограничить его индивидуализм.

Самыми фундаментальными образцами идеологических (тоталитарных) общественно-экономических формаций мы считаем общества с азиатским способом производства, феодальные, национал-социалистические и социалистические государства. При этом общества с азиатским способом производства мы рассматриваем как предельную трансформацию отношений собственности, сложившихся в первобытнообщинном обществе вследствие низкого уровня развития производительных сил, делающих невозможным выбор в пользу частной собственности непосредственных производителей.

Попытки найти подходы к совершенствованию производства в капиталистических общественно-экономических формациях предпринимаются не только в нашей стране, но и во всём мире. Однако проблемы в производстве всех капиталистических стран предельно фундаментальные. Мы имеем в виду существование эксплуатации наёмных работников, безработицы и инфляции.

Социализм же не только не преодолел всегда существовавшие при капитализме проблемы, но и привнёс во все сферы общественной жизни не менее фундаментальные проблемы. Поэтому, на наш взгляд, научному сообществу предстоит по-новому осмыслить логику развития общественных формаций с тем, чтобы понять, есть ли возможность существования формации, альтернативной как капитализму, так и социализму не только в части создания предельно благоприятных условий для развития производительных сил, но и в части создания свободного и социально справедливого общества [1, 99].

Возможность отказаться от эксплуатации и инфляции как стимулов для развития производства возникает лишь при наличии предпосылок непротиворечивого развития производительных сил и потребления. То есть тогда, когда чистая экономия от применения машин будет столь значительной, что обеспечит не только их воспроизводство, но и равный амортизации прирост дохода, идущего на рост потребления [2, 515].

Только при наличии таких предпосылок может быть построена общественная формация, в которой не будет эксплуатации человека не только человеком, но и государством, что позволит реализовать в ней принцип священности собственности индивида на всю произведённую им стоимость. При реализации такого принципа собственности экономический базис формации будет представлен Союзом кооперативных собственников [1, 108].

Именно такую экономику мы называем оптимальной.

Количественные же характеристики эффективности использования основных средств производства, позволяющие построить оптимальную экономику, мы рассматриваем как константы, обеспечивающие её существование.

Литература

1. Козиенко Н. П. Оптимальная экономика как воплощение идеи социально справедливого общества // Российское перестроение: неоэкономика, неоиндустриализация, неоидирижизм / Под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова; Ростов н/Д., 2017. С. 99–108.

2. *Козиенко Н. П.* Индустриализация и логика истории: как связаны эти феномены? // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перегрузка. Сборник докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2017) Том 3 / Под общ. ред. С. Д. Бодрунова. СПб., 2018. С. 508–518.

*Е. В. КОСОВ,
Россия, Москва
к.э.н., профессор
ekosov38@mail.ru*

ЗАЧЕМ НУЖНЫ РАЗНЫЕ ДЕНЬГИ

Деньги «изобретались» много раз в разных уголках Земли. Само по себе использование денег не требует каких-то особых технологических приемов, это в чистом виде психологический прорыв — исключительно в коллективном сознании. Деньги возникают в социуме в качестве некоего «посредника», о котором люди как-то договорились меж собой, что его можно использовать при обмене на товары и услуги. Для взаиморасчетов использовались раковины, соболиные и куны шкурки, луковицы тюльпанов и многое другое.

С развитием индустриализма на смену золотому обороту пришли денежные ассигнации, гарантирующие их держателю получение ценностей на сумму, которая цифрой была напечатана на бумаге. Если золото (вещество) невозможно подделать, то в бумажных деньгах цифры, которые напечатаны, мало что значат. Хотя золото само по себе — тоже никакая не стоимость. Стоимостную оценку золото получает только посредством денег и цен. Цена может быть любой (но не какой угодно!), просто цена на конкретный товар соотносится в нашем сознании со всеми другими ценами [3].

С отрывом денег от золота четко проявляется нематериальная суть денег. Стоимость товаров и услуг, выраженная в деньгах и ценах, пребывает лишь в нашем сознании, а следовательно субъективна. Деньги — это виртуальный мир в сознании человека, то есть любые деньги — это чистая психология.

Потребительские деньги. Когда говорят о деньгах, подразумевают, прежде всего, деньги, на которые люди покупают еду, одежду, жилье и автомобили. Потребительский кредит стимулирует общественное производство через расширение спроса. Постиндустриальная экономика становится преимущественно сервисной, где стал доминировать сектор услуг. Более того, на сцену выходит «экономика впечатлений»: престижные авто, драгоценности, дорогие наряды нужны прежде всего для того, чтобы произвести впечатление!

Капиталовложения (stock money). Различие между потребительскими деньгами и капиталовложениями (инвестициями) проявляется на каждом шагу и является источником подмены понятий в области денег. Потребительский и инвестиционный сектора связаны, самый распространенный случай — *ипотека*, финансовый механизм со своими особыми параметрами кредитования для строительства и покупки жилья. Дома покупаются и для того чтобы там жить (удовлетворение потребностей), и для того чтобы перепродавать дома (случай спекуляции) или сдавать в аренду для получения предпринимательского дохода.

Криптовалюта. Доля информационной (цифровой) экономики в современном мировом производстве постоянно растет. Если в XIX столетии физический труд занимал 2/3 общего баланса времени человечества, то в начале XXI в. физический труд составляет лишь 15% [2].

Информационные продукты в сфере «цифровой экономики» не отчуждаются и не уничтожаются. Интеллектуальная собственность не переходит к покупателю, а остается за его создателем. Эта особенность информационного товара вызывает к жизни необходимость введения новых способов эквивалентного измерения его стоимости. Мерой обращения информационных товаров удобнее считать уже не золотой эквивалент, как это существует при обращении материально-вещественных товаров, а специфический эквивалент — *криптовалюту*, которая работает на протяжении всего жизненного цикла информационного товара. Криптовалюта пережила первоначальный взлет интереса, а теперь ее создателям и сторонникам придется работать над тем, чтобы криптовалюта стала совместима с существующей денежной системой.

Эрги. Потребительские деньги на золотом их содержании, инвестиционные деньги «сток-мани», криптовалюта при обращении информационных товаров — все это неизбежные спутники экономики постиндустриализма. Возможно, что в системе стоимостных отношений появятся «эрги», как необходимый инструмент при обмене произведенной энергий. То есть продажа/покупка энергетических товаров в мире будет происходить исключительно через специфическую валюту. С такой идеей выступал еще в 20-е гг. XX в. А. А. Богданов [1].

Аналогично можно предположить появление особых «водяных денег», регулирующих потребление питьевой воды из всех мировых источников.

* * *

«Если проблему можно решить деньгами, то это не проблема, это просто расходы» (*Еврейская мудрость*). Когда будет срублено последнее дерево, когда будет отравлена последняя река, только тогда люди поймут — не в деньгах счастье!

Литература

1. *Богданов А. А.* Тектология — Всеобщая организационная наука. М., 1989.
2. *Косов Е. В.* Национальные интересы и либеральные ценности. М., 2015.
3. *Осипов Ю. М.* Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы. М., 2013.

*К. В. МОЛЧАНОВ
Россия. Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет, с.н.с.,
д.ф.н., к.э.н., к.соц.н.
kmolchanov@econ.msu.ru.*

ПРОЕКТ «КАПИТАЛ-2» КАК ОСНОВАНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ СОЗДАНИЯ И РОСТА ЭКОНОМИКИ РОССИИ ИЗ СЫРЬЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Результаты многолетнего обсуждаемого развития экономики России не впечатляют, и даже поручение Президента РФ о создании программы роста экономики (2016 г.) так до сих пор и не выполнено. Поэтому возникает логичный вопрос о причинах такого положения дел, в частности, о серьезных проблемах в понимании того, что и как нужно делать, а уже это в свою очередь, связано с возможностями познания, т. е. речь фактически идет о современной российской экономической науке — о ее несовершенстве [2], что наглядно подтверждается состоянием российской экономики.

Тогда необходимо говорить о переосмыслении российского экономического познания, что определяет не столько даже его критику [4], сколько выяснение причин его неэффективности, что в свою очередь невозможно без исследования его содержания и основ. А в этом смысле в первую очередь следует говорить, конечно же, о Марксовом экономическом учении — и как о всемирно признанном базисе экономических исследований, и как об основе советской политической экономии, правопреемницей которой без всяких критических преобразований и коррекций стала современная российская экономическая наука. При этом становится актуальным выяснение и исправление ошибочных представлений в экономическом учении Маркса, прежде всего в его «Капитале», и соответственно переосмысление современной российской экономической науки, чему служит проект «Капитал—2», и в обозначенном ракурсе важны следующие его положения.

1. Диалектика как гносеологическая основа проекта, возможности которой существенно превосходят материалистичное объективно-научное познание (лежащее в основе как Марксизма, так и экономической науки),

в первую очередь, за счет определений рефлексированного существующего. Отдельно отметим, что в проекте искоренены «законы диалектики» Энгельса, применяются рефлексивные инструменты и используются противоречия в качестве объективных внутренних источников определений (знаний) и познания, а не мнения (ученых), ибо «противоречие есть корень всякого движения и жизненности» [1, 518].

2. Российская экономическая действительность как эмпирическая основа проекта, что позволяет говорить о развитии именно российской экономики.

3. Диалектическое позиционирование проекта «Капитал—2» в сфере экономического познания, обеспечиваемое в силу отрицания отрицания в смысле гегелевского учения о бытии (за счет критики и отрицания Марксизма экономической наукой, преследующей цели развития капитализма и прибылей, и критики и отрицания последней в проекте «Капитал—2») и позволяющее а) осуществлять более глубокое осмысление экономической действительности, чем в «Капитале» и экономической науке, за счет использования диалектических инструментов; б) формировать адекватные современной экономической реальности категории и методы, исходя из бытия экономики, а не из мнений экономистов и чиновников; в) оценивать и развивать теоретические аспекты с имманентных позиций необходимости, а не привносимых извне желаемых целей и задач.

4. Изучение противоречий и теоретических, предметных и методологических ошибок, допущенных К. Марксом в «Капитале» (некоторые уже обозначены в ряде наших работ (см., напр., [3])), без понимания и искоренения которых невозможно говорить о позитивном развитии вообще экономического познания.

5. Переосмысление базовых экономических категорий, начиная со стоимости, включая понятия денег и капитала, что предопределяет принципиально новый взгляд как на заблуждения экономической науки, так и на современную экономическую практику.

6. Когнитивное опосредствование практики, с одной стороны, как определение производительных знаний и возможностей формирования на их основе экономических технологий, а с другой стороны, как получение объективных моментов бытия для формирования суждений (выводов, программных положений).

7. Развитие понятия общественной формации в смысле фигур умозаключений с определением перспективных форм социально-экономического развития, в частности осмысливаемой нами новой общественно-экономической формации.

Решение задачи по созданию в России экономики из сырьевой экономики, включая рассмотрение вопросов социально-экономического и инновационно-технологического развития и создания программы роста

экономики, исследуется на основе применения рефлексивных диалектических положений (которые не рассматриваются в материалистичных науках), позволяющих выразить моменты бытия реальной экономики в их и ее противоречиях, которые, в свою очередь, диалектически решаются и создают систему положений основания, образующих в связи с имеющейся реальностью в свете решений государственного уровня необходимые предметы (программные положения), которые в ходе исполнения диалектического процесса необходимости выражают обоснованную и необходимую систему мер — программу создания и роста экономики России из сырьевой экономики. Основное достоинство соответствующего формирования программы — создание и развитие экономики, исходя из ее бытия, а не из чьих-либо мнений.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Соч. в 14 т. Т. 5. М., 1937.
2. Молчанов К. В. К критике современной российской экономической науки (некоторые базисные положения) // Международная научная конференция «Ломоносовские чтения—2016». «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова): Сборник статей / Под ред. А. А. Аузана, В. В. Герасименко. М., 2016.
3. Молчанов К. В. О начинании проекта «Капитал—2» // *Философия хозяйства*. 2019. № 3.
4. Осипов Ю. М. Экономика как есть. М., 2017.

*М. Г. ПОКИДЧЕНКО
Россия, г. Москва
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет, профессор
д.э.н., профессор
pokidchenko@yandex.ru*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ — ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В современной экономической науке, а следовательно, и в экономической политике, к сожалению, доминирует пренебрежение к историческому подходу. При обосновании экономической политики происходит произвольный выбор одной из теоретических концепций. Как правило, мотивация при этом выборе следующая — делается попытка скопировать экономическую политику развитой страны (США или одной из ведущих стран Евросоюза), в надежде, что применение этой политики быстро даст нашей стране такой же уровень экономического развития. Тем не менее, этого не происходит и, в частности, потому, что не учитываются исторические особенности нашей страны.

Обратимся теперь к известным моделям экономической политики — это неолиберализм и кейнсианство. Ключевая задача кейнсианства заключается в стимулировании экономики с помощью налоговых и кредитных рычагов, а также государственных инвестиций. Неолиберализм предлагает, чтобы государство только обеспечивало условия свободной конкуренции (с помощью совершенствования законодательства, антимонопольной политики и т.п.) в результате чего вернется экономическая активность и заработает механизм саморегулирования экономики. В рамках неолиберализма в 1970-е гг. в связи с появлением хронической инфляции выдвинулась новая школа монетаристов, которая добавила к общим целям неолиберализма борьбу с хронической инфляцией. Идея заключалась в том, что по мнению монетаристов не только монопольные, но и инфляционные цены скрывают реальное соотношение спроса и предложения в экономике, мешают бизнесу принимать правильные решения и тормозят деловую активность. (Сразу можно сказать, что наш «экономический блок» правительства выбрал неолиберальную, монетаристскую экономическую политику). Если сравнивать эти модели экономической политики абстрактно, то можно признать, что каждая из них имеет свои достоинства

и недостатки и, если бы наши министры были частными лицами, их симпатии в этой области никого бы не волновали. Но, поскольку от их действий зависит вся экономика нашей страны, и эти действия не приносят желаемого экономического роста, нашим министрам все чаще задают неудобные вопросы, в том числе на самом высоком уровне. А поскольку наши министры свято верят в то, что единственно правильной является концепция монетаризма и с упорством, достойным лучшего применения, продолжают свою экономическую политику, ситуация возникает тупиковая.

С другой стороны, в нашей стране существуют «особые экономические зоны» и «регионы опережающего развития», где, очевидно в виде исключения, применяются кейнсианские методы — налоговые льготы, дешевые (2—5%) кредиты (обычные кредиты выдаются под 12—15%) и т.п. Возникает наивный вопрос, почему бы не распространить эти меры на всю российскую экономику? Если не хватит денег на всю экономику, можно вспомнить опыт послевоенной Японии — в начале государственную поддержку получали отрасли «первой очереди», затем отрасли «второй очереди» и т.д.

Кроме того, нужно вспомнить, что кейнсианство и неолиберализм были созданы для экономики развитых капиталистических стран. Наша же страна прошла пока еще небольшой (по историческим меркам) период капиталистического развития. Россия — страна развивающаяся. Следовательно, здесь должно быть использовано знание истории.

Экономики всех развитых капиталистических стран «на заре туманной юности», получали помощь и поддержку государства (кстати, Кейнс при разработке своей теории опирался на опыт раннего капитализма). Так, политика протекционизма использовалась, пока капитализм определенной страны был еще слаб, затем в период расцвета эта страна переходила к либеральной политике фритредерства (свободной международной торговли), а затем, когда капитализм в этой стране старился и становился уже слабым, снова наступал период протекционизма. Например, в США (образце для наших либералов) в первой половине XIX в. применялся протекционизм, затем, с конца XIX в., по мере роста претензий США на мировое лидерство, стали нарастать симпатии к свободной торговле, а сейчас Трамп все снова больше переходит к протекционизму (в то время как рвущийся в экономические лидеры Китай выступает за свободу международной торговли).

Поэтому от лица российского бизнеса (особенно мелкого и среднего) следует обратиться к правительству с известной фразой: «Не учите меня жить — лучше помогите материально!».

Литература

1. Покидченко М. Г., Чаплыгина И. Г. История экономических учений. М., 2015.

*А. К. РАССАДИНА,
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет
к.э.н.,
rassalla20@yandex.ru*

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ И РОЛЬ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Несмотря на некоторое уменьшение объемов деятельности транснациональных корпораций (ТНК), они по-прежнему остаются главным экономическим фактором, влияющим на структуру и объем международного разделения труда, объем мирового производства. Этот фактор обуславливает первостепенное влияние ТНК на интернационализацию экономической жизни, мировые глобализационные и интеграционные процессы.

В 2016 г. насчитывалось порядка 100 тыс. материнских ТНК с более чем 890 тыс. филиалов и аффилированных компаний за рубежом. На них приходится приблизительно 2/3 всей мировой торговли (36,4 трлн долл.) [1,212]. В качестве иллюстрации значения деятельности транснациональных корпораций для развития мировой экономики может служить то, что 2013 г. их общая стоимость в четыре раза превосходила мировой ВВП [3].

В основе преобладающей роли ТНК в мировой экономике лежат прямые иностранные инвестиции (ПИИ), посредством которых осуществляется их экспансия в мире. Объемы вывоза капитала в виде ПИИ транснациональными корпорациями экономически развитых стран в последние годы постоянно увеличивались, что привело к относительному стиранию различий между внутренними и внешними рынками национальных государств. Сегодня более 90% ПИИ в зарубежные страны осуществляются ТНК. При этом США по-прежнему являются наиболее крупным экспортером ПИИ в мире, а американские ТНК остаются наиболее многочисленными и мощными. В 2015 г. объем добавленной стоимости, которую произвели американские транснациональные корпорации, составил 5.318,8 млрд долл., что иллюстрирует их вклад в ВВП США и принимающие зарубежные страны [2].

Однако в настоящее время имеет место тенденция, связанная с постепенным переносом производственной активности, осуществляемой ТНК, с филиалов на национальные производства, что связано с общим трендом в оффшоризации, которую мы наблюдаем сегодня.

Инвестирование зарубежных ТНК в российскую экономику началось со второй половины 80-х гг. прошлого века. Сегодня 80 из 100 мировых транснациональных корпораций оперируют на территории РФ практически во всех сегментах российской экономики. В их число входят такие компании как Nestle, Coca Cola, IKEA, Henkel Group, Google, General Motors, Nike, MetroAG и многие-многие другие.

Прямые иностранные инвестиции оказывают значительное влияние на экономическое развитие России. При этом факторы такого влияния носят как положительный, так и отрицательный характер. К положительным факторам следует отнести создание в процессе прямого иностранного инвестирования высокопроизводительных рабочих мест, применение инновационных продуктов и высококвалифицированной рабочей силы, а также трансфер передовых знаний и технологий. К положительным можно отнести и тот факт, что ПИИ зарубежных ТНК активизируют борьбу за доли рынка, тем самым стимулируя отечественные компании к развитию, внедрению передовых технологий, инвестированию в новое оборудование и продвижению своих товаров, к использованию инновационных продуктов, что в итоге способствует росту конкурентоспособности российских компаний и их эффективности. Это связано с необходимостью развития в условиях конкуренции. В результате выигрывают те отечественные компании, которым удалось встроиться в данные процессы.

Однако у этих процессов есть и обратная, негативная сторона, которая заключается в воздействии зарубежных ТНК на перераспределение долей на российском рынке и изменение его структуры не в пользу отечественных компаний в результате мощного конкурентного воздействия через ПИИ. Следствием этого является сокращение рыночной доли российских компаний. В результате они вынуждены либо переходить в менее технологические экономические сегменты, в которых производится продукция с более низкой долей добавленной стоимости, либо вообще уходить с рынка. В ходе конкурентной борьбы весьма распространены сделки, связанные с поглощением российских предприятий.

Таким образом, в свете остро стоящих в настоящее время задач по модернизации российской экономики, прекращению экономической стагнации, а также в связи с необходимостью совершения технологического прорыва, необходимо грамотно использовать прямые иностранные инвестиции в качестве средства развития отечественного бизнеса на передовом технологическом уровне, повышения конкурентоспособности национальных компаний, роста их эффективности.

Литература

1. *Лавров С., Александян А.* К вопросу о транснационализации российских компаний нефтегазового сектора // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 209–228.
2. Activities of U. S. Affiliates of Foreign Multinational Enterprises in 2015//Survey of current business 97. August 2017.
3. <https://businessman.ru/transnatsionalnyie-korporatsii-spisok-krupneyshih.html>.

*И. Д. СПАСКИЙ
Украина, Одесса,
Открытый исследовательский университет им. А. А. Ухтомского,
директор,
antyuniver@gmail.com*

РЕФЛЕКСИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРАКТИКАХ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕМЕНАМИ: ЭКОНОМИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Современная ситуация экономических перемен, которую вслед за Г. Хакиным можно назвать хаотизацией системы, отражается в практиках экономического мышления сообразно парадигмальным, дискурсивным или эпистемологическим установкам мыслящего. Отсюда рождается многоголосие различных форм мышления. Практики рефлексии экономического мышления позволяют раскрыть различия тех или иных мыслительных технологий, что в свою очередь раскрывает потенции многомерного мышления [2].

Рефлексия мышления на уровне бытийных основ экономических процессов позволяет выйти за пределы экономического детерминизма, тем самым обретая новые степени свободы и ступени мыслительных процессов [3]. Кроме того, в практиках рефлексии экономического мышления большой потенциал имеет преодоление отвлеченных начал экономического материализма [4]. Это создаёт условия для мыслительного раскрытия человека как цельности, как на уровне самих практик мышления, так и на уровне осмысления его экономических взаимодействий.

Онтологизация и антропологизация экономической мысли раскрываются в практиках многомерного мышления. Рефлексия мышления позволяет получить метакогнитивную обратную связь о качестве мышления и тем самым обрести ориентиры его усовершенствования.

Осмысление опыта управления переменами, представленного в системах Кайдзен, Бережливого производства, Шести сигма и др., показывает роль технологий мышления в эффективном взаимодействии с изменяющейся средой. Мышление, в котором непрерывно раскрывается многомерность, является основой повышения креативного благосостояния общества [5].

Кроме того, онтологизация и антропологизация экономической мысли выводит на уровень мыслительных практик проблемы экономической этики [6]. Это происходит как при осмыслении экономических процессов, их сценариев развития и результатов, так и места человека в этих процессах.

Таким образом, рефлексия экономического мышления позволяет определить его доминирующие парадигму, дискурс или эпистему. Через онтологизацию и антропологизацию мышления наметить мыслительные пути к раскрытию потенциала многомерного мышления, в связи с чем могут быть поставлены проблемы качества и этики в практиках рефлексии мышления. Соответственно в процессе управления переменами многомерное саморефлексирующее мышление будет реализовывать потенциал самоорганизации и самообучения социальных систем, тем самым повышая креативное благосостояние и устойчивость общества в условиях перемен.

Рефлексия исторических примеров обусловленного и ограниченного экономического мышления как на уровне теоретических исследований, так и на уровне хозяйственной практики показывает беспрецедентную важность раскрытия гибкого, многомерного, саморефлексирующего мышления в процессе повышения эффективности управления переменами. Это создает условия для повышения инновационной восприимчивости хозяйственной системы и, соответственно, снижения экономической инерции.

Литература

1. *Хакен Г.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / пер. с англ. И. Иванова. М.: Мир, 1991. 240 с.
2. *Богатая Л. Н.* На пути к многомерному мышлению: Монография. О.: Печатный дом, 2010. 372 с.
3. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М.: Сфера, 1990. 247 с.
4. *Соловьёв В. С.* Критика отвлеченных начал // Соловьёв В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. 402 с.
5. *Корнейчук Б. В.* Человеческий капитал во временном измерении. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2003. 203 с.
6. *Козловски П.* Принципы этической экономики. СПб., Мир, 1999. 220 с.

*Т. С. СУХИНА
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
экономический факультет,
н.с.,
tssmsu@mail.ru*

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

«История отходов неотделима от пути, проделанного людьми и цивилизациями». Сначала отходы зарывали или скармливали домашним животным, постепенно, с наступлением урбанизации, их структура изменилась и они стали просто мусором, создающим проблемы, усугубившиеся с индустриализацией. За последние столетие эти проблемы кардинально изменились: раньше они были связаны с недостаточным развитием цивилизации, теперь, наоборот, с «чрезмерным» — чрезмерным потреблением, сокращением срока службы вещей, неперенному следованию модным тенденциям, стремительным развитием потребительской экономики, поощряющей выпуск все более современных моделей с новыми функциями.

Сегодня в России человек в среднем производит около 1,5 кг отходов в день, В России по данным Росприроднадзора ежегодно образуется порядка 35–40 млн тонн бытовых отходов. Каждый россиянин производит в среднем около 400 кг отходов в год, включая «высокотехнологичные», содержащие опасные вещества и пластик, и основная их часть оказывается на специальных полигонах, откуда в почву и подземные воды попадают продукты разложения.

При этом Москва в расчете на одного человека производит мусора в три раза больше, чем другие города России, что во многом связано с более высоким уровнем потребления среди москвичей. По подсчетам экспертов ежегодный прирост бытовых отходов в столице составляет 2,5 %. Это означает, что количество мусора удваивается каждые 40 лет [2]. Особенно остро эта проблема стоит в центральных районах города.

В странах Европы производится переработка почти 60 % отходов. Ярким примером такой переработки является Швеция, где захоронению подлежит всего 1% мусора, все остальное перерабатывается, причем большая часть отходов перерабатывается в электроэнергию. Эффективность про-

граммы такова, что Швеция импортирует 80 000 тонн мусора из других стран, которые за эту переработку еще и платят Швеции деньги

В новой редакции российского Закона «Об отходах» [1] в основных направлениях государственной политики в области обращения с отходами закреплён приоритет повторного использования, сокращения и предотвращения образования отходов, а также их сортировки и переработки перед захоронением и сжиганием. Но на практике все приоритеты как бы переворачиваются с ног на голову — на федеральном уровне получает поддержку мусоросжигание, в целом ряде регионов отдельный сбор отходов, сортировка и переработка оказываются верхом прогресса. За редким исключением, систематическая организация мер, направленных на сокращение и предотвращение образования отходов отсутствует в территориальных схемах и региональных программах по управлению отходами.

Отдавая приоритет мусоросжиганию, а не переработке, мы усугубляем сложившуюся тревожную ситуацию: заводам становится экономически выгоднее сжигать отходы, чем перерабатывать их, и мотивация продвигать отдельный сбор мусора заметно снижается.

Согласно нацпроекту «Экология», в России к 2024 г. необходимо достигнуть показателя в 36% переработки всех твердых коммунальных отходов, при этом страны Евросоюза, согласно предписанию Европарламента, стремятся к тому, чтобы к 2030 г. перерабатывать не менее 90% отходов [3].

Принятая в 2015 г. новая государственная политика в области обращения с отходами ставит цели снижение образования отходов, развитие циркулярной экономики и ликвидация уже накопленного экологического ущерба. Но в реальности мы продолжаем устранять последствия, а не решаем проблему по существу.

У этой проблемы нет простых решений — огромное количество потенциально полезных для бизнеса отходов, сваленное на мусорных полигонах, экономически неэффективно использовать. Эффективность вовлечения отходов в хозяйственный оборот зависит от состава отходов региона, источников образования и их удаленности от потенциального предприятия-переработчика, способа формирования потока отходов и пр.

В 2015 г. в России был введен институт расширенной ответственности производителя (РОП), изначально сориентированный на принципы циклической экономики, целью которой является возвращение как можно большего количества вторичных ресурсов в хозяйственный оборот, а не их вывоза на мусорные полигоны. Но при введенных в России нормативах утилизации он неэффективен: получается, что предприятия оплачивают лишь 10% утилизации своей продукции, при том, что повсеместно принята ставка 100% экосбора на утилизацию выпущенных товаров. Производитель обязан не только оплатить переработку своих использованных товаров, но и гарантировать возможность этой переработки.

Литература

1. Федеральный закон от 25 декабря 2018 г. N 483-ФЗ «О внесении изменений в статью 291 Федерального закона “Об отходах производства и потребления”».
2. [Электронный ресурс]. <https://tass.ru/moskva/4131356>.
3. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2019/10/25/v-rf-zadumalis-o-reforme-sistemy-ekologicheskoy-otvetstvennosti-kompanij.html>.

*С. Н. ТУРИЩЕВ
Россия, Москва,
писатель, эксперт,
д.м.н., профессор,
tursn@mail.ru*

ОРИЕНТИРЫ БИОПРОГНОЗА

Понять, что объективно происходит с нами, со страной и с мировым сообществом, задача актуальная для выживания и для оптимизации жизни большинства людей. Ни одно государство не может благополучно существовать вне контекста мировых событий. Нельзя не отметить явления хаоса на мировой арене и в большинстве государств, в частности, попавших в идеологический тупик на фоне декларативных рассуждений о свободе и демократии.

Существует множество подходов к прогнозированию событий государственного и мирового масштаба. На наш взгляд, в качестве базисной целесообразно ориентироваться на теорию биосистем. Трудно отрицать, что законы живой природы точно экстраполируются на экономическую и политическую жизнь. По определению, человек, государство и другие человеческие сообщества — открытые саморегулирующиеся биосистемы, организующей целью которых является сохранение самости, укрепление жизнеспособности. Жизнеспособность и конкурентоспособность биосистемы (человека, государства и др.) зависят от точности восприятия окружающего мира, правильности его оценки (анализа), биопрогноза и принятия решений.

Как это ни парадоксально, несмотря на огромное количество ученых-обществоведов и теорий развития, складывается впечатление, что ни многие отдельные страны, ни мировое сообщество не знают: куда, собственно, они идут. С одной стороны — рассуждения о высоких материях, социальных задачах, гуманности и человечности, с другой — жесточайшая конкуренция, пренебрегающая любыми правилами и нормами человеческой морали. Отсюда переменчивость и спонтанность, спекулятивные, импульсивные действия, порождающие конфликты и кризисы.

Характерной особенностью XXI в. стала все большая персонификация власти и масштабное результативное манипулирование общественным мнением, связанное, прежде всего, с получением доступа к управлению и материальным ценностям. Эти процессы наблюдаются как в отдель-

ных государствах, так и в международных сообществах. При любых общественно-политических формациях всегда есть могущественные и активные игроки, которые, действуя по своим правилам, мало считаются с интересами других и научными выкладками. Вырисовываются «правила игры», где главные роли играют организации и сообщества, распоряжающиеся колоссальными материальными средствами, деньгами. Учитывая, что глобализация — это, по сути, общепризнанная власть денег, такие организации способны в любой точке земного шара делать всё, что им выгодно по своему сценарию. На сегодняшний день, можно констатировать, что хотя и есть соперничество государств и сообществ на международной арене, так или иначе, все активные фигуранты политических и экономических процессов считаются с этими «правилами игры». Отсюда похожие сюжеты смены власти в маленьких и больших странах, сценарии выборов президентов и иных должностных лиц. Уже давно никто не стесняется признавать, что выборы — это не столько волеизъявление народа, сколько политтехнологии, которые, по умолчанию, проводятся манипулятивно, без всяких правил — любыми средствами и методами. Негласно все согласились, что никто не соблюдает никаких правил. Жизнь все больше похожа на карточную игру — доминирует управляемая случайность.

Развитие возможно из состояния стабильности. Интегральные показатели жизнеспособности государства (упрощенно): благосостояние, репродукция населения, внешний авторитет. Чтобы выжить в кипящем международном котле, нужна внутренняя сила государства, основывающаяся на мобилизующих идеях (идеологии), высокой организации (доброкачественной кадровой политике), рациональной экономике, научном прогрессе. Обороноспособность, как таковая, базируется на вышеперечисленных ценностях. Упорядочение, гармонизация структурно-функционального комплекса государства-биосистемы создают предпосылки позитивного развития.

В сегодняшнем хаотичном мире с манипулятивной и персонифицированной политикой страна пойдёт туда, куда её поведут.

*Н. Б. ШУЛЕВСКИЙ
Россия, Москва,
МГУ имени М. В. Ломоносова,
философский факультет,
д. филос. н., профессор,
Shylevsk@mail.ru*

ШКОЛА И ОБРАЗОВАНИЕ — СОФИЙНЫЕ ТВОРЦЫ РУССКОГО МИРА

1. Кризис терзает природу, бытие, историю, человека. Кризис этот действует через «обычные» — социально-экономические, административно-управленческие, «обнищательные» формы, хотя сам по себе он особый — гуманитарно-цивилизационный, а по своей глубинной сути — концептуальный и метафизический кризис. В древнегреческом языке «кризис» означает не просто аномалию, нарушение норм жизни, а «суд», необратимое разделение праведных и виноватых, «зёрен» и «плевел». Но сегодня «плевелы» (ГМО) берут верх и над самим кризисом-судом, становясь метафизическим возмездием, экологической апокалиптикой алчности, извращениям и произволу людей.

2. Все имеющиеся сегодня технологические, социально-политические, гуманитарные и силовые методы не разрешают, а лишь усиливают кризис, ибо они опираются на разум и работают только посредством его абстрактных инструментов различной сложности. Забыт Кант, с недоумением и тревогой открывший трагедию разума, который не знает, не понимает и не решает взрывных антиномий познания и бытия, а лишь продуцирует абстракции, которые предлагают людям иллюзорные средства решения их неразрешимостей, расширяя и углубляя роковой исход кризиса. Разум может изобретать, находить, создавать лишь средства, а телеология, цели, смыслы человеческого бытия ему недоступны. Разум изобрел топор, а рубить им дрова или головы умников решает не разум, а воля власти и сознание, хотя и технику этой рубки-«отрубки» опять-таки изобретает ум-разум. Стремясь к предельно разумному пониманию мира, своих творений, накапливая знания, человек приходит к тотальному фикционизму, который вообще превращает всякое знание в непонимание. Разум — главный враг человека, ибо не знает самого главного в себе и для себя и не знает того, что он этого не знает. Если бы знал, то стал бы мудростью!

3. В познании России разум теряет свою «умность», становясь умным безумием, конструктором апокалиптики. («Умом Россию не понять!»). Но дела разума в изучении России вообще плачевные. Ю. М. Осипов открыл сакральную когнитивную формулу России: «Понять Россию ни пытливым умом, ни изощрённой учёностью, ни изящной словесностью невозможно, ибо Россия не предназначена для понимания даже самой себя, а предназначена как раз для непонимания, прежде всего самой же себя».¹ Вот тебе бабушка и Юрьев день для ума-разума! Кстати, это и самый лучший способ самообороны и реализации своего назначения!

4. В непознаваемости, неизвестности, непостигаемости России выражен не ее гнозис, а ее коренной онтос. Значит, неизвестное и непонятное должно стать смысловым орудием познания и понимания неведомой Руси-России, подобно тому, как самая темная ночь выявляет ранее невидимые звезды; как Икс служит познавательным органом науки. Нужно учиться работать с Иксом в познании России.

Непознаваемость России образует триединую сущность: непознаваемость России выступает как Великая Неизвестность, играющая «белыми», а ее конструктивными фигурами служат Бог, София — Премудрость, мир Иной; непознаваемость России выступает как метафизическая реальность, играющая «черными», а ее конструктивными фигурами служат Ничто, Незнание, Тайна; непознаваемость России выступает как метаморфоза исторических форм империи, играет империя «белыми» и «черными» фигурами в контексте школы и образования. Общим ядром этих уровней непознаваемости служит полилектика — метод, изучающий любую реалию как некое светило, испускающее лучи вовне и внутрь себя.

5. Адекватное осознание, понимание метафизики кризиса возможно лишь в контексте философии хозяйства и софиасофии, которые исследуют кризис в качестве функции апокалиптического разрешения, накопившихся неразрешенностей людей, теряющих человечность. Поэтому апокалиптический кризис не имеет социально-экономического, технологического, цивилизационного, вообще — чисто человеческого разрешения вне трансформации и преобразования человека в мир Иной. Для софиасофии кризис есть метафизический и беспощадный суд мира невидимого над миром видимым, погрязшим в алчности и потребительстве. Как сказал бы Платон, кризис есть суд идей над безыдейным прозябанием.

6. Но апокалиптика все же отчасти допускает возможность преобразования людей (не всех!) в иное состояние бытия. И это преобразование осуществимо лишь посредством школы и образования — творящих де-

¹ Эта формула напоминает софиасофскую формулу мудрости наших древних волхвов: «Пойди туда, не зная, куда; принеси то, не зная, что». Можно видеть в этой формуле и *русский код да Осипова Ю. М.* Следуя этому коду, камни Лобного места вопиют к небу!

миургов социума, ибо в «начале всех начал» было не слово, не дело, даже не смысл, не идея, не труд, не материя, а учеба, обучение кандидатов в ангельские, inferнальные и бытийные рати. Философия, религия и наука не заметили исходную социотворную и человекотворную роль школы и образования, которые являются не частью, институтами социума, а само общество, человек суть части, плоды институциональной и неформальной школы. А потому ключевым звеном, перводвигателем преобразования России в русскую, а не в евриканскую или в евроазиатскую страну, служат школа и образование. Образовательные программы и предметы несут в себе зародыши новой неведомой России. Учитель, а не политик, не военный, не технократ, не религиозный деятель должен стоять во главе эволюции современной России, ибо телеология и цели страны зарождаются в образовании (Н. Н. Моисеев). Все лучшее, что есть в России, нужно дать школе и... благая отдача неминуема. Ибо с неизвестным, непознаваемым, непостижимым постоянно работают лишь школа и образование, в которых субъекты и объекты суть феномены самой непознаваемости, дешифрующие самих себя и Россию.

*Я. С. ЯДГАРОВ
Россия, Москва,
Финансовый университет при Правительстве РФ, профессор,
д.э.н., профессор,
yakovyadgarov@mail.ru*

ВЕКТОРЫ ПРОРЫВА И ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ КОСЫГИНСКОЙ РЕФОРМЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕМЕНАМИ В «СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКЕ»: КОНЦЕПТ АКАДЕМИКА Л. И. АБАЛКИНА

Имя *Алексея Николаевича Косыгина* (1904—1980) ныне, как правило, ассоциируется с «косыгинской» (инициированной мартовским и сентябрьским Пленумами ЦК КПСС 1965 г.) реформой и занимаемой им с 1964 по 1980 г. должности Председателя Совета Министров СССР. Но изначально данная реформа была задумана для достижения существенных управляемых перемен в «советской экономике» исключительно «сверху». По этой причине, по мнению академика Л. И. Абалкина, реформа должна была «начинаться не с перестройки в высших органах управления экономикой, а с предприятия». Кроме того, полагает он, с одной стороны, концептуально предполагалось, что остававшееся в рамках государственной собственности предприятие, обладая относительной экономической обособленностью и будучи товаропроизводителем, будет проявлять интерес к росту прибыли. Но, с другой стороны, поскольку оговаривалось, что «ни государство не отвечает по долгам предприятий, ни предприятие — по долгам государства», то именно предприятие «на практике и встретило массу трудностей». Причем даже замена основного оценочного для предприятия до реформы показателя «валового объема производства» на показатель «объем реализованной продукции» не предусматривала главной перемены в управлении — преодоление «высокого уровня монополизации производства и еще сохраняющейся жесткости хозяйственных связей» ради повсеместно требовавшейся «заметной активизации спроса» [1, 205].

Прорывные векторы «косыгинской» реформы сводятся к постулированию Л. И. Абалкиным таких реальных позитивных тенденций и свершений, как:

- 1) огромный накопленный потенциал обновления в период «хрущевской оттепели», в том числе в «движении шестидесятников»;
- 2) появление ростков нового в экономическом мышлении (несмотря на сохранившийся еще тогда догматизм) благодаря восприятию научной общественностью публикаций в центральных партийных изданиях страны статей профессора Е. Либермана и академика В. Немчинова о непременном формировании на «советских» предприятиях прибыли;
- 3) рост накануне и в период проведения радикальной реформы реальных доходов населения, в том числе благодаря тому, что новым критерием оценки работы предприятия стала прибыль подобно тому, «как это было в начальный период НЭПа»;
- 4) признание реформой относительной экономической обособленности предприятий благодаря тому, что отныне государство перестало отвечать за долги предприятий, а предприятие — за долги государства;
- 5) сооружение автомобильного завода в Тольятти как «мощный прорыв на Запад» в связи с появлением в стране народного автомобиля, вышедшего на европейские рынки;
- 6) расширение сбыта дорогостоящих товаров в кредит и появление жилищно-строительных кооперативов [2, 38–39].

Основных причин поражения «косыгинской» реформы, по мнению академика Л. И. Абалкина три. Их суть, кратко, такова:

1. Отсутствие политической воли высшего руководства страны вследствие того, что «дряхлеющее партийное и государственное руководство не было готово к радикальным переменам».
2. Затормозивший реформу административно-командный аппарат «душил всякие начинания», рассматривая ее как очередную кампанию, отнюдь не требующую обновления аппарата управления.
3. Свертыванию косыгинской реформы способствовали и внешние факторы, и, прежде всего, события 1968–69 гг. в Чехословакии, которые сопровождались вооруженным подавлением попытки построения там «социализма с человеческим лицом» [2, 40].

Таким образом, солидаризируясь с вышеотмеченными суждениями академика Л. И. Абалкина о векторах прорыва и причинах поражения косыгинской реформы, можно заключить следующее. Главным образом, идейно-политическая составляющая обусловила предопределенность и неудачу «косыгинской» реформы. Проявилось же это сначала в консервации уравнилельной системы и директивных методов управления экономикой и отсутствии экономической заинтересованности предприятий (хозяйствующих субъектов) применять достижения научно-технического прогресса в соответствующих отраслях и сферах народного хозяйства. А за-

тем — в окончательном саморазрушении «советской» модели хозяйствования вплоть до распада СССР [3, 98].

Литература

1. *Абалкин Л. И.* Россия: Поиск самоопределения: Очерки / Л. Абалкин. М.: Наука, 2002.
2. *Абалкин Л. И.* Трагедия и уроки застойного периода // Абалкин Л. И. Уроки прошлого и будущее. М.: Институт экономики РАН, 2010. С. 38–43.
3. *Ядгаров Я. С.* Эволюция реформаторских воззрений А. Н. Косыгина. // Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.): монография / коллектив авторов; под науч. ред. Р. М. Нуреева, Ю. М. Латова. М.: КНОРУС, 2018. С. 87–98.

А. Г. ВОЙТОВ
РФ, Москва
к.э.н., доцент
voitovag@yandex.ru

ДИАЛЕКТИКА ПРОДАЖ **(на примере арбузов)**

1. Стихийное развитие общества ведет к пустыне. Его прогресс происходит по мере его сознательного созидания на основе развития научного потенциала. Главным направлением развития науки следует считать инициированную 25 веков назад ее теоретизацию на основе диалектики и логики. Ее завершению препятствуют многие заблуждения исследователей при понимании канона теоретизации — диалектики (диалектического мышления). Одним из них следует считать отрицание диалектического мышления при познании повседневных феноменов, в частности, продаж арбузов.

2. Софиомания известна с древности и проявляет претензии дилетантов на мудрость и ее превращенную форму — философию, в том числе диалектику. Последнее широко распространилось в нашей стране в связи с диалектическим замыслом К. Маркса, констатацией Ф. Энгельсом резондэтра марксизма, призывом В. И. Ленина вычленивать диалектику из «Капитала». В результате появилось много фактов подделки эклектики под диалектику. Мода на указание диалектики как метода познания всего и вся в 1920-е годы профанировала ее как метод мышления.

3. Фактами профанации диалектики стали утверждения: а) в 1920-е гг. о необходимости «диалектики кузнечного дела»; б) десятки лет спустя в Китае — «диалектики продажи арбузов». Их использовали как жупелы для дискретизации диалектики. Известно противостояние Э. Ильенкова, который признал возможным применение диалектического мышления и в таком случае. Но приверженцы диалектики не синтезировали технику диалектического объяснения всех объектов, в том числе продаж арбузов, в виду неовладения ею, и не обеспечили обучение людей.

4. Диалектика — технология сущностного объяснения объектов на основе их развития. Ее шедевром считают диалог Платона «Пир». Только на его основе можно овладеть диалектическим мышлением, которое применимо к объяснению и продажи арбузов и кузнечного дела и всего дру-

гого. Для этого достаточно выявить их формы и систематизировать их. Для этого не нужно изучать толстые фолианты, а обобщить практику их продажи в наше время. Такой анализ относится ко всем предметам потребления.

5. Существует множество знаний об арбузах, разбросанных по разным наукам: описание их как растения, их агротехники в разных климатических условиях, их селекции, питательных качеств, форм потребления, изготавливаемых из них продуктов, скажем арбузного меда. Актуально объяснение отношений людей по их поводу в разных социально-экономических формациях. Это, в целом, объект экономических наук. Системное объяснение предполагает выделение форм их потребления на основе макромоделей.

Возникновение рынка превратило арбузы в товары и привело к возникновению множества форм отношений людей по их поводу: обмена, обращения, торговли. Можно онкретизировать формы торговли арбузами моделью Порфирия.

Если абстрагироваться от исходных форм торговли, можно выделить четыре формы технологии магазинной торговли: 1) традиционная из-за прилавка, 2) самообслуживание, 3) самообслуживание на основе электронных средств торговли, 4) с помощью автоматов. Их можно показать на основе разных визуальных моделей — кумулятивным рядом, графиком развития, дихотомной и триадной моделью. У каждой модели свои достоинства и ограниченности.

Системное объяснение форм продажи арбузов предполагает выявление их общих свойств. Для этого следует обособить операции продажи товаров, в том числе арбузов: отобрать товар из партии, взвесить его, определить его цену, зафиксировать сделку в кассовом аппарате, оформить чеком, передать товар покупателю, получить деньги. В первом случае все делает продавец, а покупатель только передает деньги и берет товар. Более развитой формой являются магазины самообслуживания, в которых покупатель сам отбирает товар. Еще более развитой является основная практика продажи в магазинах на основе электронных средств. В таком случае покупатель не только отбирает товар, но и взвешивает его, одновременно определяя его цену. Наиболее развитой является продажа товаров с помощью автомата, который фиксирует товары и оформляет оплату с помощью платежных карточек. В таком случае все делает покупатель без участия в этом деле продавца.

А. П. БАБАЕВ
Азербайджан, г. Баку,
Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC),
заведующий кафедрой,
д.э.н., профессор
ababayev@rambler.ru

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ЭКОНОМИКС

Существенные различия между политической экономией и экономиксом нашли свое отражение в использовании различных методов при изучении экономических явлений и процессов, в несоответствии их методологических подходов.

В то время, как для политической экономии характерно использование и общих, и специальных методов, экономикс отдает предпочтение использованию специальных методов. При познании мира человеком политическая экономия ставит перед собой задачу выявить всеобщую суть и вовсе не ограничивается анализом внешних проявлений. Экономикс же, отстраняясь от подхода, по сути, не объясняет, а количественно описывает экономику при помощи сложных математических расчетов, графиков, формул, статистических моделей и наблюдений, конечных предельных величин и других форм. В то время как метод политической экономии является в большей степени философским и основополагающим, экономикс опирается, главным образом, на математические и статистические методы.

Обобщая различия между политической экономией и экономиксом, как направлениями экономической теории, можно сделать следующие выводы.

Первое. Политическая экономия, изучая коренные, внутренние причинно-следственные связи в производстве, раскрывает ее сущностные черты. Экономикс же изучает поверхностные, видимые отношения и описывает функциональные связи, исходя из принципов рационализации потребительского выбора. Политическая экономия для выявления главной сути производственных отношений и демонстрации причинно-следственных связей в их логической структуре использует диалектический и исторический методы, а экономике основывается на позитивизме и служит

поискам функциональных зависимостей. Таким образом, методология политической экономии изучает экономические законы на уровне сущности явлений и межсущностных отношений, в целом отделяя сущность от явления, экономикс же в своей методологии довольствуется исследованием видимых экономических форм и функциональных зависимостей между ними, не добираясь до сущности экономических законов. Поэтому во всех учебниках экономикса в связи с тем, что не раскрывается сущность таких категорий рыночной экономики, как деньги, цена, капитал, издержки производства, прибыль, рента и другие, отсутствуют формулировки их научных определений.

Второе. В рассматриваемых науках отличаются и объекты исследования. Объектом исследования экономикса является не производство и предложение, и даже не их взаимосвязь с потреблением и спросом, а непосредственно сфера обмена, потребление и спрос, точнее, кривая спроса. Политическая экономия в отличие от экономикса отводит ведущую роль не потреблению и спросу в общественном воспроизводстве, а производству и предложению: 1) тот или иной продукт до распределения, обмена и потребления должен быть произведен; поэтому можно сказать, что процесс воспроизводства непосредственно связан с производством; 2) именно способ производства и, прежде всего, его техника и технология составляют материальную основу распределения, обмена и потребления; 3) характер распределения, обмена и потребления определяется, в первую очередь, социально-экономической формой производства.

Третье. В политэкономических исследованиях движение валового национального продукта основывается на принципах целостности общественного воспроизводства, отражающей в себе этапы производства, распределение, обмен и потребление. В учебниках экономикса же объект исследования рассматривается, в основном, на двух уровнях — макро- и микроэкономики.

Четвертое. В политической экономии в качестве логической исходной точки анализа принимается общественное производство в целом, национальная экономика или общество как единое целое, состоящее из экономических субъектов. В экономиксе же логической исходной точкой исследования выступает отдельно взятый, частный экономический субъект, самостоятельно осуществляющий деятельность в обществе и в общественном производстве. Один и тот же объект рассматривается с двух позиций — с точки зрения общества и с позиции индивидуума.

Следовательно, в анализе экономических проблем между двумя направлениями современной экономической теории существуют определенные различия. В отличие от политической экономии, имеющей более общий, теоретический характер, экономикс носит более прикладной характер. Имея единый предмет, политическая экономия

и экономикс изучают экономические системы, основываясь на принципиально отличных методологиях, ставят перед собой различные цели и задачи. Политическая экономия как теория капитализма основывается на теории трудовой стоимости, а экономикс — на теории предельной полезности.

Научное электронное издание

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«РОССИЯ В КООРДИНАТАХ УДАРНЫХ ПЕРЕМЕН:
СОЦИУМ, ЭКОНОМИКА, ТЕХНОСФЕРА»**

Сборник тезисов выступлений